АЛЕКСЕЕВ
Октябрьская
Революция

А. С. АЛЕКСЕЕВ

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

С. А. АЛЕКСЕЕВ

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

С предисловием
А. П. Станчинского

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

Типография Издат. „Молодая Гвардия". Ленинград, В. О., 5 лин., 28. Заказ Изд. № 2540. Ред. План № 579—584. Главлит № А-31115. Печатн. лист. 18. Тираж 5.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основной задачей автора предлагаемой вниманию читателя книги, как это видно из его предисловия, было „дать связный очерк событий, послуживших предпосылками Октябрьской революции и первых ее шагов".

Обстоятельством, побудившим С. А. Алексеева взяться за работу над этой книгой, было то, что на нашем книжном рынке очень мало популярных работ, ставящих перед собой указанную выше задачу.

Всякий, кто знает литературу об Октябрьской революции, вынужден будет согласиться с тем мнением, что эта литература только создается. Пока количество ее ни в какой мере не соответствует грандиозности событий, происшедших в 1917 г. В этом легко убедиться, сравнив с литературой об Октябре хотя бы то, что написано о французской революции XVIII века, о революции 1848 г., о Парижской Коммуне и т. д. Относительно этих исторических событий, значение которых было несравненно меньше, чем значение Октябрьской революции, принесшей с собою освобождение трудящихся от политического и экономического гнета эксплоататорских классов, написано большое количество как книг общего характера, так и различных монографий, касающихся одной какой-нибудь стороны этих событий.

Автор верно отмечает, что у нас существует „не мало работ как исследовательского, так и компилятивного характера, предметом которых служат отдельные вопросы Февральской и Октябрьской революций". Есть также довольно большое количество работ мемуарного типа. Что же касается трудов, рисующих в связной форме общий ход событий 1917 г., то этих трудов почти нет.

А между тем наша молодежь особенно нуждается именно в работах общего характера. Это прекрасно знают особенно те из нас, кто преподает историю революционного движения в России в учебных заведениях. В этом отношении книга должна себя оправдать. Недостаточное количество литературы об Октябре, конечно, вполне об'яснимо. С исторической точки зрения, мы только немного отодвинулись от великих и бурных событий 1917 г. и лишь недавно отпраздновали одиннадцатую годовщину Октябрьской революции. Но далеко не всем из нового поколения посчастливилось быть в рядах активных борцов за социалистическую революцию. Вот именно этим новым фалангам рабочего класса, каждодневно расширяющим завоевания Октября и строящим социализм, настоящая книга дает возможность

глубже понять подготовление и ход октябрьских событий и борьбы рабочего класса за свою диктатуру. *Не все еще усвоили как характер происшедшей революции, так и особенно, в свете ее, процессы, происходящие в стране.* В борьбе с оппортунистическими течениями нам приходится все снова и снова возвращаться к оценке нашей революции и ее социалистической сущности.

Наша партия, *в частности в спорах с троцкизмом*, дала глубокий анализ развития основных линий Октябрьской революции и ее движущих сил. Но понять этот анализ могут лишь те, кто знает фактическую историю Октября. И вот познать эту историю в связном изложении и должна помочь книга С. А. Алексеева.

Опираясь главным образом на произведения В. И. Ленина, С. А. Алексеев дает в своей книге и марксистский анализ событий 1917 г. Не прибавляя по существу ничего принципиально нового к тому, что уже сделано в этой области теоретиками нашей партии, автор дает на страницах своей книги обобщающую сводку того, что было сказано этими теоретиками. Это безусловно облегчает начинающим товарищам изучение истории Октября.

Книга С. А. Алексеева не свободна и от некоторых недочетов. В частности недостаточно глубоко освещен вопрос о спорах перед Октябрем внутри Центрального Комитета РСДРП (б) и мало использованы опубликованные протоколы ЦК. Недостаточно ярко обрисована деятельность партии в армии, имевшая колоссальное значение в истории Октября. Некоторые формулировки автора не совсем четки, расплывчаты.

Но, несмотря на указанные недостатки, книга может считаться полезной работой, пополняющей пробел в литературе по истории Октябрьской революции.

А. Станчинский.

ОТ АВТОРА

В настоящей работе автор ставил себе прежде всего задачей дать связный исторический очерк событий, послуживших предпосылками Октябрьской революции и первых ее шагов.

Как ни элементарна сама по себе эта задача и как ни необходима читателю Советского Союза книга, которая в простой форме знакомила бы его с фактическим ходом величайшей в истории человечества, по своим последствиям, пролетарской революции, однакоже на нашем книжном рынке существует чрезвычайно мало работ, которые бы поставили перед собой такую задачу. Существует большое количество воспоминаний, посвященных отдельным сторонам или отдельным эпизодам Октябрьской революции. Существует немало работ как исследовательского, так и компилятивного характера, предметом которых служат отдельные вопросы Февральской и Октябрьской революций. Но почти нет книг общего характера, которые давали бы читателю по возможности полную картину Октябрьской революции. Это обстоятельство дает автору право надеяться, что его попытка дать как-раз такую общую работу не будет совершенно излишней.

Вторая задача автора состояла в том, чтобы на ряду с изложением хода событий дать и их марксистский анализ. Эта вторая задача в огромной мере облегчается для всякого будущего историка нашей великой революции богатым наследием, оставленным нам В. И. Лениным. С гениальной простотой и ясностью Ленин во время самого хода событий давал нам шаг за шагом мастерской марксистский анализ сложного и непрерывно менявшегося политического положения, создавшегося в ходе Февральской революции, вскрывая расстановку классовых сил и перемены в ней в каждый поворотный момент революции. Поэтому невозможно дать марксистскую историю нашей революции, не делая исходным пунктом своей работы того, что написал о революции Ленин. И потому ленинский анализ событий, изложенный всего чаще собственными словами Ленина, проходит красной нитью через всю настоящую книжку.

Само собою разумеется, что постановка задачи отнюдь не означает еще ее доброкачественного выполнения. Однакоже самая задача—дать на ряду с фактическим изложением событий и марксистский комментарий к ним—настолько важна и благодарна, что автор решил представить на суд читателей свою работу, вполне допуская, что критика найдет в ней немало пробелов и недочетов.

Необходимо еще упомянуть о некоторых деталях более технического характера. Прежде всего—о приводимых в книге датах.

Несмотря на то, что новый стиль введен в Советской республике с 1/14 февраля 1918 г., у некоторых авторов вошло в последнее время в обычай прибегать к новому стилю и при обозначении дат событий, относящихся к более раннему периоду Февральской и Октябрьской революций. Такой способ обозначения, согласно которому Февральская революция произошла в марте, а Октябрьская—в ноябре, сбивает с толка читателя, заставляя его мысленно переводить обратно даты общеизвестных событий (так, например, известно, что июльские дни происходили 3—5 июля, а не 16—18-го, разгон Учредительного Собрания—5 января, а не 18-го и т. д.) Но зачастую такой обычай путает и самих авторов: так, по тов. В. Владимировой, восстание левых эс-эров в Москве произошло не 6, а 19 июля 1918 года, ибо она по привычке прибавляет и к новому стилю еще 13 дней. С другой стороны, по ее же словам, ЦК партии эс-эров 1 ноября исключил из партии всех ее членов, участвовавших в Октябрьском перевороте, тогда как самый этот переворот произошел 7 ноября *. Тот же обычай иногда заставляет авторов искажать документы, подменяя во взятых в ковычки цитатах подлинные даты переведенными на новый стиль (сплошь и рядом, хотя и не повсюду, в той же книге В. Владимировой).

Во избежание путаницы мы датируем здесь события именно так, как они произошли и записаны, выражаясь торжественным стилем, „в летописях истории": до 1/14 февраля 1918 года — по старому, а с этого числа — по новому стилю.

Еще несколько слов о ссылках на источники. Последние сделаны в виде выносок. Однако, чтобы не пестрить текста, выноски эти перенесены в конец книги и снабжены сквозной нумерацией. Исключением являются ссылки на собрание сочинений Ленина, которые в виду их многочисленности помещены в самом тексте, где они заключены в скобки и в интересах сбережения места приведены в условном сокращении; так, ссылка „Л., XIV, 2, 43" означает: „В. И. Ленин. Собрание сочинений. Изд. Госиздата. Москва, 1921—1925 гг. Том XIV, часть 2-я, стр. 43".

Автор приносит искреннюю благодарность товарищам, оказавшим ему помощь предварительным просмотром работы и своими замечаниями.

Автор

---

* См. В. Владимирова.—„Год службы „социалистов" капиталистам". Госиздат, 1927 г. Стр. 96 и 97.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — ПРЕДТЕЧА ОКТЯБРЯ

Глава первая

Февральская революция и ее внутренние противоречия

27 февраля 1917 года народное восстание сбросило корону с головы последнего русского царя, а вместе с тем уничтожило навсегда и царское самодержавие.

Подавляющее большинство революционных масс, вышедших на улицы Петрограда (ныне Ленинграда) в решающие дни февраля, составляли рабочие и вооруженные крестьяне—солдаты царской армии: именно они добыли революции победу. Но этим решающим дням предшествовало широкое движение против старого режима, в котором об'единились самые разнообразные классы и слои населения. Это было настоящее всенародное движение, которому не остались совершенно чужды даже реакционеры монархического толка.

Вплоть до империалистической войны царское самодержавие — власть помещика-крепостника — находило себе поддержку и в среде крупной буржуазии: оно обеспечивало ей барыши и охраняло ее от рабочего движения. Однако царская политика во время войны и разгул распутинщины пошатнули и эту опору царского режима. В самом деле, война должна была именно этим классам — помещикам и крупной буржуазии — принести наибольшие выгоды, а между тем в конец развращенный и разложившийся правительственный аппа-

рат царизма оказался совершенно неспособным выиграть войну.

И вот мы видим, что в последние годы перед революцией даже реакционные слои крупной буржуазии и помещиков частью захватываются «противоправительственным» движением. Даже совет об'единенного дворянства оказался в оппозиции, даже черносотенец Шмаков подал свой голос за либеральный адрес Московской городской думы, даже члены царской фамилии протестовали против распутинского режима. Монархист Шульгин входит в состав образовавшегося в Государственной Думе «прогрессивного блока», требующего от царя «ответственного министерства». Другой монархист, черносотенец Пуришкевич, произносит в Думе речь против императрицы и вместе с великим князем Дмитрием Павловичом и родовитым аристократом князем Юсуповым убивает любимого «старца» царя и царицы — Распутина. Устранением Распутина и ослаблением влияния императрицы заговорщики думают предотвратить революцию и спасти царя.

Представители более либеральных слоев буржуазии и помещиков идут еще дальше. Незадолго до февраля они устраивают заговоры, имеющие целью свержение с престола Николая и замену его Михаилом; последнего они не без основания считали более готовым выполнять их волю, чем ограниченного, но упрямого Николая, всецело подпавшего под влияние своей жены и Распутина. Дворцовым переворотом, при сохранении монархии и даже династии Романовых господствующие классы хотели предотвратить всенародную революцию, которая грозила сбросить вместе с царем и их самих.

Движение русской буржуазии, направленное против царского самовластия, нашло себе поддержку и в среде буржуазии передовых западно-европейских стран—союзников России в империалистической войне.

Еще недавно, непосредственно вслед за революцией 1905 года, царское самодержавие было спасено от банкротства французским капиталом, предоставившим ему щедрый заем. Теперь же для передовых капиталистических стран неспособность царизма добиться победы выяснилась очень скоро. Поэтому они возлагали большие надежды на революционное

движение русской буржуазии. Они ожидали, что захват ею власти положит конец разрухе в стране и сделает Россию более способной к ведению войны. Французские и английские послы на аудиенциях (приемах) у царя пытались, хотя и безуспешно, склонить Николая II уступить «общественному мнению», т. е. буржуазии, ограничить самовластие, убрать ненавистных министров, «даровать стране ответственное министерство».

Если война превратила даже буржуазию и помещиков во врагов царско-распутинского самовластия, то в еще большей степени она усилила революционный дух в среде мелко-буржуазной интеллигенции разных оттенков. Последняя составляла основную массу таких партий, как социалисты-революционеры (эс-эры), народные социалисты, «Единство», и руководящую верхушку социал-демократов-меньшевиков (низы этой последней партии состояли уже главным образом из рабочих). У мелко-буржуазной интеллигенции война обострила и в огромной степени усилила старую ненависть к самодержавию, прибавив к ней еще и чувство оскорбленного патриотизма.

Во время русско-японской войны 1904—1905 гг., предшественницы первой русской революции, русская интеллигенция была «пораженческой»; теперь, во время мировой войны 1914—1917 гг., интеллигенция стала «оборонческой».

На почве «обороны отечества» интеллигенция и созданные ею партии совершенно об'единились с цензовой буржуазией, заключив с ней прочный «гражданский мир». А общая ненависть к царскому самовластию упрочивала этот союз, толкая интеллигенцию к поддержке буржуазии в ее борьбе за власть.

Итак, Февральская революция носила «всенародный» характер. Это «была революция пролетариата, крестьянства и буржуазии в союзе с англо-французским капиталом против царизма». («Ошибки нашей партии», Л. XX, 2, 29).

Однако в этой «всенародной» или «общенациональной» революции интересы и роль разных классов были совершенно различны.

У рабочего класса и крестьянства ненависть к царизму (которая у забитых масс крестьянства иногда заменялась несознательной ненавистью к местным властям) вызывалась тем,

что царизм был властью их классовых врагов, властью, которая не давала крестьянину земли и держала его в кабале у помещика, а рабочему не давала возможности бороться за лучшую долю и за конечную победу. Империалистическая бойня и у рабочих и у крестьян, равно как и у вооруженного рабочего и крестьянина — солдата действующей армии — в огромной степени обостряла и усиливала эту ненависть к самодержавию; к последней у них теперь присоединялась глухо и неудержимо нароставшая вражда к затяжной и безнадежной войне, бравшей у народных масс кровь и приносившей им голод.

Совсем иной смысл имело требование уничтожения царского самодержавия со стороны буржуазии. К этому требованию она и подошла нехотя, за отсутствием какого бы то ни было иного выхода. Соглашение с царизмом она предпочитала прямой борьбе с ним. И хотя самодержавие упорно отвергало такое соглашение, буржуазия не собиралась строить баррикады.

Только нароставшее революционное движение «низов» против разлагающегося самодержавия толкнуло ее на путь революционной борьбы. Она должна была спешить собственными руками низвергнуть царя и распутинское правительство для того, чтобы этого не сделали раз'яренные народные массы, которые ведь заодно с царем могли низвергнуть и самую буржуазию.

И в Февральскую революцию буржуазия не прочь была изобразить дело так, что революция—это ее детище. Ее единственный орган — Государственная Дума — на момент «возглавил движение»; убежденным монархистам Гучкову и Шульгину пришлось собственноручно представить для подписи царю акт об отречении от престола; партиям третьего июня—октябристам и правым—довелось дрожащими устами произнести страшные слова «Учредительное собрание», а будущему самозванному «императору всероссийскому», великому князю Кириллу Владимировичу, пришлось, приколов к мундиру красный бант, шествовать во главе своего гвардейского экипажа к Государственной Думе с из'явлением покорности.

Однако истинное отношение всей буржуазии к развернувшимся помимо ее воли событиям всего ярче и всего правдивее изобразил тот же монархист Шульгин.

Вот что рассказывает он о своем настроении в день 27 февраля:

«Бесконечная, неисчерпаемая струя человеческого водоворота бросала в Думу все новые и новые лица... Но сколько их ни было — у всех было одно лицо: гнусно-животно-тупое или гнусно-дьявольски-злобное.

Боже, как это было гадко!.. Так гадко, что, стиснув зубы, я чувствовал в себе одно тоскующее, бессильное и потому еще более злобное бешенство.

— Пулеметов!

Пулеметов, — вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлоги вырвавшегося на свободу страшного зверя...»[1]

Из рук распутинского самодержавия, которое уже бессильно было пустить в ход пулеметы в нужный момент, буржуазия хотела вырвать власть и пулеметы, чтобы направить их в случае надобности против «уличной толпы», — такова была в конечном счете цель участия буржуазии в революции. Война и поражения усиливали такую «революционность» буржуазии, так как обнаруживали полную неспособность самодержавия добиться победы.

Таким образом буржуазия присоединилась к революции и «возглавила» ее с целью, во-первых, остановить ее и обуздать революционные массы, во-вторых, обеспечить лучшую организацию войны, чтобы довести ее в союзе с Антантой «до победного конца».

Итак, когда уничтожения царского самовластия требовали либеральные помещики или буржуазия, то это требование означало у них: власть буржуазии даже с сохранением монарха; сохранение нерушимым «священного» принципа собственности; наконец «война до победного конца». Но когда клич «долой самодержавие» вырывался из груди миллионов рабочих и крестьян, то это вовсе не значило, что самовластие царя они хотели заменить самовластием буржуазии; этот клич скорее означал: «долой самовластие и грабительские аппетиты буржуазии, разгулявшиеся во время войны»; он означал еще: «земля крестьянину»; наконец вместо «войны до побед-

ного конца» он означал отвращение к войне, хотя требование «долой войну» стало сознательно выдвигаться широкими народными массами только по мере дальнейшего развития революции после февральских дней.

Между двумя этими основными историческими силами — пролетариатом, с интересами которого совпадали и интересы крестьянства, и буржуазией — колебалась то вправо, то влево мелкобуржуазная интеллигенция, почти целиком входившая в состав партий оппортунистического социализма.

Таким образом уже самая победа Февральской революции таила в себе зародыш борьбы между классами, доставившими ей победу. После низвержения общего врага — царизма — должна была разгореться с особенной силой эта борьба, источником которой были непримиримые противоречия интересов этих классов.

Октябрьская революция родилась из противоречий Февральской революции, и ее нельзя понять, не уяснив себе существа и характера этих противоречий.

Глава вторая

Двоевластие: Временное Правительство и Советы

Хотя движение против распутинского самодержавия носило всенародный характер, но главной силой, свалившей старый режим в февральские дни, были рабочие и солдатские массы. Однако массы эти были еще недостаточно сознательны и плохо организованы. Не только армия, но и широкие слои пролетариата еще не освободились от оборонческих настроений; еще не поняли противоположности между их интересами и интересами отечественной буржуазии.

Вследствие недостаточной сознательности и плохой организованности рабочие и крестьянские массы не могли взять в свои руки власть, выпавшую 27 февраля из рук последнего царя.

Эту власть подхватила буржуазия. Последняя через посредство своего главного политического органа — Государ-

ственной Думы — и создала первое Временное Правительство. Председателем этого Временного Правительства был либеральный земец князь Г. Е. Львов. В состав его вошел в качестве «заложника демократии» только один представитель мелкобуржуазного социализма — эс-эр Керенский, ярый оборонец. Остальные министры были либо члены кадетской и еще более правой октябристской партии, либо буржуазные «беспартийные».

Буржуазное Временное Правительство считало задачи революции выполненными, раз она уничтожила самовластие царя и передала власть в руки буржуазии. Теперь оно хотело возможно скорей покончить с революцией. Оно призывало массы к порядку и дисциплине, т. е. к безропотному подчинению буржуазной власти. Оно стремилось продолжать войну и довести ее до победы над Германией. Оно поддерживало старую дисциплину в армии, т. е. власть черносотенного генералитета и офицерства над революционной солдатской массой. Оно не могло отнять землю у помещиков и передать ее крестьянству. Оно старалось даже спасти монархию, если не в руках Николая II, то в руках его сына Алексея или брата Михаила; один из виднейших членов Временного Правительства кадет Милюков 2 марта на митинге в Таврическом дворце заявил, как о решенном деле, что из рук Николая «власть перейдет к регенту, великому князю Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей»; а на следующий день, несмотря на бурное негодование революционных масс, тот же Милюков и другой министр Гучков убеждают Михаила согласиться на принятие престола. В дальнейшем потребовалось шесть месяцев напряженной классовой борьбы, чтобы вынудить Временное Правительство провозгласить республику актом 1 сентября.

Однако, взяв в свои руки власть, буржуазное Временное Правительство не имело за собой иной силы, кроме силы революционных масс. Это они сообщали ему силу своим «доверчиво-бессознательным отношением к правительству капиталистов» (Л., XIV, 18). Но об'ективно (на деле) интересы этих масс были прямо противоположны интересам взявшей власть буржуазии. Буржуазия хотела продолжать войну и

победить, а народным массам война несла лишь обострение бедствий и нищеты. Буржуазия и помещики хотели удержать землю в своем владении, а крестьянские массы хотели эту землю у них отнять. Буржуазия стремилась использовать военную кон'юнктуру для усиления эксплоатации, а рабочие стремились установить контроль над производством со стороны действительно революционной власти. Между буржуазией, с одной стороны, рабочим классом и крестьянством, с другой, неминуемо должна была начаться борьба, которая и действительно началась уже в первый же день революции.

В то время, когда буржуазия взяла власть, рабочие и солдатские массы создали свои собственные органы — советы рабочих и солдатских депутатов. Первый такой совет — Петроградский — возник уже в самый день свержения самодержавия — 27 февраля. Вслед затем начинают возникать такие советы и в провинции. Вскоре после того появляются и советы крестьянских депутатов. Своим советам массы доверяли, их распоряжения они исполняли безоговорочно. За советами была настоящая сила.

Особенно большой силой и влиянием на массы пользовался Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов и избранный им Исполнительный Комитет. На них массы смотрели, как на центральные органы *своей власти*, вплоть до созыва в июне 1917 г. первого Всероссийского С'езда Советов, на котором был уже избран Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК). С первого же дня революции сила и значение Петроградского Совета и Исполнительного Комитета, т. е. сила стоявших за ними масс, были так велики, что с ними не могли не считаться буржуазия и ее центральный орган — Государственная Дума. Даже самый состав первого Временного Правительства был определен по соглашению между Исполнительными Комитетами Государственной Думы и Петроградского Совета.

Однако в столице, как мы сейчас увидим, советы добровольно отказались от власти и передали ее в руки буржуазного Временного Правительства, удовлетворившись ролью второго, контролирующего правительства. На местах, в провинции, часто складывалось иное положение. Здесь органы старой адми-

нистрации — губернаторы, полиция, жандармы — были сметены революцией. Правда, Временное Правительство старалось повсюду насадить новую буржуазно-помещичью администрацию, поставив во главе ее городских голов и председателей земств. Однако уже в самом начале революции повсеместно в провинции начинают «самочинно» возникать советы — по инициативе местных рабочих или солдат. Эти советы пользовались настолько сильным влиянием на массы, что они зачастую сосредоточивали в своих руках самые разнообразные и широкие административные функции и становились подлинной властью на местах.

Советы таким образом стали органами власти — рабоче-крестьянской власти, существовавшей на ряду с буржуазной властью Временного Правительства. Так возникло двоевластие в революционной стране, — политическое выражение противоречий между классами, участвовавшими в революции. Рядом с Временным Правительством, правительством буржуазии, сложилось зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле, пользующееся доверием масс и растущее другое правительство: советы рабочих и солдатских депутатов. Двоевластие составляло «в высшей степени замечательное своеобразие нашей революции» (Л., XIV, 24) (речь идет о Февральской революции), оно было ее «самой главной особенностью» (там же, 40), и потому необходимо остановиться на нем подробнее.

Прежде всего, «каков классовый состав этого другого правительства? Пролетариат и крестьянство (одетое в солдатские мундиры). Каков политический характер этого правительства? Это — революционная диктатура, т. е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, *не на закон*, изданный централизованной государственной властью. Это — власть совсем не того рода, какого бывает вообще власть в парламентарной буржуазно-демократической республике обычного, до сих пор господствующего в передовых странах Европы и Америки типа. Часто забывают это обстоятельство, часто не вдумываются в него, а в нем вся суть. Эта власть — власть того же типа, какого была Парижская Коммуна 1871 года» (Л. XIV, 1, 24).

Однако эти два правительства были далеко не равноправны. Настоящая сила была только у революционных масс, а через массы — в руках советов. Но массы и советы уступали власть буржуазии. Потому и в этом смысле главным, настоящим, действительным правительством было буржуазное Временное Правительство Львова; правительство же советов было лишь «добавочным, побочным, контролирующим». «Петроградский Совет Солдатских и Рабочих Депутатов, судя по всему, пользующийся доверием большинства местных советов, добровольно передает государственную власть буржуазии и ее Временному Правительству, добровольно уступает ему первенство, заключив с ним соглашение о поддержке его, ограничивается ролью наблюдателя, контролера за созывом Учредительного Собрания».

Таким образом «зачаточная власть советов сама и прямым соглашением с буржуазным Временным Правительством и рядом фактических уступок *сдала* и *сдает* позиции буржуазии». Временное Правительство «опирается на «поддержку» буржуазии *вторым* правительством, Советом Рабочих Депутатов» (Л. XIV, 1, 25 — 26). «Получилось чрезвычайно оригинальное, новое, невиданное *переплетение того и другого*» (т. е. господства буржуазии и господства пролетариата и крестьянства. *С. А.)* «Существует рядом, вместе, в одно и то же время *и* господство буржуазии (правительство Львова и Гучкова), *и* революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, *добровольно* отдающая власть буржуазии, добровольно превращающаяся в придаток ее» (Л. XIV, 1, 30).

Основой добровольного отказа рабочих и крестьянских масс от власти и добровольной передачи ими этой власти буржуазии было «доверчиво-бессознательное» отношение их к буржуазии.

«Доверчиво-бессознательное отношение к капиталистам, худшим врагам мира и социализма, — вот что характеризует современную политику *масс* в России, вот что *выросло* с революционной быстротой на социально-экономической почве наиболее мелкобуржуазной из всех европейских стран. Вот классовая основа «соглашения» между Временным Правительством и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов — согла-

шения, давшего Гучковым жирный кусок, настоящую власть, а Совету — посулы, почет (до поры, до времени), лесть, фразы, уверения, расшаркивания Керенских» (Л., XIV, 1, 41).

Однако даже и в таком виде, в виде двух далеко не равноправных правительств, двоевластие не могло быть длительным: «двух властей в государстве *быть не может*. Одна из них должна сойти на-нет» (там же, 41). Поэтому неизбежная борьба революционных масс против буржуазии должна была принять форму борьбы за власть советов. Здесь необходимо рассмотреть те условия, при которых протекала эта борьба.

Глава третья

Мелкобуржуазная демократия и партия пролетариата *

В советах и вокруг советов об'единились рабочие, солдатские и крестьянские массы. Но руководящая роль в них с первых же дней революции принадлежала представителям пролетариата; крестьянско-солдатские массы легко отдавали себя под руководство пролетариата, как идеологически сильнейшего и более организованного.

Однако самый пролетариат обладал еще достаточно низкой степенью сознательности и организованности. Мало того, огромные мелкобуржуазные массы страны, пробужденные революцией к политической жизни, оказывали сильнейшее влияние на пролетариат, на его идеологию.

---

* Под „мелкобуржуазной демократией“ мы понимаем в этой книге совокупность мелкобуржуазных политических партий, начиная от трудовиков и „Единства“ и кончая эс-эрами и меньшевиками. Все они называли себя социалистическими и противопоставляли себя буржуазным партиям, в частности кадетам. (Ср. резолюцию VI с'езда РСДРП (б): „Российская мелко-буржуазная демократия в лице партий эс-эров и меньшевиков...“—Протоколы VI с'езда РСДРП (б), кн-во „Коммунист“, М.—П. 1919 г. стр. 218).

«Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику» (Л., XIV, 1, 41).

Выражением этого мелкобуржуазного влияния на рабочий класс и результатом тех иллюзий доверчиво-бессознательного отношения к капиталистам, которые в начале революции охватили революционные массы, было то обстоятельство, что в советах руководящая роль принадлежала соглашательским партиям социалистов-революционеров (эс-эров) и меньшевиков. Представители классовой пролетарской линии — большевики — составляли в начале революции лишь незначительное меньшинство в советах.

Между тем обе эти руководящие партии советов и масс, и эс-эры и меньшевики, на данной ступени революции как-раз и были типичными выразителями мелкобуржуазной идеологии.

Называя себя социалистическими, они отстаивали буржуазный характер революции, доказывая, что Россия еще не созрела для социалистической революции; они отстаивали сотрудничество с буржуазией, работу с нею в одном правительстве — коалицию; наконец революционные мероприятия в пользу народных масс, которых все настойчивее требовали эти массы, например, конфискацию помещичьей земли и передачу ее крестьянству, эти партии откладывали вплоть до решения Учредительного Собрания. Но самым ярким выражением мелкобуржуазной идеологии этих партий (эс-эров и меньшевиков) была их оборонческая позиция; огромное большинство из них, особенно в первые месяцы Февральской революции, настаивало на продолжении войны против Германии в союзе с империалистическими государствами Антанты: Англией, Францией, Америкой, Италией, Японией.

«Самым крупным, самым ярким проявлением мелкобуржуазной волны, захлестнувшей «почти все», надо признать *революционное оборончество.* Именно оно—злейший враг дальнейшего движения и успеха русской революции Л. XIV, **1, 44).**

Революционное оборончество было политикой *гражданского мира* между классами, т. е. практически политикой гегемонии буржуазии над пролетариатом. Оно было тем руслом, по которому широкой струей притекало буржуазное влияние на рабочий класс. И тем не менее, в начальных стадиях Февральской революции Ленин говорил еще о *добросовестном оборончестве масс:* оборонческие массы шли туда, куда их вела буржуазия, не потому, что сами вместе с последней хотели *империалистической* войны, а потому, что были обмануты буржуазией. «Массовые представители революционного оборончества *добросовестны*, — не в личном смысле, а в классовом, т. е. они принадлежат к таким классам (рабочие и беднейшие крестьяне), которые *действительно* от аннексий и от удушения чужих народов не выигрывают». Однако этому «добросовестному оборончеству» масс Ленин противопоставлял «оборончество» мелкобуржуазных вождей этих масс, понимающих, что и после буржуазной революции война осталась империалистической; «оборончество» этих вождей означает, по Ленину, бессовестный обман ими масс: «Это не то, — говорит Ленин вслед за приведенной фразой, — что буржуа и гг. «интеллигенты», прекрасно знающие, что нельзя отказаться от аннексий, не отказавшись от господства капитала, и бессовестно обманывающие массы красивой фразой, обещаниями без меры, посулами без числа» (XIV, 1, 45).

Революционное оборончество было выражением классового сотрудничества с буржуазией, которое проводили мелкобуржуазные партии и к которому они приводили доверившиеся им массы. Это классовое сотрудничество, отсутствие острых форм классовой борьбы, составляет чрезвычайно важное явление в первые стадии Февральской революции: «В этой политике соглашений с буржуазией партий, которым доверяло большинство народа, эс-эров и меньшевиков, заключается главное содержание всего хода развития революции за все 5 месяцев, протекшие с ее начала» (Л., XIV, 2, 35).

Здесь надо отметить, что описанная выше безусловно преобладающая в первые месяцы революции роль меньшевиков и эс-эров, как представителей революционных масс, была гораздо сильнее выражена в советах, чем в самих массах, осо-

бенно в пролетариате. Дело в том, что советы и их исполнительные комитеты оказались с первых же дней революции прочно захваченными представителями названных партий. Последние сумели это сделать благодаря тому, что обе эти партии были значительно менее, чем большевики, разгромлены царизмом: сохранилась, например, меньшевистская фракция в Гос. Думе в то время, как большевистская была сослана в Сибирь. Допускалось участие меньшевиков и эс-эров в легальных буржуазных организациях в роде военно-промышленных комитетов и т. д. Что же касается самих рабочих масс, то они и в первые дни революции далеко не целиком шли за оборонцами; напротив, среди них существовали значительные кадры, шедшие за большевиками и непримиримо враждебные Временному Правительству Милюкова и Гучкова. Именно этим об'ясняются «большевистские» выступления рабочих Выборгского района в Петрограде и так ярко проявившиеся всего через каких-нибудь семь недель после начала революции большевистские настроения рабочих масс, нашедшие себе выражение в «апрельские дни» (см. о них ниже).

Из двух названных мелкобуржуазных партий, составлявших большинство в советах, руководящая роль принадлежала меньшевикам как благодаря их старым связям с рабочими массами, так и благодаря их марксисткому «вопитанию», которое позволяло им искуснее лавировать среди подводных камней революции, чем это удавалось эс-эрам. Меньшевик Чхеидзе оказался председателем петроградского Совета и Исполнительного Комитета, меньшевик Церетели был признанным и наиболее блестящим вождем «революционной демократии» в течние всего периода Февральской революции. Именно меньшевики в советах явились изобретателями наиболее хитроумных политических маневров, имевших целью заглушить стихийное возмущение революционных масс и изобразить перед ними прислужничество буржуазии, как защиту интересов революции. Именно на меньшевиков падает главная доля ответственности за удачу политики «обмана масс правительством капиталистов» в первые месяцы революции.

Однако рабоче-крестьянские и солдатские массы скоро стали распознавать откровенно империалистическую и реак-

ционную политику буржуазии. Под влиянием уроков революции, а также раз'яснительной работы большевистской партии они постепенно отходили от позиций революционного оборончества, позиций гражданского мира с буржуазией и переходили к подготовке наступления на буржуазию, гражданской войны против нее.

Но мелкобуржуазные интеллигентские партии меньшевиков и эс-эров, не говоря уже о замаскированных кадетах, народных социалистах, «Единстве» и т. п., не только не вели массы по этому пути, но не могли и последовать за массами. Они в огромном большинстве остались вплоть до Октября на позиции оборончества, коалиции с буржуазией, становясь таким образом соучастниками в попытках буржуазии обмануть массы. Поэтому отход революционных масс от оборончества был в то же время отрывом партий мелкобуржуазной демократии от рабочих и крестьянских масс. К Октябрю партии эти растеряли целиком свои массы и были в сущности сборищем генералов без армии.

В противоположность эс-эрам и меньшевикам партия большевиков, единственно выражавшая классовые интересы пролетариата, была вначале лишь весьма слабо представлена в советах. Надо еще сказать, что в начале революции в недрах самой партии были кое-какие колебания и недостаточная ясность в вопросах тактики.

Ниже мы остановимся подробнее на основных моментах истории партии в период Февральской революции, здесь же ограничимся указанием, что со времени приезда Ленина и опубликования его знаменитых апрельских тезисов партия большевиков решительно отмежевывается от революционного оборончества и от политики гражданского мира; она берет курс на скорейшее заключение мира, на прекращение войны революционным путем, путем свержения власти капитала в воюющих странах; в отношении России партия берет курс на замену двоевластия властью советов. «Вся власть советам» — это основной лозунг партии большевиков в течение Февральской революции.

Еще до приезда Ленина партия выдвинула требование конфискации помещичьей земли. В противоположность согла-

шательским партиям, которые отодвигали осуществление этого требования до решения Учредительного Собрания, большевики выдвинули лозунг немедленного революционного захвата помещичьей земли крестьянством. («Те, кто советует крестьянам ждать (с захватом земли. *С. А.)* Учредительного Собрания, обманывают их»[2]. В интересах промышленного пролетариата партия, помимо требования 8-часового рабочего дня, нехотя осуществленного под давлением рабочих масс буржуазной Февральской революцией, бросает в массы лозунг рабочего контроля на фабриках и заводах,—контроля, который должен был бы положить конец развалу промышленности и саботажу капиталистов.

Пока партия большевиков была в меньшинстве в советах и в самых массах, Ленин ставил перед нею следующую задачу:

«Раз'яснение массам, что советы рабочих депутатов есть единственно возможная форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока это правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс раз'яснение ошибок их тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок». (Л. XIV, 1, 18).

Партия пошла по пути раз'яснения массам их ошибок. Указанные выше основные лозунги, развернутые партией перед массами, были в высшей степени действительным средством для большевизации масс, быстрого развития их классового самосознания, освобождения их от влияния буржуазии и от оборонческих настроений, перехода их от сотрудничества с буржуазией к борьбе с нею за власть.

Через всю историю Февральской революции проходит процесс все возрастающей большевизации революционных масс. На ряду с рабочим классом захватывается процессом «большевизации», как мы только-что сказали, также и крестьянство и солдатские массы. И если у рабочего класса

большевизация означала рост пролетарского классового самосознания и пролетарской организованности, т. е. рост предпосылок социалистической революции, то у крестьянства «большевизация» выражалась в постепенном усвоении того, что основная задача аграрной революции — переход земли от помещика к крестьянству — неразрешима без перехода власти к советам.

Таким образом история Февральской революции * была в основном историей растущей «большевизации» рабочего класса и крестьянства, т. е. историей нарастающей борьбы за власть между буржуазией и пролетариатом, историей нарастающей социалистической революции и гражданской войны.

Глава четвертая

От Февраля к Октябрю

«Всенародное ликование», вызванное падением векового деспотизма, длилось не долго. Противоречия Февральской революции вскоре привели к обостренной классовой борьбе, а неудовлетворенные требования масс вызвали ряд стихийных движений, против буржуазной власти, закончившихся ее низвержением всего через восемь месяцев после низвержения царизма. Эти движения составили ряд переломных моментов в истории революции, ряд кризисов, из которых каждый подводит некоторый итог предыдущему развитию революции, дает новое содержание и новые формы классовой борьбе.

Эти движения таким образом дают возможность проследить с большой наглядностью постепенное нарастание пролетарской революции в недрах буржуазной Февральской революции, а вместе с тем и постепенное нарастание гражданской войны.

---

* Терминология истории нашей революции еще не установлена даже в отношении отдельных ее периодов; здесь под термином „Февральская революция“ мы понимаем весь период от свержения самодержавия до переворота 25 октября—период, который Ленин иногда называл „второй“ революцией, противопоставляя ее „третьей“ революции—Октябрьской.

а) Движение 20—21 апреля

Первым из таких стихийных движений или «очень сильных стихийных взрывов, вплотную подходивших к началу гражданской войны со стороны пролетариата» («Пугают гражданской войной», Л., XIV, 2, 114—115) было движение 20—21 апреля 1917 г., которое уже «всего ближе подходило к большевистским лозунгам». Движение это возникло на почве непримиримого противоречия в отношении буржуазии и революционных масс *к войне*.

С самого начала революции Временное Правительство неоднократно заявляло, что оно остается верным обязательствам, принятым царской Россией перед союзниками, и намерено с прежней энергией продолжать войну с Германией. Оно торопилось доказать, что оно будет столь же верным слугой англофранцузского капитала, как и царское правительство.

20 апреля в газетах была опубликована нота, разосланная союзникам министром иностранных дел Временного Правительства кадетом Милюковым. В этой ноте Милюков заявлял, что «всенародное стремление довести войну до решительной победы лишь усилилось» после революции и что «Временное Правительство... будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников». Таким образом стало ясно, что Временное Правительство поставило себе задачей не скорейшее заключение мира, но продолжение войны до разгрома Германии во имя тех империалистических целей, о которых столковались только-что низвергнутое царское правительство и государства Антанты.

В тот же день, около 3 часов, к Мариинскому дворцу, где происходили заседания Временного Правительства, направились огромные массы солдат гарнизона (Финляндский, Павловский, Московский, Кексгольмский полки, Флотский экипаж и др.) с плакатами, на которых значились надписи: «Долой Милюкова», «Долой Временное Правительство», «Мир без аннексий и контрибуций» и пр. К вечеру возле Мариинского дворца появились и подошедшие из окраин рабочие демонстранты. На рабочих знаменах появляется уже надпись «Вся власть Совету Рабочих и Солдатских Депутатов».

С другой стороны, «чистая» публика организовала в центральной части города, главным образом на Невском проспекте, внушительную демонстрацию, сочувственную Временному Правительству; в этой демонстрации принимали участие «офицеры, студенты, средние классы» (Л. XIV, 1, 109), и лозунги были: «Долой Ленина», «Ленина обратно в Германию», «Да здравствует Временное Правительство» и т. д.

На следующий день манифестации, как враждебные, так и сочувственные Временному Правительству, продолжались и захватили несколько сот тысяч человек. Надписи на рабочих плакатах гласили: «Долой войну», «Вся власть советам» и т. п. Обывательская публика попрежнему кричала: «Долой Ленина», «Долой ленинцев». Таким образом уже тогда требования мира и борьбу за власть советов сама обывательщина расценила, как лозунги «ленинской» партии. Во всяком случае как по характеру требований, так и по социальному составу демонстрантов движение 20—21 апреля действительно «всего ближе подходило к большевистским лозунгам». Однако оно не было «разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимоотношения между ними и советским большинством», — как это утверждает Троцкий [3]. Оно не было стратегическим ходом партии уже потому, что, по правильному замечанию Сталина, оно явилось «прежде всего результатом стихийного напора масс, результатом рвущегося на улицу возмущения масс против войны» [4].

К вечеру 21 апреля Временное Правительство выработало «раз'яснительную» ноту союзникам, в которой содержался словесный отказ от аннексий. Исполнительный Комитет поспешил признать это раз'яснение удовлетворительным и постановил считать инцидент исчерпанным. Предложенная им в этом смысле резолюция была вечером принята Петроградским Советом. В виду начавшихся на улицах кровавых столкновений Совет временно воспретил уличные демонстрации и митинги; в то же время солдатам было воспрещено выходить из казарм с оружием в руках. Этими и другими подобными же мерами Исполнительному Комитету удалось приостановить движение. Но на многочисленных состоявшихся вслед затем рабочих и солдатских собраниях были вынесены резолюции

с требованиями прекращения войны, решительных мероприятий для выработки условий мира, опубликования тайных договоров, удаления из состава Временного Правительства министра иностранных дел Милюкова и еще более правого военного министра октябриста Гучкова.

Оценивая события 20—21 апреля, Ленин писал: «Массы солдат пришли в возмущение, ибо они добросовестно верили искренности и миролюбию капиталистов. Демонстрации начались, как солдатские демонстрации, с противоречивым, несознательным, ни к чему не способным повести лозунгом «долой Милюкова» (точно перемена лиц или группок могла изменить суть политики). Это значит, что широкая, неустойчивая, колеблющаяся масса, ближе всего стоящая к крестьянству, по научно-классовой характеристике мелкобуржуазная, колебнулась прочь от капиталистов на сторону революционных рабочих. Это колебание и движение массы, способной по своей силе решить все, и создало кризис» («Уроки кризиса», Л. XIV, 1, 109).

В этом движении позиции буржуазии, поддержавшей «свое» Временное Правительство, и рабочих, выступивших уже с лозунгом «вся власть советам», были совершенно ясны. Что касается других групп, то мелкобуржуазная солдатская масса «колебнулась» на сторону рабочих. Иначе вели себя мелкобуржуазные партии эс-эров и меньшевиков: они «колебнулись» на сторону буржуазии. «Буржуазия выражает свой испуг перед тем, как бы настоящие массы, действительное большинство народа, не взяли власть в свои руки, криками о «призраке гражданской войны». Мелкобуржуазные вожди Совета, меньшевики и народники, не имеющие ни после революции вообще, ни в дни кризиса в особенности, никакой партийно выработанной линии, дают себя запугать. В Исполнительном Комитете, в котором накануне число голосов против Временного Правительства доходило почти до половины, собирается 34 голоса (против 19) за возврат к политике доверия к капиталистам и соглашательства с ними» (там же, стр. 110).

Обращаясь по поводу демонстрации к рабочим, Ленин призывал их к организации, к усилению влияния на «отсталых». Необходимо подчеркнуть, что при этом Ленин выска-

зывался на данной ступени революции, при далеко еще недостаточной сознательности и организованности масс, *против* немедленного свержения Временного Правительства. «Не давайте сбить себя ни мелкобуржуазным «соглашателям» с капиталистами, оборонцам, сторонникам «поддержки», ни одиночкам, склонным торопиться и раньше прочного сплочения большинства народа восклицать «долой Временное Правительство!» Кризиса нельзя изжить насилием отдельных лиц над другими, частичными выступлениями маленьких групп вооруженных людей, бланкистскими попытками «захвата власти», «ареста» Временного Правительства и т. д.» (там же, стр. 111).

б) Первое коалиционное правительство

Движение 20—21 апреля было настоящим кризисом: оно вскрыло глубокую трещину в той политической системе, которая сложилась в первые недели революции — в системе двоевластия; оно показало невозможность дальнейшего ее сохранения в старом виде. Система эта покоилась на «доверчиво бессознательном отношении» масс к буржуазному правительству. Но как раз апрельские дни показали, что эта бессознательная доверчивость совсем ненадежна, что, по крайней мере, в столице она готова уступить место *сознательному недоверию* рабочих и солдатских масс к «правительству капиталистов».

По существу, т. е. по характеру своих классовых интересов, революционные массы, в руках которых находилась сила, не могли составить опору буржуазной власти. Именно поэтому система двоевластия оказалась не прочной. Именно это составляло слабость Временного Правительства, именно поэтому оно было бессильно справиться с кризисом без помощи Совета.

Выходом, который мог бы не только ликвидировать кризис, но и уничтожить лежавшее в его основе противоречие, было бы осуществление большевистского лозунга: «Вся власть Советам». Осуществить его была в состоянии, разумеется, только та сила, в руках которой, как показали те же апрельские дни, находилась действительная власть над правительственным аппаратом, т. е. сами советы.

Однако мелкобуржуазная демократия, составлявшая большинство в советах, была неспособна сделать такой вывод из положения. Напротив, исходя из буржуазного характера революции, партии эс-эров и меньшевиков считали необходимым и сохранение власти в руках буржуазии или, по крайней мере, участие буржуазии вместе с «демократией» во власти (коалицию). А двоевластие, составлявшее причину слабости Временного Правительства и проистекавшее из классовой ненависти революционных масс к буржуазии и буржуазному правительству, эта демократия об'ясняла лишь расхождением между правительством и советами. Поэтому она пожелала покончить с двоевластием путем сговора между правительством и советами: она решила ввести представителей советов в состав правительства, чтобы добиться наконец доброго мира и согласия между ними.

Так вслед за апрельским кризисом возникла первая коалиция. Наиболее ненавистные для рабочих и солдатских масс министры Милюков и Гучков были удалены. Меньшевистско-эс-эровский Петроградский Совет решил дать своих представителей в состав Временного Правительства. Позиция большевиков в отношении организации власти после апрельского кризиса была, разумеется, совершенно иная. В заседании Петроградского Совета 21 апреля Каменев предлагал образовать чисто социалистическое правительство, а Зиновьев в заседании 2 мая требовал перехода власти в руки Совета.

5 мая было сформировано первое коалиционное правительство под председательством кн. Львова; в состав его вошло 6 социалистов (А. Ф. Керенский, И. Г. Церетели, В. М. Чернов, М. И. Скобелев, А. В. Пешехонов, П. Н. Переверзев) и 8 представителей кадетов и других буржуазных партий (кн. Г. Е. Львов, М. И. Терещенко, Н. В. Некрасов, А. И. Коновалов, А. А. Мануилов, А. И. Шингарев, В. Н. Львов, И. В. Годнев).

Задачей коалиции и, в частности, задачей социалистических членов Временного Правительства, как правильно определил Милюков в своей «Истории революции», была «защита буржуазной революции от социалистической», иными словами, защита буржуазной власти от натиска революционных масс. После того как старое Временное Правительство чисто

буржуазного состава было сброшено первым же порывом революционного ветра, буржуазная власть была обязана именно социалистам своим спасением. Включение социалистов в состав правительства создавало для буржуазии как бы громоотвод. Оно переносило ответственность за правительственную политику на мелкобуржуазную демократию и должно было мирить массы с правительством все время, пока сама демократия не потеряет влияния на массы. «Они (Маклаковы, т. е. буржуазия. *С. А.*) хотят, чтобы Черновы и Церетели «помирили массы с Маклаковыми» (Л. XIV, 1, 152).

По своему классовому характеру власть осталась буржуазной. «Социалистические вожди, входя в министерство буржуазии, непременно оказывались подставными фигурами, куклами, ширмой для капиталистов, орудием обмана рабочих» (Л. XIV, 2, 38). Они предпочли классовое сотрудничество с капиталом классовой борьбе против капитала. Какой смысл имела коалиция для буржуазии, об этом Ленин писал следующее:

«Суть маневра состоит в том, чтобы поставить «отходящих» от социализма и от революции вождей «социалистической демократии» в положение безвредного для буржуазии *придатка* при буржуазном правительстве, заслонить это правительство от народа при помощи почти-социалистических министров, прикрыть контр-революционность буржуазии блестящей, эффектной вывеской «социалистического» министериализма...

«Наши» почти социалистические министры оказались именно в таком положении, что буржуазия стала загребать жар их руками, стала делать через них то, чего бы она никогда не смогла сделать без них.

Через Гучкова нельзя было увлечь массы на продолжение империалистической захватной войны, войны из-за дележа колоний и аннексий вообще. Через Керенского (и Церетели больше занятого защитой Терещенко, чем защитой почтово-телеграфных тружеников) буржуазия, — как это признали правильно Милюков с Маклаковым, — смогла делать это, смогла «налаживать» продолжение именно такой войны.

Через Шингарева нельзя было обеспечить сохранение помещичьего землевладения, хотя бы до Учредительного Собрания... Через Чернова это удастся провести. Крестьянам внушили, хотя они и не очень охотно восприняли это, что отбрать землю у помещиков в аренду по соглашению с отдельными помещиками есть «порядок», а сразу отменить помещичье землевладение и брать бывшую помещичью землю в аренду у народа, впредь до созыва Учредительного Собрания, есть анархия». Иначе, как через Чернова, эту помещичью, контр-революционную идею провести бы не удалось.

Через Коновалова нельзя было бы провести защиту... скандальных прибылей по военным поставкам. Через Скобелева или при его участии можно эту защиту провести». (Л. XIV, 1, 247—248).

Роль эс-эров и меньшевиков в правительстве сводилась к тому, что их участие затушевывало буржуазный характер власти перед массами.

«Наши эс-эры и меньшевики... вполне доказали и показали свою действительную роль, как орудия обмана масс («большинства») буржуазией, проводников и пособников такого обмана» («О конституционных иллюзиях», Л. XIV, 1, 24). «Министры из перебежчиков социализма оказывались говорильными машинами для отвода глаз угнетенным классам, а весь аппарат государственного управления оставался на деле в руках бюрократии (чиновничества) и буржуазии». («Уроки революции», Л. XIV, 2, 38).

в) Демонстрация 18 июня

Об'единив буржуазных членов старого Временного Правительства с социалистическими представителями оборонческого Совета, соединив таким образом «главное правительство» с «побочным», коалиция, казалось, должна была покончить с двоевластием и дать «сильную революционную власть». Однако и этот результат не был достигнут, ибо коалиционной власти приходилось править против революционных масс, в руках которых находилась настоящая сила. Будучи бур-

жуазной властью по своей классовой сущности, коалиция не могла остановить нарастания противоречий революции, ибо не могла дать народу ни мира, ни земли. Среди пролетариата, крестьянства и армии возмущение буржуазной политикой правительства непрерывно росло. С особенной остротой проявилось оно в центре и около центра правительственной власти — в среде столичного пролетариата и гарнизона, а также матросов Балтийского флота.

Желая использовать это возмущение в целях массовой агитации и учета сил, большевики назначили на 10 июня демонстрацию с лозунгами «долой министров-капиталистов», «Вся власть Советам». Меньшевики и эс-эры, составлявшие большинство на заседавшем в то время Всероссийском С'езде Советов, отменили эту демонстрацию, но вслед за тем вынуждены были под давлением масс назначить «свою» демонстрацию на 18 июня. Большевики призвали массы принять в ней участие, но под теми же самыми лозунгами, под которыми должна была быть проведена несостоявшаяся демонстрация 10 июня.

18 июня вышло на улицу около 400.000 рабочих, солдат и матросов, при чем вся демонстрация прошла фактически под приведенными выше лозунгами большевиков. Лозунг «доверие Временному Правительству» красовался лишь на ничтожно малом количестве знамен.

«Демонстрация развеяла в несколько часов, как горстку пыли, пустые речи о большевиках-заговорщиках и показала с непререкаемой наглядностью, что авангард трудящихся масс России, промышленный пролетариат столицы и ее войска в подавляющем большинстве стоят за лозунги, всегда защищавшиеся нашей партией» (Л. XIV, 1, 277).

г) Наступление 18 июня

В то время, как среди масса непрерывно наростало возмущение, правительство шло в своей политике на поводу у буржуазии. В частности в вопросах войны и мира им командовала империалистическая буржуазия Антанты. А оборонческая демократия, вступив в состав правительства, использо-

вала свое влияние на массы для того, чтобы закрыть им глаза на контр-революционность политики буржуазии.

Особенно ярко раскрыло это знаменитое наступление 18 июня, показавшее, что меньшевики и эс-эры, уже почти потерявшие былой авторитет в глазах столичного пролетариата и гарнизона, все еще пользуются преобладающим влиянием на массы в провинции и на фронте.

По требованию Антанты коалиционное Временное Правительство решило осуществить на русском фронте наступление, к которому готовилось низвергнутое царское правительство. За наступление высказалась и «революционная демократия» в лице меньшевиков и эс-эров, а также первый Всероссийский С'езд Советов, в котором они преобладали.

После довольно длительной агитации оборонческих элементов удалось двинуть армию в наступление. В этом сказалось еще не изжитое доверие революционных масс к мелкобуржуазной демократии: «Свою задачу правительство могло выполнить лишь потому, что ему поверила, за ним пошла армия. Пошла на смерть, веря, что жертвы ее приносятся во имя свободы, во имя революции, во имя скорейшего мира. Но армия пошла на это потому, что она—лишь часть народа, пошедшего на данном этапе революции за партиями эс-эров и меньшевиков. Этот общий и основной факт — доверие большинства мелкобуржуазной, зависимой от капиталистов политике меньшевиков и эс-эров — определяет позицию и поведение нашей партии» (Л. XIV, 1, 280).

Начатое 18 июня на австрийском фронте, в Галиции, наступление имело вначале крупные успехи, но через несколько дней вследствие нежелания русских солдат сражаться оно превратилось в тягчайшее поражение русской армии, сопровождавшееся огромным количеством жертв, потерей громадных запасов воинского снаряжения, потерей всей занятой русскими частями Галиции и отступлением к русской государственной границе по реке Збруч.

Оценивая роль меньшевиков и эс-эров в этом деле, Ленин писал:

«Мы имели перед собой в самом чистом виде самообман мелкобуржуазных масс и обман их буржуазией при по-

мощи эс-эров и меньшевиков. На словах обе эти партии — «революционная демократия». На деле они, именно они вручили судьбу народа контр-революционной буржуазии, кадетам, именно они отошли в сторону от революции к продолжению империалистической войны, в сторону от демократии к «уступкам» кадетам в вопросе о власти... и в вопросе о земле... и в вопросе национальном.

В этом суть положения. В этом значение наступления. В этом своеобразие: не насилие, а доверие к эс-эрам и меньшевикам сбило народ с пути». (Л. XIV, 1, 285—286).

д) Июльские дни

Однако наступление 18 июня и последовавший за ним разгром русской армии были сильнейшими факторами, освобождавшими массы от этого доверия. Возмущение масс стало быстро нарастать не только в столице, но и на фронте. Этому способствовало резкое усиление реакции в результате наступления и разгрома на фронте: «Наступление неизбежно означало возобновление империалистической войны, гигантское усиление влияния, веса, роли империалистской буржуазии, широчайшее распространение шовинизма в массах, наконец—last but not least (последнее по счету, но не по важности) — передачу власти, сначала военной, а потом и государственной вообще, в руки контр-революционных командных верхов армии» (Л., XIV, 2, 27).

Правительство предприняло ряд реакционных шагов, каковы: расформирование нескольких полков на фронте, виновных в нарушении дисциплины во время наступления, отказ от демобилизации 40-летних и другие меры, свидетельствовавшие о решимости Временного Правительства вести борьбу с массовым движением.

Наконец после выхода в отставку нескольких министров-кадетов, которым не понравились уступки, сделанные Временным Правительством Украинской Раде, движение стихийно вылилось на улицу, несмотря на то, что партия большевиков, считая его преждевременным, первоначально отказала ему в поддержке.

Инициативу и руководство движением взял на себя первый пулеметный полк, выступивший на улицу 3 июля вместе с несколькими другими полками и рабочими. Центром, куда направлялись колонны демонстрантов под лозунгом на знаменах «Вся власть Советам», был дом Кшесинской на Петроградской стороне, где помещался ЦК большевиков. Движение быстро охватило широчайшие массы столичного пролетариата, гарнизона и матросов Кронштадта. Однако, несмотря на огромную силу движения, партия большевиков считала еще захват власти преждевременным. Вот как писал об этом моменте Ленин два месяца спустя:

1) «Не было еще за нами класса, являющегося авангардом революции.

Не было еще большинства у нас среди рабочих и солдат столиц.

2) Не было тогда всенародного революционного под'ема...

3) Не было тогда колебаний, в серьезном общеполитическом масштабе, среди врагов наших и среди половинчатой мелкой буржуазии.

4) Потому 3—4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо драться, умирать за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого «озверения», такой кипучей ненависти и к Керенским и к Церетели-Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эс-эров и меньшевиков.

Политически мы не удержали бы власти 3—4 июля, ибо армия и провинция, до корниловщины, могли пойти и пошли бы на Питер». («Марксизм и восстание», Л. XIV, 2, 137).

Вся же сила стихийно начавшегося массового движения была такова, что ЦК партии большевиков решил взять на себя руководство движением с целью превращения его в мирную демонстрацию. 4 июля в движении участвовало уже свыше полумиллиона рабочих, солдат и матросов. Столица фактически находилась в руках революционных масс, так как для защиты Временного Правительства нельзя было найти никаких частей среди местного гарнизона.

Над движением безраздельно господствовал большевистский лозунг «Вся власть Советам». С этим требованием многотысячные колонны демонстрантов подходили к помещению меньшевистско-эс-эровского ЦИК'а, требуя от растерявшихся лидеров последнего «брать власть». Однако ЦИК был далек от того, чтобы покончить с коалицией и отстранить от власти буржуазию. Взамен того, перепуганные вожди мелкобуржуазной демократии, с одной стороны, старались «уговорить» массы прекратить «выступление», а с другой — употребили всю свою энергию на то, чтобы помочь Временному Правительству раздавить движение. С благословения ЦИК'а были вызваны с фронта контр-революционно настроенные войска, которые начали прибывать в столицу 5-го числа, и движение было подавлено силою оружия.

е) Вторая коалиция. Наступление контр-революции

Движение 3—5 июля составило один из важнейших переломных моментов Февральской революции; оно подвело итог предыдущему ее развитию и открыло новый ее этап. Буржуазия в эти дни очутилась лицом к лицу перед красным призраком рабочей революции. Теперь перед ней была поставлена прямая задача: «победить или умереть», и она напрягла все свои силы, чтобы выиграть борьбу. Послушного исполнителя своей воли она нашла в лице Керенского.

Правительственный кризис, вызванный уходом кадетов из правительства, закончился после долгих межпартийных переговоров образованием второй коалиции 25 июля. Керенский стал главой правительства. Кадеты согласились возвратиться в состав правительства, и новое правительство образовалось из 11 представителей социалистических партий (в том числе 5 эс-эров, 4 меньшевиков и 2 народных социалистов) и 7 — буржуазных (из них — 4 кадета). По характеристике Милюкова, «при небольшом номинальном перевесе социалистов действительный перевес в кабинете безусловно принадлежал убежденным сторонникам буржуазной демократии» («История второй русской революции», т. I, вып. 2, София, 1922 г., стр. 44—45).

Меньшевистско-эс-эровский ЦИК, только-что подавлявший движение, теперь отошел в сторону, предоставив Керенскому действовать на правах диктатора. Основной задачей второй коалиции стала «борьба с анархией», т. е. борьба с массовым движением за мир и землю.

Наступление, поражение на фронте, а вслед за тем революционное выступление масс и подавление его силами контр-революционных войск чрезвычайно усилили военщину. На фронте была восстановлена смертная казнь. В столице полновластно распоряжался главнокомандующий петроградского военного округа ген. Половцев. Газета «Правда» была им закрыта, ее типография разгромлена посланными им юнкерами. Были произведены массовые аресты среди большевиков и руководителей движения. Ленин и Зиновьев вынуждены были уйти в подполье. Правая пресса предприняла гнусную травлю против большевиков, в частности против Ленина, обвиняя их в подкупе со стороны Германии и в шпионаже в пользу последней.

На ряду с наводнением столицы «надежными» войсками с фронта было предпринято разоружение и расформирование воинских частей, принимавших участие в движении. Реакция, руководящей силой которой была военщина, торжествовала; фактическая власть оказалась в руках контр-революции; а «революционная демократия», давшая своих представителей в правительство, должна была обелять реакцию и мирить с нею массы, поскольку она еще сохраняла над ними влияние.

«Перелом 4 июля именно в том и состоит, что после него об'ективное положение круто изменилось. Колеблющееся состояние власти прекратилось, власть перешла в решающем месте в руки контр-революции. Развитие партий на почве соглашательства мелкобуржуазных партий эс-эров и меньшевиков с контр-революционными кадетами привело к тому, что обе эти мелкобуржуазные партии оказались фактическими участниками и пособниками контр-революционного палачества... После 4 июля контр-революционная буржуазия об руку с монархистами и черной сотней присоединила к себе мелкобуржуазных эс-эров и меньшевиков, частью запугав их, и отдала фактическую государственную власть в руки

Кавеньяков, в руки военной шайки, расстреливающей неповинующихся на фронте, разгромляющих большевиков в Питере». («К лозунгам», Л., XIV, 2, 14).

Ленин усиленно и много раз подчеркивал роль партий мелкобуржуазной демократии во второй коалиции, так как понимание действительной их роли поднимало сознательность масс и побуждало их к отходу от этих партий.

«Вот эти палачи, это — реальная власть. Церетели и Черновы — министры без власти, министры-куклы, вожди партий, поддерживающих палачество» (Л. XIV, 2, 16).

«Сущность конституции в России определяется с поразительной ясностью: наступление на фронте и коалиция с кадетами в тылу сваливает эс-эров и меньшевиков в яму контр-революции. На деле государственная власть переходит в ее руки, в руки военной шайки. Керенский и правительство Церетели и Чернова — лишь ширма ей, они вынуждены задним числом узаконять ее меры, ее шаги, ее политику» (Л., XIV, 2, 30).

При создавшихся условиях, когда в ЦИК'е и советах, как столичных, так и провинциальных, еще продолжали господствовать меньшевики и эс-эры, партия большевиков временно отказалась от лозунга «вся власть советам», выставленного ею вначале Февральской революции.

«Лозунг перехода власти к советам звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка. Этот лозунг об'ективно был бы обманом народа, внушением ему иллюзии, будто советам и *теперь* достаточно пожелать взять власть или постановить это для получения власти, будто в совете находятся еще партии, не запятнавшие себя пособничеством палачам, — будто можно бывшее сделать небывшим».

«Суть дела состоит в том, что власть нельзя уже сейчас мирно взять. Ее можно получить, только победив в решительной борьбе действительных обладателей власти в данный момент, именно военную шайку, Кавеньяков, опирающихся на привезенные в Питер реакционные войска, на кадетов и на монархистов.

Суть дела в том, что победить этих новых обладателей государственной власти могут только революционные массы народа, условием движения которых является не только то,

чтобы они были руководимы пролетариатом, но и то, чтобы они отвернулись от предавших дело революции партий эс-эров и меньшевиков» («К лозунгам», Л., XIV, 2, 14—15).

Таким образом вместо лозунга «вся власть советам» партия поставила перед собой задачу: готовиться к «решительной борьбе» за власть, т. е. к вооруженному восстанию масс против забравшей силу контр-революции, а для этого — освободить массы от последней стадии их самообмана, от остатков доверия к мелкобуржуазной демократии, «предавшей дело революции».

«Движение 3 и 4 июля было последней попыткой путем манифестации побудить советы взять власть. С этого момента советы, т. е. господствующие в них эс-эры и меньшевики, фактически передают власть контр-революции, представляемой кадетами и поддерживаемой эс-эрами и меньшевиками. Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно, и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контр-революции, либо новая революция» («Ответ», Л., XIV, 2, 50).

ж) «Правительство бонапартизма»

Власть второй коалиции была «началом бонапартизма», которого «основным историческим признаком» является «лавирование, опирающееся на военщину (на ее худшие элементы), государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравновешивающими друг друга».

Однако этому началу бонапартизма не суждено было получить полное развитие. Причины этого заключались отчасти в самой личности неудачливого диктатора второй коалиции, неудачливого кандидата в российские Бонапарты — Керенского: в его любви к фразе и позе, которые для него заменяли дело; в его опереточной «государственности», которая не позволяла ему ударять по правым, не ударяя одновременно по левым, и не позволяла бороться с «анархией» слева, не отыскивая в то же время контр-революции справа; в его типичной натуре мелкобуржуазного демократа, которая заставляла его всеми силами души желать «раздавить» большеви-

ков, но не иначе как с соблюдением всех правил демократизма и с сохранением для него самого популярности и славы первого государственного мужа «самой демократической в мире республики».

Отчасти же причины неудачной карьеры кандидата в Бонапарты заключались в сложившейся исторической обстановке, в силу которой его вместо удачи «преследовали» постоянные неудачи как внутри страны, так и на фронте и во внешних сношениях, — неудачи, в силу которых его популярность вместо того, чтобы расти, постоянно падала.

Но главная причина, по которой начало бонапартизма не получило в этот период Февральской революции законченного развития, заключалась в напряженной классовой борьбе. Под влиянием последней быстро росла сознательность и революционная решимость масс, быстро росла в то же время и контрреволюционная активность буржуазии. Между двумя этими полюсами шаталась мелкобуржуазная демократия, оказавшаяся у власти; она делала отчаянные попытки удержать революцию на месте, она боялась и пролетарской революции и буржуазной контр-революции; она старалась изо всех сил их помирить и об'единить. Уступая Корнилову, Керенский восстановил смертную казнь на фронте; но сам он, по собственным его словам, не утвердил ни одного смертного приговора. Военщина закрыла пролетарскую газету «Правду» и ряд других органов большевиков. Но вместо закрытых газет тотчас начинали выходить новые. Ряд большевистских вождей был арестован. Но под давлением рабочих масс пришлось выпустить почти всех.

Олицетворением этих непрерывных шатаний между революцией и контр-революцией был в огромной мере сам министр-председатель Временного Правительства, диктатор и «бонапартенок» Керенский. Несмотря на все его старания приобрести одобрение «государственно мыслящих элементов страны», т. е. буржуазии, несмотря на его решительные фразы о восстановлении дисциплины и «спасении революции» (т. е. буржуазной революции), все усиливавшийся революционный напор масс так и не дал ему возможности покончить с «анархией».

Особенно много усилий потратил Керенский на восстановление «дисциплины» на фронте. Дело в том, что капиталисти-

ческие правительства Антанты, ссужая Россию деньгами для продолжения войны, требовали за эти деньги крови русского солдата. После июньского разгрома они особенно настойчиво домогались от Временного Правительства восстановления дисциплины в русской армии и ее нового наступления. А Временное правительство еще усерднее угождало антантовскому капиталу, чем это делало царское правительство. Керенский не раз предпринимал самолично об'езды фронта и выступал с истерическими речами перед многотысячными митингами солдат, убеждая последних в необходимости защиты «родины и революции». За свое усердие он удостоился даже похвалы от английского посла в России Бьюкенена. Но от самих солдат ему удалось лишь получить ироническое прозвище «главноуговаривающего». Все его усилия пропали даром в виду того, что разбуженная революцией армия уже не хотела воевать за интересы «своей» и иностранной буржуазии.

Буржуазия только на одну историческую минуту поверила его красивым фразам; вскоре она убедилась в его полной неспособности превратить свои слова в дела. Быстро утрачивал Керенский свою ценность для буржуазии и в качестве примирителя ее с революционными массами: последние все решительнее отворачивались от Керенского и возглавляемого им правительства в виду явной неспособности его разрешить задачи революции. Так вторая коалиция неудержимо теряла популярность и опору как у «правых», так и у «левых». А буржуазия все настойчивее искала другого, настоящего кандидата в Наполеоны, настоящего генерала на белом коне. Ее взоры любовно останавливались на верховном главнокомандующем Корнилове, прославившем себя непрерывными ультиматумами о восстановлении дисциплины, обращенными к Временному Правительству.

з) Московское Государственное совещание

Желая закрепить за собой поддержку организованных сил буржуазии и мелкобуржуазных слоев, Временное Правительство решило созвать в августе так называемое «Государственное Совещание» в Москве из представителей всевозмож-

ных общественных групп и организаций, всех «живых сил страны» — ЦИК'а Советов, Государственной Думы всех четырех созывов, торгово-промышленников и кооператоров, городов и земств. К большевикам, которые могли пройти только с делегацией ЦИК'а и которых было непристойно прямо исключать, было пред'явлено требование не выступать на Совещании отдельно от общей делегации меньшевистско-эс-эровского ЦИК'а. Так как большевики, разумеется, не могли на это согласиться, то они были попросту исключены из Совещания, и этим вполне определилась роль последнего: подобно тому, как июньская и июльская демонстрации были громадными смотрами сил революционных масс, так Московское Государственное Совещание должно было стать смотром сил контр-революции. Именно так было учтено его значение московским пролетариатом, который в день открытия Совещания — 12 августа — устроил грандиозную всеобщую забастовку, несмотря на протест московского Совета Рабочих Депутатов (подробнее см. стр. 64 — 65). По примеру Москвы, однодневные забастовки в знак протеста против Московского Совещания прошли и в ряде провинциальных городов, между прочим, в Киеве, Костроме, Царицыне [5].

Официальная цель Совещания — об'единение всех «государственных» сил — осталась однако недостигнутой. Левое крыло Совещания, составленное из представителей «революционной демократии», огласило на Совещании еще одну широковещательную демократическую программу, так называемую «программу 14 августа», впоследствии оставшуюся на бумаге; правые кадетско-октябристские представители четырех Дум, торгово-промышленников и т. п. устами двух генералов — верховного главнокомандующего Корнилова и донского казачьего атамана Каледина — также огласили свою программу; последняя сводилась к более или менее откровенному требованию военной диктатуры и разгона советов. Из двух кандидатов в Наполеоны симпатии и надежды буржуазии явно сосредоточились на Корнилове. Совещание закрылось в атмосфере, предвещавшей близость решительного наступления буржуазии на революцию, близость «начала гражданской войны со стороны буржуазии».

и) Выступление Корнилова

Задачей этого наступления буржуазии было создание буржуазной диктатуры в форме диктатуры военщины. Для этого необходимо было в первую голову разгромить большевиков с помощью вооруженной силы. С необходимостью такого разгрома была согласна и «демократическая» половина второй коалиции. Но она в то же время смертельно боялась, что военщина, покончив с большевиками, непосредственно вслед за тем уничтожит мелкобуржуазную демократию и прежде всего ее оплот — советы.

Из такого положения Керенский, который и на этот раз оказался типичным представителем мелкобуржуазной демократии, искал выход в утопической надежде, что не военщина им овладеет, а он овладеет военщиной.

Таким образом вплоть до разгрома большевиков пути буржуазии и мелкобуржуазной части второй коалиции совпадали.

Вот как рисует создавшееся положение буржуазный историк (П. Н. Милюков):

«Советы были неправы, относя Керенского и Савинкова к «корниловцам». Но они были правы, что оба стоят гораздо ближе к Корнилову, чем к советам, и что исторически была неизбежна коалиция премьера не с советами, а с главнокомандующим...

Цель у обеих сторон (т. е. у Корнилова и Керенского. *С. А.)* была одна: усмирение большевиков... *И средство* было одно: перевод к Петербургу надежной части войск (третьего корпуса).

Двусмысленным оставалось до конца решение вопроса, кто именно будет командовать петербургским округом, а стало быть, и этими войсками. Керенский явно готовил их для себя, не покидая мысли об отставке Корнилова в удобную минуту.

А Корнилов, заранее решивший не уходить, хотел при помощи этих войск произвести в Петербурге чистку и даже резню советов по своему вкусу» [6].

Инициатива последующих событий принадлежала в известной мере Керенскому, который сам просил Корнилова подтянуть к столице надежные войска. Предлогом к этому служило вооруженное выступление, которое якобы подготовляли большевики на конец августа. Ядром войск, которые стал подтягивать к Петербургу Корнилов, был 3-й конный корпус под командой казачьего генерала Краснова. Вскоре однако цель похода расширилась. По совету бывшего члена Временного Правительства В. Н. Львова и управлявшего военным министерством Савинкова Корнилов решил воспользоваться этим передвижением войск для того, чтобы принудить Керенского к коренной реорганизации Временного Правительства, а именно к передаче диктаторской власти в руки Корнилова, при котором Керенский был бы одним из министров. Требования Корнилова были переданы Керенскому Львовым вечером 26 августа.

Однако перспектива стать из якобы полновластного диктатора пешкой в руках генерала, готовившего «резню советов», испугала Керенского. Посоветовавшись со своими «демократическими» друзьями, он потребовал от Корнилова приостановки движения войск и полного подчинения Временному Правительству.

Корнилов, который тем временем предпринял шаги к формированию нового подчиненного ему правительства, ответил на требования Керенского отказом, приказал войскам двигаться дальше и поднял таким образом открытый мятеж против Временного Правительства. Контр-революционный генералитет ставки всецело его поддерживал. В тот же день, 27 августа, все кадеты-члены Временного Правительства вышли из его состава.

Все силы буржуазии выступили теперь на поддержку Корнилова. Газета «Речь», официальный орган кадетской партии, открыто стала на сторону Корнилова. Представители союзных держав предложили Керенскому свое посредничество. И даже биржа отметила известие о корниловском заговоре повышением всех ценностей [7].

Весть о контр-революционном мятеже всколыхнула трудящиеся массы.

Партия большевиков развила энергичную деятельность в деле организации масс для отпора военщине. Она мобилизовала не только своих агитаторов, но и вооруженные дружины красной гвардии. Теперь не только мелкобуржуазная демократия советов, но и оставшаяся у власти мелкобуржуазная часть Временного Правительства обратилась за помощью к большевикам, ещё накануне почти «нелегальным».

На созванном рано утром 28 августа об'единенном заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Исполкома Советов Крестьянских Депутатов представители большевиков заявили, что «если правительство будет действительно бороться против контр-революции, то они готовы согласовать свои действия с действиями Временного Правительства и заключить с ним военный союз» [8].

На долю партии большевиков выпала руководящая роль в деле подавления корниловского бунта. Как раз в процессе отпора Корнилову к этой партии начала фактически переходить и руководящая роль в самих советах. В Питере и в провинции были организованы советами независимые от Временного Правительства организации для борьбы с корниловщиной, носившие названия «комитетов народной борьбы с контрреволюцией», «комитетов спасения революции» и т. п. Организации эти повсюду оказывались под преимущественным влиянием большевиков. На корниловский фронт были отправлены агитаторы и делегации с целью раз'яснения солдатским и казачьим массам истинного смысла выступления.

При таких условиях движение Корнилова быстро пошло на убыль.

Уже 29 августа в Петроград начали прибывать представители корниловских войсковых частей с выражением покорности Временному Правительству. 30 августа правительство уже заявило о ликвидации мятежа, а 31 августа Петроградским Советом впервые была принята резолюция, предложенная большевиками, о решительной борьбе с контрреволюцией и об организации власти. 1 сентября Корнилов был принужден сдаться в ставке представителям Временного Правительства и был арестован вместе с рядом других генералов-корниловцев.

к) Власть советов или новая коалиция

Корниловское выступление было переломным моментом в развитии Февральской революции, после которого она быстро покатилась к Октябрю. Широким народным массам оно открыло глаза на силу контр-революционного движения, стремящегося к восстановлению власти помещиков и капиталистов в неурезанном виде. Силам контр-революции оно показало ненадежность Временного Правительства, как опоры буржуазной власти, и заставило их искать такого выхода, который устранял бы с их пути как большевиков, так и «революционную демократию» с Временным Правительством во главе.

Таким образом оно обострило до крайней степени борьбу за власть между революционным пролетариатом и контр-революционной буржуазией. С другой стороны, стоявшую у власти мелкобуржуазную демократию оно так же точно, хотя и на короткое время, толкнуло влево, как июльские дни толкнули ее вправо. Оно «развратило» ее кратковременным военным союзом с пролетариатом и заставило ее широко раздвинуть перед этим последним легальные рамки для открытой или почти открытой подготовки и организации пролетарской революции.

За несколько дней выступления влияние партии большевиков на советы чрезвычайно усилилось, и положение показывало, что оно должно было усиливаться и в дальнейшем. В связи с этим снова получает полную силу лозунг «вся власть советам», который партия временно оставила после июльских дней (см. стр. 37—38). Однако лозунг этот приобретает теперь новое тактическое значение. Как указывала резолюция VI с'езда партии «о политическом положении», до июльских дней «лозунг передачи власти советам, выдвинутый первым под'емом революции, который пропагандировала наша партия, был лозунгом мирного развития революции, безболезненного перехода власти от буржуазии к рабочим и крестьянам, постепенного изживания мелкобуржуазных иллюзий.

В настоящее время (начало августа. *С. А.*) мирное развитие и безболезненный переход власти к советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контр-революционной буржуазии. Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контр-революционной буржуазии. Лишь революционный пролетариат при условии поддержки его беднейшим крестьянством в силах выполнить эту задачу, являющуюся задачей нового под'ема» [9].

Итак, «мирное развитие и безболезненный переход власти к советам стали невозможны». Таким образом лозунг «вся власть советам» означал теперь, что партия, с целью свержения «диктатуры контр-революционной буржуазии» и завоевания власти советов, берет курс на вооруженное восстание.

Иным стал, как показало дальнейшее развитие революции, и классовый смысл лозунга «вся власть советам», чем в начале революции. Тогда требование власти советов, в которых большинство безусловно принадлежало мелкобуржуазным партиям меньшевиков и эс-эров, было лозунгом полновластия революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

После корниловщины, когда партия большевиков с каждым днем все успешнее оспаривала большинство в советах у мелкобуржуазной демократии, то же требование стало лозунгом пролетарской революции, лозунгом диктатуры пролетариата.

Здесь необходимо отметить, что непосредственно после корниловских дней был момент, когда «полевение» партий мелкобуржуазной демократии дало повод Ленину указать на возможность «мирного» развития революции, минуя стадию гражданской войны, — при том условии, если бы меньшевики и эс-эры оказались способными «искренно» отказаться от союза с буржуазией и пойти на компромисс с большевиками. Необходимой и возможной предпосылкой такого мирного развития Ленин считал согласие меньшевистко-эс-эровского большинства советов осуществить лозунг «вся власть советам», отказаться от коалиции с буржуазией и образовать ответственное перед советами правительство революционной

демократии, которое обеспечило бы партии большевиков возможность ее легальной борьбы за влияние в советах.

«Компромисс состоял бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве (невозможное для интернационалиста без фактического осуществления условий диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства), отказались бы от выставления немедленного требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование. Условием, само собою разумеющимся и не новым для эс-эров и меньшевиков, была бы полная свобода агитации и созыв Учредительного Собрания без новых оттяжек или даже в более короткий срок.

Меньшевики и эс-эры, как правительственный блок, согласились бы (предполагая компромисс осуществленным) составить правительство, целиком и исключительно ответственное перед советами, при передаче в руки советов всей власти и на местах». (О компромиссах», Л., XIV, 2, 99) *.

Однако эта, говоря словами Ленина, «исключительно редкая в истории» и «крайне ценная» возможность «мирного движения *вперед* всей российской революции» не осуществилась, потому что партии мелкобуржуазной демократии оказались неспособными образовать советское правительство. Выступление Корнилова и вызванное обострение борьбы пролетариата за власть раскололо эти партии. Оно усилило левые крылья партий меньшевиков и эс-эров, отвергавшие коалицию с буржуазией. Оно толкнуло влево ту центристскую часть этих партий, которая до сих пор служила опорой Керенского и коалиционного правительства. После открытого перехода кадетов на сторону контр-революции, корниловщины, значительная часть центристов оказалась уже против коалиции с кадетами.

Однако мелкобуржуазные иллюзии этих демократов выразились теперь в том, что отказ от коалиции с кадетами

---

* Статья „О компромиссах" написана 3 сентября, непосредственно вслед за подавлением корниловского мятежа. Но тот же мотив—о возможности „обеспечить мирное развитие революции" посредством соглашения меньшевиков и эс-эров с большевиками—повторяется и в дальнейших статьях, например, „Пугают гражданской войной" (16 сентября) и „Задачи революции" (напечатано 26—27 сентября).

вовсе не означал для них отказа от коалиции с буржуазией вообще. Напротив, теперь они с тем большим усердием принялись за поиски не-кадетской буржуазии, которая «искренно» приняла бы программу 14 августа и вступила бы в состав коалиционного правительства не с целью ликвидации революции, а с целью укрепления ее завоеваний. При создавшемся положении это попросту значило искать не-буржуазной буржуазии.

Но и такое полевение мелкобуржуазного центра имело существенное значение для дальнейшего хода революции. Оно означало если не полный разрыв, то во всяком случае значительное расхождение и охлаждение между мелкобуржуазным советским большинством и линией Керенского, оставшегося верным коалиции с кадетами. Оно означало одно из тех «гигантских колебаний» в стане врагов пролетариата, которые составили важное условие победы последнего (см. «Марксизм и восстание», Л., XIV, 2, 137).

Однако все же значительная часть мелкобуржуазной демократии, ее правое крыло, оставалось и после Корниловского выступления вместе с Керенским и вместе с ним искало для коалиции буржуазии вообще, в том числе и кадетов. Перед лицом нароставшей борьбы пролетариата за власть такая позиция означала решимость бороться с оружием в руках вместе с буржуазией и Керенским против пролетариата.

л) Демократическое Совещание. Предпарламент. Третья коалиция

Таким образом вместо создания чисто советского правительства, предлагавшегося большевиками, руководящие группы меньшевиков и эс-эров предпочли еще и еще раз испробовать путь коалиции с буржуазией для осуществления «общенациональной» программы революции, главнейшими пунктами которой было, во-первых, восстановление боеспособности армии, т. е., практически говоря, продолжение войны до получения согласия «союзников» на заключение мира, во-вторых, «борьба с анархией», т. е. подавление большевистского движе-

ния и все шире разливавшихся по стране крестьянских восстаний и захватов помещичьих земель.

Уже в первых числах сентября, непосредственно вслед за подавлением корниловского мятежа, меньшевистско-эс-эровский ЦИК Советов наметил созыв, взамен все оттягиваемого Всероссийского с'езда Советов, так называемого «Всероссийского Демократического Совещания», в состав которого, кроме советской демократии, были приглашены представители партий, в том числе и соучастницы корниловщины — кадетской партии, земств, городов, кооперации, национальных об'единений, экономических органов и пр. Кадеты однако предпочли бойкотировать Демократическое Совещание и не явились на него. Само собой разумеется, никакой властью это совещание не пользовалось. Его характеристику дал Ленин в следующих словах:

«Какая безмерная наглость: подделали новую булыгинскую Думу, посредством подлогов набрали себе в подмогу реакционных кооператоров, деревенских кулаков, надбавили к ним капиталистов и помещиков (называемых цензовыми элементами) и хотят срывать с этой бандой корниловцев *волю народа*, волю рабочих и крестьян». («Удержат ли большевики государственную власть», Л., XIV, 2, 245).

Ниже нам еще придется подробнее остановиться на деятельности Всероссийского Демократического Совещания и на позорном поведении на нем мелкобуржуазной демократии, — поведении, сыгравшем свою роль в качестве одной из предпосылок Октября. Здесь мы заметим лишь, что совещание это, созванное 14 сентября, было посвящено почти целиком сговорам между «демократией» и «цензовыми элементами» об образовании нового коалиционного правительства и закрылось 22-го числа, уступив место избранному им же, в качестве «предпарламента», «Всероссийскому Демократическому Совету». Пополненный затем представителями «цензовых элементов», «предпарламент», названный окончательно «Временным Советом Российской Республики», начал систематически работать лишь с 7 октября, после образования нового коалиционного правительства, а конец его работам, а также и существованию был положен восстанием 25 октября. Боль-

шевики, принимавшие участие в Демократическом Совещании и Демократическом Совете (Ленин признал эту тактику ошибочной, см. ст. «Ошибки нашей партии», «Пролетарская Революция», 1924, № 3, стр. 255), ушли с первого же заседания «Совета Республики», огласив декларацию с требованием власти советов, мира и земли.

Тем временем, в конце сентября, после почти месячного «кризиса власти», было сформировано, под председательством Керенского, третье коалиционное Временное Правительство, которому суждено было стать и последним. Мелкобуржуазная демократия не использовала переданную ей в руки историей возможность «мирного развития революции» путем передачи власти советам. Советы взяли власть без нее и вопреки ей. А вместе с тем оказался неизбежным второй путь осуществления пролетарской революции—через гражданскую войну. «Если эта возможность (т. е. возможность мирного развития революции. *С. А.*), — говорил Ленин в сентябре 1917 г., — будет упущена, то весь ход развития революции, начиная от движения 20 апреля и кончая корниловщиной, указывает на неизбежность самой острой гражданской войны между буржуазией и пролетариатом. Неминуемая катастрофа приблизит эту войну. Она должна будет кончиться, как показывают все доступные уму человека данные и соображения, полной победой рабочего класса, поддержкой его беднейшим крестьянством... но она может оказаться весьма тяжелой, кровопролитной, стоящей жизни десяткам тысяч помещиков, капиталистов и сочувствующих им офицеров. Пролетариат не остановится ни перед какими жертвами для спасения революции»... (Л. XIV, 2, 133).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРЕДПОСЫЛКИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Глава первая

Классовый характер Октябрьской революции

Октябрьская революция была первой в мире победоносной пролетарской революцией. Она не была, подобно Февральской революции, всенародным возмущением против ничтожной кучки охранителей царского самодержавия, самодурствовавших над всей страной. Это была революция пролетариата, поддержанного огромным большинством крестьянства и всех классов, угнетенных буржуазным режимом, против буржуазии, против угнетателей. Это была одна из величайших в истории битв классовой войны.

Вот что говорил Ленин в сентябре 1917 г. о классовом характере нароставшей тогда Октябрьской революции:

«В стране явно нарастает новая революция, революция иных классов (по сравнению с теми, которые осуществили революцию против царизма). Тогда была революция пролетариата, крестьянства и буржуазии, в союзе с англо-французским финансовым капиталом, против царизма.

Теперь растет революция пролетариата и большинства крестьян, именно, беднейшего крестьянства, против буржуазии, против ее союзника — англо-французского капитала, против ее правительственного аппарата, возглавляемого бонапартистом Керенским...

Переменилось взаимоотношение классов. В этом суть.

Не те классы стоят «по одну и по другую сторону баррикады». Это главное. («Ошибки нашей партии», «Пролетарская Революция», 1924 г., № 3).

В первой части книги мы познакомились с важнейшими этапами классовой борьбы и сдвигами во взаимоотношениях классов, происшедшими в течение Февральской революции. Теперь мы познакомимся с состоянием народного хозяйства в этот период и со связанной с ним расстановкой классовых сил накануне Октября.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Состояние народного хозяйства в период Февральской революции

Глубокое расстройство, которое вносила война во все отрасли хозяйства страны, не прекратилось с победой буржуазной революции.

Напротив, после февраля разрушение народного хозяйства пошло значительно быстрее, чем при царизме, потому что классовая борьба обострилась к тому времени в огромной мере, а власть, терявшая с каждым днем опору, была совершенно бессильна справиться с возникавшими на каждом шагу трудностями.

Известно, какое огромное значение в смысле ускорения буржуазной революции имел порожденный войной рост дороговизны, а вместе с тем и рост нищеты масс. После февраля этот процесс еще более обострялся по мере того как печатному станку приходилось работать все быстрее и быстрее для покрытия все возраставших потребностей войны.

В 1916 г. бумажных денег выпускалось в обращение ежемесячно на 286,1 милл. руб., а за 8 месяцев Февральской революции — по 1.175 милл. руб., т. е. в 4 раза больше. За весь 8-месячный период Февральской революции было выпущено

8,3 миллиарда рублей, — столько же, сколько было выпущено с начала войны по 1 марта 1917 года [10].

Печатный станок не успевал работать, выпуская деньги «николаевского» образца. Поэтому в обращение были пущены знаменитые «керенки».

Это были денежные знаки малого формата, номинального достоинства в 20 и 40 руб., положившие начало «порче» русских бумажных денег. Выпущены были также на значительную сумму кредитные билеты достоинством в 1000 руб., так называемые «думские» (с изображением Таврического дворца, где заседала Государственная Дума).

В связи с огромным наводнением рынка бумажными деньгами, так называемой инфляцией, цены товаров увеличились за период Февральской революции больше, чем вдвое; а именно, по сравнению с довоенным временем (1913—1914 гг.) цены товаров увеличились в апреле 1917 г.: по Москве—в 3,33 раза, по провинции — в 2,42 раза. В октябре 1917 г. по сравнению с теми же 1913 — 1914 гг. цены стали уже выше: по Москве—в 7,5, по провинции — в 5,25 раз.

Этот рост дороговизны всего больнее должен был ударить по городской и деревенской бедноте, но в первую голову — по пролетариату.

Правда, рабочий класс широко использовал открывшиеся после февраля возможности легальной борьбы и добился на ряду с 8-часовым рабочим днем значительного повышения денежной зарплаты. Однако это повышение не могло догнать растущую дороговизну, и реальная заработная плата, выраженная в товарных рублях, только для немногих категорий промышленных рабочих сохранила в 1917 г. прежний уровень или несколько повысилась; в общем для всей промышленности она упала в 1917 году по сравнению с пред'идущим на 14%. Еще резче упал заработок служащих—почти вдвое (на 45%).

Падение заработной платы по отдельным категориям труда показано в следующей таблице.

Отрасли промышленности	Месячный заработок в товарных рублях			
	Промышленных рабочих		Служащих	
	1916 г.	1917 г.	1916 г.	1917 г.
Добывание и обработка камней	14,9	10,8	30,5	17,9
Горная и горнозаводская	20,8	12,8	55,1	27,4
Металлическая	39,5	28,1	90,1	36,8
Обработка дерева	24,0	15,3	43,4	27,0
Химическая	31,5	33,5	90,9	48,8
Пищевая	17,3	15,8	61,7	33,3
Обработка твердых материалов животного происхождения	25,1	19,0	55,0	32.5
Кожевенная и меховая	24,5	16,6	77,9	39,4
Текстильная	15,7	16,9	61,6	39,7
Одежда и туалет	28,7	25,9	70,9	36,4
Обработка бумаги	14,8	15,0	60,2	35,1
Полиграфическая	32,9	30,2	66,6	37,6
Худож. и прикладн.	33,6	29,4	101,9	47,3
В среднем по всей пром-сти	24,7	21,2	69,8	38,0

Помимо дороговизны, городская беднота страдала еще и от все обострявшегося недостатка продовольствия. В первые же дни Февральской революции были введены знаменитые хлебные карточки сначала в столицах, а затем и в других крупных городах. Правда, хлебный паек не спускался ни до «восьмушки», ни до ¼ фунта. Однакоже транспортные средства были поглощены в огромной своей части обслуживанием фронта, да и самый транспорт все безнадежнее охватывался разрухой. Процент «больных» паровозов и вагонов непрерывно возростал, наряды на подвоз хлеба на фронт и в столицы не могли быть выполнены полностью. Общая недостача продовольствия больнее всего била по бедноте, которая не была в состоянии покупать хлеб и продукты первой необходимости «на вольном рынке» по спекулятивным ценам.

В частности для Москвы А. Панкратова приводит следующие цифры Московской биржи труда, опубликованные в газетах за декабрь 1917 г. «С февраля по октябрь повышение заработной платы московских рабочих достигает в среднем 53% и лишь в немногих единичных случаях—100%. Повышение же за этот промежуток времени цен на предметы первой необходимости равно в среднем 112%, ржаной хлеб даже повышается в цене на 150%, картофель — на 175%, одежда и обувь — на 170%»[11].

Ухудшение положения масс происходило на фоне общего упадка народного хозяйства, который буржуазное Временное Правительство бессильно было приостановить.

Особенно резко проявляется это расстройство народного хозяйства в падении продукции промышленности под влиянием целого ряда неблагоприятных условий: расстройства транспорта, недостатка сырья, недостатка топлива, наконец недостатка квалифицированной рабочей силы.

Сокращение продукции обнаруживается во всех отраслях промышленности, как видно из следующих цифр:

Род продукции	1916 г.	1917 г.	Продукция 1917 г. в %% по сравнению с 1916 г.
Добыча нефти (в милл. англ. тонн)	10,4	8,36	80,4
Выплавка чугуна (в милл. пуд.)	231,9	190,4	82,1
Изготовление полупродукта (в милл. пуд.)	260,9	216,6	83,0
Изготовление продукта (в милл. пуд.)	205,9	155,5	75,5
Постройка паровозов (штук):			
Обыкновенных	616	410	66,6
Военно-полевых	215	69	32,1
Постройка вагонов:			
Пассажирских	351	293	83,5
Товарных	13.907	8.732	62,9
Добыча руды:			
Железной (в милл. пуд.)	345	320	94,2
Марганцовой (в тысячах больших тонн)	487	429	88,1
Медной	20,5	15,7	76,6

По 58 губерниям Европейской России (в пределах нынешнего СССР), Кавказу, Сибири и Туркестану валовая продукция всей промышленности в миллионах довоенных рублей составляла:

Виды промышленности	1913 г.	1916 г.	1917 г.	1917 г. в %% к 1916 г.
Добывание и обработка камней, земель и глин	154,3	89,3	65,8	61,1
Горная и горнозаводская	1003,9	941,3	528,1	56,1
Металлообрабатывающая	628.1	1888,4	1212,9	64,2
Обработка дерева	171,2	106,3	93,3	87,8
Химическая	337,7	853,5	564,1	66,1
Пр-во пищевых продуктов, напитков и наркотиков	1505,8	1176,0	734,8	62,5
Обработка твердых материалов животного происхождения	184,6	182,5	128,9	70,6
Хлопчатобумажная	1090,3	892,5	596,4	66,8
Шерстяная	195,1	187,2	134,4	71,8
Шелковая	49,2	38,9	21,8	56,0
Льняная и пеньковая	115,3	130,6	90,7	60,4
Пр-во по обработке смешанных и не точно обозначенных волокнистых веществ	44,6	146,0	27,2	18,6
Обработка бумаги и полиграф. производ.	152,0	126,0	99,2	78,7
Пр-во и передача физических сил и водоснабжение	38,7	72,9	46,5	63,8
Всего	5620,8	6831,4	4344,1	63,6
В %% к 1913 г.	100,0	121,5	77,3	—

Общий упадок захватывает и сельское хозяйство, правда, не под влиянием сокращения посевной площади, почти не изменившейся, а под влиянием падения урожая. Последний выразился в следующих цифрах (в пудах с десятины):

	1916 г.	1917 г.
Озимая рожь	63	43
Озимая пшеница	68	50
Яровая пшеница	49	40
Овес	56	42
Ячмень	57	45
Гречиха	50	43
Просо	48	42
Картофель	465	421
Лен	24	21
Конопля	30	25

На ряду с падением урожая происходило также общее уменьшение количества лошадей и скота в стране. Так, рабочих лошадей в 1917 году осталось лишь 93% того количества, какое было в 1916 г., крупного рогатого скота—95,8%, мелкого — от 86 до 94,7% и только количество свиней возросло на 11,3%.

Таким образом в отношении народного хозяйства период Февральской революции явился периодом его безостановочного упадка и разложения.

На почве упадка и разложения, охватившего под влиянием войны все народное хозяйство страны, происходило непрерывное ухудшение положения народных масс, а вместе с тем и непрерывное обострение классовой борьбы. Исход Февральской революции решил союз между восставшим пролетариатом и солдатскими массами крестьянства. В течение Февральской революции общее для обоих этих классов бедствие войны и общий для них рост нужды укрепляли и расширяли этот союз, вовлекали в него более широкие массы крестьянства в деревнях, создавали условия победы пролетарской революции.

Мы познакомимся в первую голову с важнейшим из этих условий — самим пролетариатом, с его боевыми силами накануне Октября; а затем перейдем к состоянию других классовых сил к тому же моменту.

Глава третья

Рабочий класс на путях к Октябрю

1. Борьба за 8-часовой рабочий день

Рабочее движение, после того как был сброшен царизм, не утихло. С первых же дней революции рабочий класс охватило массовое движение в пользу 8-часового рабочего дня. Движение это было настолько энергично, что уже в начале марта на многих предприятиях Петрограда рабочие вводят 8-часовой рабочий день «захватным порядком». Едва через неделю после победы революции, 7 марта, вопрос о 8-часовом рабочем дне обсуждается в Петроградском комитете большевиков. При этом обнаружилось, что и в среде большевиков существовали некоторые колебания по этому вопросу. Так, хотя докладчик считал необходимым введение 8-часового рабочего дня путем издания Советом соответствующего декрета, он находил в то же время, что «заводы, на которых 8-часовой рабочий день уже осуществлен, должны отказаться от этого до проведения такого постановления на всех фабриках и заводах Исполкомом Совета Рабочих и Солдатских Депутатов». Резолюция гласила: «П. К. предлагает Исполкому СРСД немедленно ввести декретом 8-часовой рабочий день во всех областях наемного труда». Места оказались левее и, например, Выборгским райкомом была принята такая резолюция: «Выборгский районный комитет, обсудив вопрос о восьмичасовом рабочем дне, постановил осуществить его *явочным порядком*» [12].

Совсем иным было отношение к этому вопросу меньшевиков, за которыми в то время политически шло несомненное большинство среди рабочих масс. Меньшевики не на шутку испугались, как бы это движение не оттолкнуло буржуазию в лагерь контр-революции.

Уже в № 4 от 10 марта меньшевистский центральный орган «Рабочая Газета» счел себя вынужденным предостеречь рабочих от борьбы за 8-часовой рабочий день. «Как же быть дальше? — спрашивает газета. — Иные подсказывают:

перейти к борьбе за иные требования—*восьмичасовой рабочий день* на заводах и фабриках. Что это значит? Это значит бросить занятую *политическую* позицию и перейти на новую — *экономическую*. Но разве так делают на войне? Нет, там, завоевав позицию, на ней хорошо окапываются, ее старательно укрепляют». Приведя в пример поражение рабочих в борьбе за 8-часовой рабочий день в 1905 году, газета заканчивает:

«...Необходимо вести широкую пропаганду в пользу законодательного введения 8-часового рабочего дня. Но от этого далеко до общего введения захватным путем 8-часового рабочего дня по всей линии. Это значило бы, *не закончив* одной революции, броситься без подготовки сил в другую» (курсив подлинника. *С. А.)*

Однако движение оказалось гораздо более сильным, чем это могло казаться меньшевикам. Перед его стихийной силой капиталисты вынуждены были сразу пойти на уступки. И в тот же самый день, 10 марта, когда в «Рабочей Газете» появилась цитированная статья, состоялось соглашение между обществом фабрикантов и заводчиков и Петроградским Советом Рабочих Депутатов о введении 8-часового дня на всех фабриках и заводах впредь до издания закона о нормировке рабочего дня. На основании того же соглашения на фабриках и заводах были введены фабрично-заводские комитеты, которым суждено было сыграть огромную роль в дальнейшем ходе революции [13].

18 марта постановление о немедленном введении 8-часового рабочего дня принял и Московский Совет, в котором фракция большевиков предложила «ввести явочным порядком немедленно 8-часовой рабочий день». Таким образом, говорит тов. Ярославский, «наша партия сыграла решающую роль в вопросе о введении 8-часового рабочего дня, в защите этого основного требования рабочего класса. Она провела его при сопротивлении меньшевиков и эс-эров, при колебаниях интернационалистов» [14].

Несколько позднее, но с такой же неудержимой силой, движение в пользу 8-часового рабочего дня захватывает и провинцию. И здесь оно побеждает, несмотря на противодействие соглашательских партий, захвативших советы. Чрезвы-

чайно характерно, например, сообщение харьковского представителя на заседании Московского Совета 21 марта:

«Как только до Харькова дошел слух о введении 8-часового рабочего дня в Петербурге, подняли вопрос в Харькове, *хотя принципиально Харьковский Совет Рабочих Депутатов был против введения 8-часового рабочего дня явочным порядком, но Совету пришлось санкционировать то, что прошло в жизнь*» (Курсив наш. *С. А.*) [15]

На примере борьбы за 8-часовой рабочий день мы видим, что именно партия большевиков, несмотря на некоторые колебания, возглавила революционное рабочее движение и в области экономической борьбы, именно она своей борьбой с мелкобуржуазной демократией выказала себя в глазах рабочих масс подлинной представительницей классовых интересов пролетариата.

2. Фабрично-заводские комитеты

На ряду с напряженной борьбой в защиту экономических требований пролетариата происходил быстрый рост классовых организаций рабочего класса. Уже с первых же дней революции мы наблюдаем массовое движение в пользу *организации фабрично-заводских комитетов.*

5 марта с призывом об организации этих комитетов выступил Петроградский Совет. Вслед за Петроградом фабзавкомы возникают в Москве, а затем и в провинции. Мы видели, что соглашение Петроградского Совета с обществом фабрикантов и заводчиков от 10 марта узаконяло на ряду с 8-часовым рабочим днем и фабрично-заводские комитеты. Наконец 23 апреля существование фабзавкомов было оформлено особым постановлением Временного Правительства.

Фабрично-заводские комитеты, избиравшиеся всем наличным составом рабочих данного предприятия, представляли собой не только чисто классовые рабочие организации, но и такие, которые всего теснее связаны с самими массами. В этом отношении они превосходили такие организации, как, например, профессиональные союзы, которые обнимали рабо-

чие массы лишь частично (особенно в начале революции) и по традиции испытывали на себе сильное влияние меньшевиков. Поэтому партия большевиков придавала крайне важное значение завоеванию фабзавкомов. И чрезвычайно показательно для всего хода Февральской революции, что в первые же ее месяцы организации фабрично-заводских комитетов становятся настоящим оплотом большевизма в массах. Свое политическое влияние партия закрепила через фабзавкомы и организационно. Это показала первая конференция фабрично-заводских комитетов.

Самая инициатива этой конференции принадлежала большевикам, работавшим в этой области. По словам тов. Кактыня, «в завкомах артиллерийских заводов сразу же *возобладали большевики;* они же дали *инициативу* к созыву общегородской конференции и создали ее организационное бюро» [16].

Первая конференция фабрично-заводских комитетов состоялась в Петрограде 30 мая — 5 июня 1917 г. На ней был представлен петроградский пролетариат всего от 236 предприятий с общим числом рабочих 337.464 человека. Важнейшее значение имела основная резолюция конференции по докладу тов. Зиновьева. Резолюция эта, принятая огромным большинством 297 голосов против 21 при 44 воздержавшихся, показала, что основная масса петроградского пролетариата идет уже за большевиками. В важнейших своих пунктах резолюция эта требовала установления «рабочего контроля над производством и распределением продуктов», воспринимая таким образом лозунг Ленина, выдвинутый им в апрельских тезисах: «Не «введение» социализма как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны СРД за общественным производством и распределением продуктов».

10-й заключительный пункт резолюции гласил: «Планомерное и успешное проведение всех указанных мер возможно при переходе всей государственной власти в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Принимая этот пункт, конференция вступала на боевую большевистскую линию; она показывала вместе с тем, что основной политический лозунг большевиков — власть советов — становится требованием рабочих масс.

В заключение конференция выбрала центральный совет фабзавкомов в составе 25 человек. Политическое значение этого шага видно из того, что участвовавшие в конференции профессионалисты - меньшевики, учитывая большевистскую линию конференции, добивались подчинения фабзавкомов профсоюзам и протестовали против избрания фабзавкомами своего центра. Избирая этот последний, несмотря на протест меньшевиков, конференция не только завершала классовую организацию фабзавкомов, созданную на основе производственного начала; она создавала вместе с тем и мощную базу для организационного охвата рабочих масс большевистской партией.

Вот что говорит исследовательница фабзавкомов А. Панкратова о соотношении между этими организациями, массами и партией. «Организатором и выразителем боевой решимости рабочих масс становится фабрично-заводский комитет. Идейным руководителем, вдохновителем — стоящая за ним революционная партия пролетариата — социал-демократы большевики. Вся история фабрично-заводских комитетов в 1917—1918 г. теснейшим образом связана с партией большевиков. И это понятно: революционная и боевая партия пролетариата не могла оставить без влияния и руководства организации, наиболее близко связанные с самой гущей рабочего класса, творящего революцию»[17].

В течение всего периода от февраля к октябрю фабзавкомы развиваются, как боевые пролетарские организации, «превращаясь в опорные пункты большевистской партии на заводах и тем самым в очаги и одновременно штабы экономической, политической и военной борьбы с буржуазией»[18].

3. Профессиональные союзы

Столь же стремительно происходил после февраля и рост другого типа рабочих организаций — профессиональных союзов. Последние в годы реакции и войны были совершенно разгромлены правительством и накануне революции почти не существовали в легальной форме. В первые же недели революции наблюдается бурный и неудержимый рост союзов,

о котором могут дать понятие некоторые цифры[19]. В течение первых двух месяцев революции в Петрограде и Москве возникло свыше 130 союзов, а по России — свыше 2.000. На 1 октября в Петрограде было 34 профессиональных организации с 502.829 чел. На состоявшемся в конце июня 1917 г. 3-й Всероссийской конференции было представлено 976 союзов и 51 центральное бюро с числом членов 1.475.429 человек. На 1-м Всероссийском с'езде профсоюзов 8—15 января 1918 г. подсчет числа членов профсоюзов по анкетам дал уже цифру 2.252.600 человек.

20 июня была созвана в Петрограде 3-я Всероссийская конференция профсоюзов, продолжавшаяся до 28 июня. Необходимо отметить, что на этой конференции мы наблюдаем иное соотношение партийных сил, чем на состоявшейся за три недели до того конференции фабзавкомов. Большевики еще не закрепили своего преобладающего влияния в профессиональных союзах, верхушки которых были довольно прочно заняты меньшевиками и частью эс-эрами. Но и мелкобуржуазная демократия не имела решительного преобладания. Поэтому на конференции наблюдался перевес то одного крыла, то другого.

Вскоре однако общая «большевизация» рабочего класса захватывает и профсоюзы. Это обнаружилось уже через полторы недели после 3-й конференции, в связи с июльскими днями. 6—7 июля в Петрограде состоялось совместное заседание центральных бюро профсоюзов и фабзавкомов вместе с правлениями петроградских профсоюзов, иными словами, собрание членов только «верхушечных организаций». В одной из резолюций собрание признало, что «русская буржуазия организовалась для захвата власти», что она «покинула ряды революции» и «выстроилась боевым фронтом против революционного народа». Эта резолюция была принята как-раз в то время, когда «революционная демократия» меньшевиков и эс-эров готовилась к образованию второго коалиционного правительства вместе с представителями буржуазии. Во второй резолюции собрание энергично протестовало против преследований партии большевиков: «Собрание с негодованием протестует против гнусной клеветы, распространяемой контр-

революционными газетами по почину Алексинского и Бурцева против заслуженных вождей рабочего класса Ленина, Троцкого, Каменева, Зиновьева и др. Собрание видит в этом поход, направленный против всего рабочего класса и его организаций... Собрание протестует против фактической приостановки выхода рабочей газеты «Правда», обслуживающей нужды сотен тысяч рабочих, и обращается к Исполнительному Комитету Советов Рабочих и Солдатских Депутатов с призывом принять немедленно меры к обеспечению выхода этой газеты» [20].

Дальнейшая политическая линия профсоюзов есть линия большевистской партии, линия решительной борьбы с буржуазной властью. Это с яркостью обнаружилось через месяц после июльских дней, в связи с подготовлявшимся Временным Правительством смотром контр-революционных сил—Московским Государственным Совещанием.

7 и 9 августа состоялись в Москве об'единенные заседания московского совета профсоюзов и правлений всех профсоюзов, при чем в последнем заседании участвовали также представители Московского Совета Рабочих Депутатов и партий большевиков, меньшевиков и эс-эров. На этих заседаниях представители профсоюзов оказались настроенными более революционно, чем представители Совета, и собрание высказалось за необходимость устройства однодневной стачки в знак протеста против Московского Совещания. Хотя Московский Совет Рабочих Депутатов вслед за тем высказался против устройства стачки, тем не менее 12 августа в день открытия совещания, стачка, организованная советом профсоюзов, охватила всю рабочую Москву.

Необходимо отметить, что инициатива этого революционного выступления принадлежала самому пролетариату; партия большевиков, не желая допустить после июльских дней нового поражения пролетариата, не только не призывала его к выступлениям, но, напротив, рекомендовала ему крайнюю осторожность. Так, большевистская фракция Петроградского Совета выпустила обращение к рабочим, в котором заявляла, что «совещание членов фракции большевиков... в связи с Московским Совещанием единогласно постановило предложить товарищам рабочим и солдатам Петербурга воздержаться

от каких бы то ни было выступлений без прямого призыва на то от партийных организаций, не поддаваться провокационным призывам и листкам о выступлении и сохранять полное спокойствие». Только после цитированного постановления профсоюзов Москвы московская общегородская конференция большевиков постановила (10 августа) «призвать в согласии с решением совещания представителей 41 профсоюза пролетариат Москвы к однодневной стачке-протесту на 12 августа». Но в то же время партийный орган Московского комитета «Социал-Демократ» призывал товарищей воздержаться в этот день от уличных демонстраций и митингов... «*Никаких манифестаций*, никаких поводов к тому, чтобы господа участники совещания могли преждевременно по частям пустить кровь рабочим».

Несомненно, только этими призывами партии большевиков об'ясняется «мирный» характер рабочего протеста в Москве и провинции в дни мобилизации контр-революционных сил.

«Обольшевичение» профессиональных союзов выявилось в достаточной мере и в дни корниловщины. На соединенном заседании петроградского совета профсоюзов и центрального совета фабрично-заводских комитетов 27 августа была принята резолюция, в которой создавшееся положение рассматривалось «как результат политики коалиционного Временного Правительства, приносящего интересы мира и народных масс в жертву союзным и русским империалистам». Чтобы вывести страну и революцию из тупика, собрание требовало ряда решительных мер, а именно, передачи помещичьих земель в распоряжение крестьянских комитетов, немедленного осуществления рабочего контроля над промышленностью, отмены репрессий и ограничений, «направленных против революционных солдат, рабочих и крестьянских и самочинных народных организаций» и пр. А соединенное заседание московского совета профсоюзов и правлений 47 союзов требовало от Совета Рабочих и Солдатских Депутатов закрытия «всей буржуазной прессы, являющейся проводником военно-буржуазной контрреволюции и способствующей нарастанию погромного движения» [21].

2540—5

4. Советы рабочих депутатов

Из всех классовых пролетарских организаций наиболее упорное сопротивление завоеванию большевиками оказали, как это ни странно на первый взгляд, важнейшие политические органы — советы. Захватившие их с первых же дней революции партии мелкобуржуазной демократии — меньшевики и эс-эры — ввели в них свои наиболее блестящие силы. Они с особым ожесточением отстаивали здесь свое влияние, предчувствуя, что потеря советов грозит им политической смертью. Они упорно противились перевыборам старых советов, избранных в эпоху «бессознательного доверия» масс к мелкобуржуазной демократии. Поэтому советы и их исполнительные комитеты оставались цитаделями соглашательства еще долгое время после того, как массы утратили к соглашателям всякое доверие, а Всероссийский ЦИК Советов сохранял верность меньшевикам и эс-эрам вплоть до того момента, как был сброшен Октябрьской революцией.

Однако большевистская партия, оказавшаяся реальным политическим вождем революционных масс во все критические моменты революции, постепенно просачивалась и в советы и укрепляла в них свое влияние.

Первыми в руки большевиков перешли провинциальные советы в некоторых пунктах с многочисленным рабочим населением. Так, уже в дни Московского Совещания Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов углепромышленного Краматорского района обратился к Временному Правительству с энергичным протестом по поводу Совещания, «организуемого Государственной Думой, крупными помещиками и промышленниками — представителями поработителя-капитала, цель которого вполне ясна для пролетариата: свести на-нет революционные органы последнего и тем придавить свободную волю народа и сделать ее игралищем в своих руках». Также и царицынский совет, не в пример столичным, об'явил однодневную забастовку протеста против Московского Совещания [22].

Однако, несмотря на эти предостережения, завоевание большевиками важнейшего из всех советов—петроградского—обнаружилось довольно неожиданно для господствовавшего

в нем меньшевистско-эс-эровского большинства. Первая большевистская резолюция была принята Петроградским Советом, как уж отмечалось выше, 31 августа. Эта резолюция, между прочим, требовала декретирования демократической республики, конфискации помещичьей земли и передачи ее в ведение земельных комитетов, рабочего контроля в общегосударственном масштабе, немедленного предложения воюющим странам мира, прекращения репрессий против рабочего класса и его организаций и пр.

9 сентября победа большевиков была закреплена перевыборами президиума Совета. Любопытно, что перевыборы были произведены по инициативе старого меньшевистско-эс-эровского президиума, который считал голосование 31 августа случайным и предполагал на перевыборах получить доверие Совета. Случилось однако иначе: в новом президиуме большевики получили 6 мест, а меньшевики и эс-эры вместе — 5. Председателем Петроградского Совета был избран Л. Д. Троцкий.

5 сентября большевистская резолюция с такими же требованиями была принята и на соединенном заседании московских советов рабочих и солдатских депутатов, и вслед затем председателем Московского Совета был избран тов. Ногин. В провинции советы приступили кое-где и к осуществлению большевистского лозунга, — к захвату власти в свои руки. Особую известность приобрело выступление Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов. Здесь 12 сентября состоялся многотысячный митинг солдат и рабочих, потребовавший отставки старого соглашательского Исполнительного Комитета и избравший временный революционный комитет. Вечером в тот же день совет рабочих и солдатских депутатов избрал новый Исполнительный Комитет, в состав которого вошли члены временного революционного комитета. Совет взял власть в городе в свои руки, арестовал старого командующего войсками ген. Черкеса и назначил нового, пор. Перфильева, а также сменил представителей администрации и расставил вооруженные караулы по городу. Несмотря на призывы Временного Правительства и истерические приказы Керенского, Ташкентский совет, опиравшийся на всеобщую поддержку рабочих и гарнизона, отказался подчиниться.

Город находился в течение двух недель под властью совета, которая была раздавлена лишь карательной экспедицией под командой ген. Коровиченко, отправленной Керенским и занявшей Ташкент 26 сентября.

Еще раньше, в августе, определилось большевистское настроение Царицынского Совета рабочих и солдатских депутатов. 17 августа этим Советом была об'явлена и проведена всеобщая однодневная забастовка в знак протеста против Московского Государственного Совещания, а 29 августа Совет берет в свои руки власть над городом и избирает революционный штаб.

В течение сентября в руки большевиков перешла значительная часть губернских советов и все советы промышленных центров.

Таким образом к октябрю 1917 г. классовые организации пролетариата в огромном большинстве перешли не только идеологически, но и формально под руководство большевистской партии. Рабочий класс действительно сомкнутыми рядами шел к решительной битве.

Глава четвертая

Революция и буржуазия

Замечательной исторической особенностью запоздалой русской буржуазной революции было то, что ее активнейшей силой был пролетариат. Уже поэтому буржуазия сохраняет свою относительную «революционность» лишь до момента победы революции. С этого же момента начинается ее борьба против революции, ее контр-революционная роль.

В борьбе с большевистской партией меньшевики не уставали повторять, что в стране происходит буржуазная революция, что социалистическая революция в отсталой России «невозможна». Своей затверженной формулой о буржуазном характере революции они как-будто старались «заговорить» социалистическую революцию.

Буржуазия отличалась от меньшевиков своим реализмом, а следовательно, и дальновидностью. Решающее участие про-

летариата в революции заставляло ее ожидать, что он не остановится и перед социалистической революцией. Поэтому начиная с момента Февральского переворота неизменной тактикой буржуазии было: какой угодно ценой остановить революцию; сохранить все, что только возможно от старого режима, чтобы обеспечить таким образом возможность обуздания пролетариата в будущем; уступать революции лишь настолько, насколько это необходимо, чтобы не быть ею сброшенной.

К моменту революции из всех буржуазных партий только кадеты не были в конец скомпрометированы в глазах народных масс, как друзья старого режима; только они вели показную борьбу с царизмом хотя бы красивыми речами в Государственной Думе или смелыми передовицами газет. Только они могли подписаться под словами «Всенародное Учредительное Собрание», не рискуя быть тотчас разоблаченными перед широкими массами, как обманщики и политические оборотни. Поэтому после февраля кадеты являются признанными и почти единственными политическими представителями буржуазии. Более правые партии совершенно сходят с политической сцены, как-будто бы их никогда и не существовало. Все они либо перекрашиваются в кадетов, либо их всецело поддерживают.

В дальнейшем ходе революции, в борьбе против энергичного и об'единенного классового напора рабочих и крестьянских масс, и буржуазия и помещики оказались лицом к лицу перед грозным врагом их обоих. Поэтому борьба между ними самими, затихшая к моменту февраля, так и не возобновилась во весь период Февральской революции, а кадеты, впитавшие в себя монархистов и черносотенцев, становятся об'единенной партией правых, ибо обмануть наступавшие массы можно было только с помощью «демократической» программы. Вот почему кадеты есть партия правых в период Февральской революции. «Кадетский центральный комитет — это политический штаб класса буржуазии. Кадеты впитали в себя все имущие классы, с ними слились элементы, стоявшие правее к.-д. Все они поддерживают кадетсую партию» (Л. XV, 46).

Первым политическим выступлением кадетов в этой роли представителей об'единенной буржуазии была их попытка спасти монархию.

Мы уже говорили о выступлении кадетского вождя Милюкова 2 марта перед митингом в Таврическом дворце, где он между прочим заявил, что от «старого деспота» «власть перейдет к регенту, великому князю Михаилу Александровичу». Бурное негодование со стороны революционных масс показало, что Милюков запросил слишком много. Однако и на следующий день он вместе с Гучковым убеждает Михаила, которому Николай II передал власть в акте об отречении, принять престол, на что однако Михаил не согласился, опасаясь вызвать новый взрыв народного возмущения. Вскоре затем, 25 марта, кадеты на своем партийном с'езде включают в свою платформу требование демократической республики, доказывая, что и с республикой буржуазия готова помириться, если это ей помогает удержать власть в своих руках.

С этого времени кадеты, а вслед за ними и все или почти все вчерашние и завтрашние монархисты становятся республиканцами. Насколько всеобщим становится это республиканское грехопадение буржуазии, — об этом можно судить по тому, что даже знаменитый царский генерал Корнилов, организатор августовского контр-революционного мятежа против Временного Правительства, организатор монархической «добровольческой армии» для борьбы с советской властью, — даже и он стал республиканцем. По крайней мере, в этом уверял не менее знаменитый царский генерал, атаман Донского казачьего войска и первый организатор вооруженной борьбы с советской властью в Донской области, Каледин. Рассказывая в сентябре 1917 г. на войсковом круге Донского казачества о своей встрече с Корниловым на Московском Государственном Совещании, Каледин заявил: «Я безусловно об'являю, что Корнилов, хотя и видел от царей только хорошее, является убежденным сторонником республиканско-демократического образа правления» [23].

Этот всеобщий республиканизм буржуазии был необходимым приспособлением с ее стороны к условиям революционного момента. Оставаясь монархической, она была неспособна защищать действительные остатки монархии в стране, так как была бы сметена возмущенными массами вместе с самим царем Николаем, его наследником Алексеем и его преемником

Михаилом. Эти остатки монархии, обеспечивающие возможность ее реставрации, властвующая буржуазия могла сохранить, лишь став сама республиканской. А став республиканской, она проявила огромную энергию и добилась существенных успехов в деле сохранения остатков монархического строя. Так, вплоть до Октября, у нас не были уничтожены такие пережитки феодализма, как сословные привилегии, и продолжали существовать «привилегированные» и «простолюдины», дворяне и крестьяне. Сохранились и все царские титулы, все эти князья, графы и бароны и даже камергеры двора, сохранились царские чины и царские ордена. Была сохранена вплоть до последних дней буржуазной революции и третье-июньская сословная Государственная Дума. Равным образом, правящая буржуазия энергично противилась формальному уничтожению монархии и провозглашению республики: ведь этим были бы нарушены права Учредительного Собрания, которому одному только и принадлежит право установить для России форму государственного строя. А пока республиканские кадеты и калединцы могли сохранять надежду, что до Учредительного Собрания народные массы еще образумятся.

Таким образом формальное провозглашение республики состоялось лишь 1 сентября, когда только-что раздавившие Корнилова революционные массы готовились к штурму буржуазной власти и когда этот акт так же мало мог их успокоить, как «дарование» ответственного министерства царем в день 1 марта.

Мартовский республиканизм кадет и калединцев был в руках буржуазии новым оружием удержания власти; от «пулеметов», которые теперь, в отличие от 1905-1907 гг., отказываются стрелять по ее указке, она переходит *к обману* народных масс революционными и демократическими фразами.

Однако вследствие быстрого развития революции полезное для буржуазии действие этого нового оружия оказалось вскоре исчерпанным. Противонародная, империалистическая сущность Временного Правительства, как и его раболепство перед антантовским капиталом, обнаруживались с каждым его шагом и нашли себе яркое выражение в «бестактном» обращении

Милюкова к союзникам, которое привело к апрельскому кризису власти (см. стр. 24). Апрельский кризис показал, что присутствие крайних империалистов в составе правительства ослабляет буржуазию, так как оно возбуждает недоверие масс ко всему правительству, ко всей буржуазной политике в целом. Поэтому кризис привел к устранению из состава правительства таких заведомых империалистов, как Милюков и Гучков, и к новому применению буржуазией тактики обмана масс; подобно тому как раньше защиту монархии могли взять на себя только республиканцы, теперь продолжать империалистическую политику могли только такие буржуазные и мелкобуржуазные группировки, которые соглашались без запинки повторять вслед за пролетариатом: «мир без аннексий и контрибуций». Стало необходимым вступление мелкобуржуазных социалистов в состав правительства, притом на видные роли, ибо кадетам, отказывающимся от аннексий и контрибуций, народные массы точно так же не поверили бы, как не поверили бы монархистам, возьми они в свои руки власть после февраля.

Коалиция, как раньше республиканизм, была для буржуазии необходимостью, но как и республиканизм, была для нее лишь необходимым злом. «Злое» начало коалиции заключалось для нее в том, что правительство переставало быть простым рупором буржуазии; оно могло быть отныне более или менее послушным исполнителем воли буржуазии в зависимости от силы влияния этой последней на мелкобуржуазные партии, вошедшие в состав правительства. Равным образом и степень доверия буржуазии к новому правительству в дальнейшем должна была зависеть от поведения этого последнего.

Поэтому задачей буржуазии стало отныне, с одной стороны, возможно прочнее закрепить свое влияние на правительство, организовать все пригодные для этого силы; с другой стороны — по возможности ослабить влияние на Временное Правительство «левых», в частности «революционной демократии».

Еще до разрешения первого кризиса буржуазия старается оформить и закрепить свое влияние на будущую власть и с этой целью делает попытку воскресить свое политическое предста-

вительство в виде непогребенной покойницы — царской Государственной Думы. 27 апреля, за неделю до сформирования нового правительства, было созвано так называемое «торжественное заседание» членов всех четырех Государственных Дум, на котором нашла себе весьма отчетливое выражение тактика буржуазии в данный момент революции. На этом заседании представители буржуазии взывали к полному повиновению Временному Правительству, к прекращению «анархии» и к продолжению войны. Все усилия буржуазного большинства собрания были направлены к тому, чтобы убедить страну продолжать войну, прекратить «анархию», а главное — освободить Временное Правительство из-под контроля советов. «В дни наступления разрухи, — говорил Родзянко, — когда мрачные признаки анархии грозят воплотиться в реальные формы, страна обязана дать полное доверие и добровольно подчиниться велениям единой власти, которую она создала и которой она поэтому должна верить». А Шульгин жаловался на то, что «Временное Правительство находится как бы под домашним арестом. К нему в некотором роде как бы поставлен часовой, которому сказано: «Смотри, они—буржуи, а потому зорко смотри за ними и в случае чего знай службу». В то же время контр-революционность самой буржуазии, ее стремления во что бы то ни стало покончить с революцией были настолько ясны, что даже меньшевик и оборонец Церетели счел необходимым на этом собрании указать на «безответственные круги буржуазии, провоцирующие гражданскую войну [24].

После того как кризис наконец разрешился в начале мая созданием первой коалиции, политическая представительница российской буржуазии, партия кадетов, официально обещала новой власти поддержку. Однако на самом деле буржуазия сразу настораживается в отношении этого нового Временного Правительства: она еще не знает, насколько оно будет ей послушно. И если раньше мелкобуржуазные советы ввели в отношении к Временному Правительству знаменитую формулу «поскольку-постольку», то теперь эту формулу подхватывает буржуазия. 4 мая, когда вопрос об образовании коалиции был в принципе уже решен, состоялось «частное совещание» членов Государственной Думы. Выступивший на нем

Милюков прямо заявил: «Постольку, поскольку наши задачи исполнятся (т. е. поскольку правительство окажется послушным исполнителем воли буржуазии. *С. А.)*, мы должны поддержать вновь образовавшееся Временное Правительство».

А другой видный лидер кадет Маклаков, впоследствии назначенный Керенским на ответственный политический пост русского посла в Париже, высказал мнение буржуазии о революции, заявив, что «Россия оказалась недостойной той свободы, которую она завоевала». Он предсказывал, что «власть будет леветь все больше и больше, пока страна (читай: буржуазия. *С. А.)* будет праветь все дальше и дальше». Он угрожающе предупреждал, что «ставится последняя ставка на Россию». Чрезвычайно характерным было в его устах следующее заявление: «Ведь появляются теперь, — заявил он, — и правые пораженцы, которые говорят: поражение России будет во спасение».

Из изложенных выступлений следует, что уже в течение двух первых месяцев революции появились крайние контр-революционные группировки российской буржуазии, оппозиционные по отношению к Временному Правительству, как продукту революции, как органу, контролируемому рабочими советами; что эти группировки доходили до разжигания гражданской войны справа и до правого пораженчества.

Эти контр-революционные группировки особенно усиливаются со времени образования коалиционного Временного Правительства. Если для более сознательных и культурных представителей российской буржуазии (например, для кадет) привлечение вождей мелкобуржуазного социализма было средством обмануть массы, сделать буржуазную власть приемлемой для них, то для более невежественных и отсталых буржуазных кругов (таковы были, например, не только «дикие помещики», но и большинство офицерства) оно означало усиление социалистических тенденций революции. А для крайнего правого крыла буржуазии, для монархического дворянства, не только кадеты, но и Родзянко были революционерами, разница же между социалистами меньшевистско-эсэровского типа и большевиками представлялась им совершенно ничтожной. Для этих слоев буржуазии коалиционное

правительство было «социалистическим», способным только мирволить большевикам, разнуздывать «анархию», давать потачку растущему рабочему и крестьянскому движению. После короткого периода «всенародного ликования» оппозиция среди этих слоев по отношению к коалиционному правительству быстро усиливается.

Ослабление своих позиций во Временном Правительстве буржуазия старается возместить усиленной политической самоорганизацией. Образование классовых организаций, которые должны были стать цитаделями буржуазного господства, началось, правда, в первые же недели революции. Так, уже в 20-х числах марта происходит в Петрограде общеказачий с'езд, положивший начало «союзу казачьих войск»—одному из сильнейших оплотов реакционной буржуазии. Однако особенно усилилось стремление буржуазии к классовой самоорганизации со времени апрельского кризиса, показавшего, что революционные массы вовсе не намерены итти на поводу у буржуазии. Так, 7 мая происходит в ставке с'езд офицеров армии и флота. 8 мая в Харькове — конференция промышленников Юга России, и в тот же день — всероссийский с'езд офицерских депутатов в Петрограде. 11-го — всероссийский с'езд представителей хлебной торговли в Москве и в тот же день на фронте — с'езд офицеров армии и флота Юго-Западного фронта. 16 мая — третий всероссийский с'езд военно-промышленных комитетов и собрание ЦК «союза 17 октября». Наконец в мае идет энергичная самоорганизация помещиков: в ряде губерний — Тульской, Воронежской, Екатеринославской и др. — происходят местные «с'езды земельных собственников», там и сям на местах возникают их союзы, а 20 мая в Москве происходит «увенчание здания» — учредительное собрание «всероссийского союза земельных собственников». Любопытно отметить, что на этих помещичьих с'ездах уже нет речи о сохранении помещичьего землевладения. Речь идет лишь об отчуждении «по справедливой оценке».

Из этих выступлений энергично организующейся буржуазии особый интерес представляет 8-й с'езд кадетской партии, открывшийся 9 мая. На нем по вопросу об отношении к Временному Правительству Винавером была внесена резо-

люция, в которой говорится, что перед лицом развала армии на фронте и анархии внутри страны партия все же «сочла своим долгом, преодолевая внутренние сомнения, вызываемые тяжелыми переживаниями последних дней, остаться на своем посту и не отзывать своих представителей из состава правительства». Заключительная часть принятой с'ездом резолюции гласила: «Приветствуя заявление Временного Правительства о необходимости наступательных действий на фронте и о неизменной верности нашим союзникам, партия «Народной Свободы» будет оказывать полную поддержку новому Временному Правительству во всех его начинаниях, направленных к осуществлению указанных целей». Следовательно, кадеты теперь официально стали по отношению к Временному Правительству на точку зрения «постольку — поскольку»[25].

Если такова была позиция кадетов, которые все же дали своих представителей в состав коалиционного правительства, то более правые буржуазные группировки с момента образования первой коалиции начинают более или менее быстро переходить в прямую «оппозицию» к Временному Правительству. Основное ядро этих правых группировок составил высший командный состав армии, сохраненный Временным Правительством почти в полной неприкосновенности. Переход правого крыла буржуазии в оппозицию давал ему возможность иметь развязанные руки для борьбы с революционными массами не только «легальными путями», рука об руку с Временным Правительством, но и «нелегальными» путями организации контр-революционных комплотов и путчей.

Таким образом в среде буржуазии, недавно единой, появляются различные оттенки: «правительственные», «полуправительственные» и «оппозиционные». Однако вся она была попрежнему об'единена ненавистью к революции и в особенности к вождю революционных масс — пролетариату. Дальнейшие взаимоотношения между этими буржуазными группировками зависели прежде всего от силы пролетариата, от его успехов и неудач. В случае ослабления позиций пролетариата или поражения его «оппозиционная» часть буржуазии легко могла присоединить к себе «правительственную» для общего наступления на революцию. Напротив, в случае успехов

революции и пролетариата ответственность за эти успехи в глазах всей буржуазии падала на ее «правительственную» часть, которая теперь вызывала к себе особую неприязнь «оппозиции».

Следовательно, поражения пролетариата должны были усиливать спайку между различными группировками буржуазии; напротив, успехи пролетариата должны были раскалывать и разлагать буржуазию.

Таким образом июльское выступление и поражение пролетариата привело к временному об'единению не только буржуазии, но и мелкобуржуазной демократии в борьбе против революции.

Кадеты, лишь накануне июльского кризиса вышедшие из состава правительства, чтобы перейти в «оппозицию», после июльских дней согласились снова вступить в состав коалиции, а партии мелкобуржуазной демократии приняли на себя перед кадетами обязательство не требовать от своих представителей в правительстве ответственности перед советами и даже перед своими партиями. Соглашение между буржуазией и мелкобуржуазной демократией на почве бонапартистской диктатуры Керенского кажется полным.

Однако свертывание борьбы пролетариата после июльских дней оказалось весьма кратковременным и вскоре сменилось новым ее под'емом, снова вызывающим разложение в рядах буржуазии, в среде которой каждая группа ищет своего способа разрешить «кризис», покончить с поступательным движением революции.

В особенности усилился процесс разложения буржуазии после тяжелого ее поражения, которым закончился корниловский мятеж. Мы увидим ниже, как ослабела в связи с этим сила сопротивления буржуазии пролетарскому восстанию. Всю буржуазию в целом корниловщина и победа пролетариата над нею отбросила вправо. В то же время корниловщина расшатала и союз буржуазии с мелкобуржуазной демократией.

То обстоятельство, что меньшевики и эс-эры, испугавшись диктатуры контр-революционной военщины, выступили против корниловщины, отбрасывает от них буржуазию. Последняя перестает удовлетворяться «керенщиной» и ищет полновла-

стия, которое обеспечило бы ей возможность подавить «анархию» вооруженной рукой.

Правда, третья коалиция все же образовалась через несколько недель после корниловского выступления, после томительных межпартийных переговоров. Однако правительство было теперь образовано Керенским по принципу «персонального подбора», и ни одной крупной политической фигуры из кадетской партии, официально представлявшей русскую буржуазию, в него не вошло. Оно составилось главным образом из буржуазных «беспартийных» второсортных кадет и третьесортных представителей «революционной демократии» и было формой личной диктатуры Керенского. «Керенщина» теперь возбуждала против себя негодование не только революционных масс, но и широких кругов буржуазии. Борьба за безраздельную власть становится теперь непосредственной политической целью буржуазии. Вместе с тем усиливается ее дробление на различные политические оттенки. Только немногочисленные и невлиятельные ее элементы остаются верными коалиции «принципиально». Другие, правда, еще отстаивают коалицию против большевиков и левого крыла «демократии», но единственная их цель при этом—внести раскол и разложение в среду своих противников. В то же время усиливается и удваивает энергию наиболее влиятельное милюковское крыло кадет; последнее хочет раздавить большевизм «кровью и железом», но уже утрачивает надежду на то, что советская демократия может оказать ему в этом деле действительную помощь. К коалиционному правительству Керенского они относятся с глухой враждебностью и поддерживают его только в прямой борьбе с большевизмом. Однако предпринять открытую борьбу против правительства Керенского не могли еще и милюковцы, ибо кадетская партия все же официально вошла в состав правительства. Зато дальше вправо начинают уже играть роль полулегальные и «нелегальные» буржуазные группировки, об'единяющие октябристов, нововременцев и монархистов, — группировки, активнейшим элементом которых является военщина. В этих группировках уже заметно выделяется крайне правое крыло—«зубры», мечтающие о возвращении романовской монархии, злостно ненавидящие революцию

и склонные даже кадет рассматривать, как революционеров. Стремясь к восстановлению крепостничества, эти элементы видят в большевизме своего рода «курьез», временное увлечение «черни», от которого народные массы сами легко и быстро «излечатся», как только увидят, к чему ведет большевизм на деле.

Поэтому главную свою цель эти элементы видят в низвержении выдвинутого революцией правительства Керенского, хотя бы руками «временно» побеждающих большевиков. Они надеются легко справиться потом с большевиками; они мечтают о том времени, когда они снова открыто запоют «боже, царя храни» и повесят не только Ленина и Керенского, но и «революционеров» Милюкова и даже Родзянко. С ролью этих элементов в первые дни Октябрьской революции мы встретимся ниже.

Таким образом к тому моменту, когда русская буржуазия стояла уже у порога Октябрьской революции, она оказалась утратившей свое былое единство и разделенной на ряд группировок с различными, а частью и прямо враждебными политическими интересами и настроением.

Глава пятая

Февральская революция и крестьянство

«Буржуазно-демократическое содержание революции, это значит очистка социальных отношений (порядков, учреждений) страны от средневековья, от крепостничества, от феодализма» («К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», Л., XVIII, 1, 364).

Всего крепче остатки «средневековья, крепостничества, феодализма» держали в своих тисках русскую деревню. Здесь они находили себе воплощение в лице дворянина-помещика, дворянина — земского начальника, командовавшего над крестьянином и экономически и как носитель власти полицейского государства.

В отношении крестьянства разрешение задачи буржуазно-демократической революции в России означало полное и безоговорочное уничтожение всех остатков феодально-крепостни-

ческих отношений, а следовательно, уничтожение помещичьего землевладения, как основного источника этих отношений.

Как и в отношении других задач буржуазно-демократической революции, буржуазия оказалась решительной противницей разрешения и этой задачи. Помещик был ее союзником в борьбе за «порядок», за реставрацию. Поэтому она отнюдь не была расположена жертвовать его интересами в пользу анархической «черни». На случай под'ема революции и решительного напора масс она заготовила, правда, свою формулу «отчуждения (помещичьей земли) по справедливой оценке». Но, насколько окажется возможным, она старалась все удержать на старом месте, в ожидании «успокоения», удержать и помещика в деревне, как оплот порядка. Поэтому она вместе с помещиками убеждала крестьянство подождать с решением земельного вопроса до Учредительного Собрания.

Мелкобуржуазная демократия, исполнявшая в течение 8 месяцев после низвержения самодержавия свою историческую задачу — охранять буржуазную революцию от социалистической, и в отношении земельного вопроса практически шла на поводу у буржуазии; этой последней — а через это и помещикам — она помогала всячески оттягивать решение земельного вопроса, самого коренного из всех вопросов буржуазной революции в России. «Нельзя спорить против факта, что мелкобуржуазные демократы восемь месяцев «соглашались» с помещиками, хранящими традиции крепостничества» (Л., XVIII, 1, 364—365).

Февральская революция началась как революция городская. Завладев городами, она вскоре охватила и фронт и лишь мало-по-малу стала проникать в деревню. Сюда она пришла уже с готовой формулой оборонческого социализма: нельзя захватывать землю впредь до решения Учредительного Собрания. Эс-эры, притом в основной своей массе «мартовские» эс-эры, заполонившие и города и деревни, говорили крестьянам о земле очень хорошие вещи и единственно в чем убеждали крестьянство, это — отложить их осуществление до полновластного и всенародного Учредительного Собрания.

Решающее значение эта пропаганда имела для верхушек крестьянских организаций, которые (верхушки) сохранили

верность правым эс-эрам вплоть до Октябрьского переворота. Крестьянские низы уже с самого начала революции с трудом усваивали лозунг спокойного ожидания Учредительного Собрания. Это доказывается уже тем, что всего на третьей неделе революции, 17 марта, Временное Правительство было вынуждено обратиться с воззванием к народу по земельному вопросу, в котором, между прочим, говорилось: «Земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата. Насилие и грабеж — самое дурное и самое опасное средство в области экономических отношений. Только враги народа могут толкать его на такой гибельный путь... Земельный вопрос должен быть разрешен путем закона, принятого народным представительством...» [26].

Однако обращение правительства, как и его сторонников, к крестьянам, далеко не всегда оказывалось действительным.

«Агитация студентов за успокоение до Учредительного Собрания успеха не имеет»,—лаконически доносили из Рязанской губернии [27].

Тов. Верменичев справедливо подчеркивает роль солдат с фронта в крестьянском движении периода Февральской революции: «С приходом солдат в деревню, она зашевелилась; фактически аграрное движение и начало расти, когда во главе крестьян появились солдаты, а это произошло уже в течение следующих месяцев после Февральской революции, с апреля».

21 апреля Временное Правительство издает положение об учреждении земельных комитетов: главного — в Петрограде, и местных — губернских, уездных и волостных. Этим актом оно, с одной стороны, желало показать крестьянству свою добрую волю в направлении разрешения земельного вопроса, а с другой, стремилось утихомирить крестьянство с помощью новой всероссийской организации, которая, конечно, должна была быть заполнена верными правительству мартовскими эс-эрами.

Однако цели правительства оказались недостигнутыми. «При образовании волостных и уездных исполнительных комитетов в состав их вошла в большинстве интеллигенция, но затем стали раздаваться голоса против нее, и уже в середине апреля повсеместно в комитетах состав был исключительно из

2540—6

крестьян, тенденция которых относительно земли явно незакономерна и настраивает население к захватам» (из сообщений Мокшанской земской управы, Пензенской губернии) [28].

Вместо умиротворения крестьянства местные земельные комитеты, равно как и советы крестьянских депутатов, сплошь и рядом сами проводили организованный захват помещичьих земель в пользу крестьянства. «Уже с мая месяца начинают поступать сообщения, что то там, то сям крестьянские советы выносят решения о передаче всей земли крестьянам, не дожидаясь Учредительного Собрания, или выносят решения об учете помещичьих земель, инвентаря, регулировании арендных отношений и т. п.

Постановления о передаче земель крестьянам до Учредительного Собрания, например, вынесли советы крестьянских депутатов Казанской, Пензенской, Самарской, Нижегородской... и др. губерний. Уездные же с'езды крестьянских депутатов подобные решения выносили гораздо чаще и разрешали земельный вопрос радикальнее» [29].

Стихийная сила движения сказывалась в том, что оно истолковывало в свою пользу даже такие постановления верхов, которые имели прямо противоположный смысл. Известен, например, характер первого Всероссийского С'езда Крестьянских Депутатов, который происходил в мае—июне в Петрограде и прошел всецело под знаком господства правых эс-эров, решительно высказавшись против самочинного захвата земли крестьянами.

На местах его решения часто истолковывались в прямо противоположном смысле. Так, например, в докладе могилевского губернского комиссара Временному Правительству мы читаем: «Так продолжалось дело до половины июня, когда картина резко изменилась: к этому времени возвратились в губернию участники состоявшегося в Петрограде Всероссийского С'езда Крестьянских Депутатов, удостоверившие, что разрешение земельного вопроса на местах самими крестьянами одобряется с'ездом и не идет вразрез с программой министерства земледелия.

Соответствующие идеи, высказанные по этому поводу на губернском с'езде крестьянских депутатов, а затем повторенные

на таких же уездных с'ездах, нашли в среде сельского населения весьма благоприятную почву, и аграрное движение, приобретя с этих пор характер планомерного и организованного, охватило всю губернию».

А на совещании делегатов и уполномоченных волостей, сел и деревень Спасского уезда, Казанской губернии, состоявшемся 29—30 мая, было между прочим постановлено:

«Присоединиться к постановлению Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов в Петрограде и к постановлению Казанского губернского совета крестьянских депутатов в отношении немедленного отобрания до созыва Учредительного Собрания всех земель как у помещиков, так и у крупных собственников и у других лиц и о передаче их в бесплатное пользование народу через земельные и волостные комитеты общественной безопасности, которые и распределяют отобранные земли, леса и луга между населением».

В ответ на распоряжение правительства «принять решительные меры к недопущению исполнения этих постановлений на местах» и угрозы карами Казанский совет крестьянских депутатов отвечает телеграфно: «Постановление от 13 мая сего года проведено в большей части губернии в жизнь и проводится в остальной и отменить его нельзя циркуляром из министерства... Постановление от 13 мая сего года совет, считая выражением воли народа, изменить не согласен, и угрозы тюрьмой и карами за исполнение воли народа не остановил совет при проведении до конца воли народа» [30].

В докладе Временному Правительству в июне Львов делает следующую сводку распространения аграрного движения:

«Необходимо подчеркнуть, что, как это усматривается из поступающих с мест сообщений, беспорядки не только не могут быть признаны ликвидированными, но, наоборот, с каждым днем охватывают все новую площадь. 12 мая были получены сообщения о беспорядках во Владимирской, Могилевской и Смоленской губерниях; 16 мая к ним присоединились губернии: Нижегородская, Новгородская, Орловская и Рязанская; 17—Курская и Московская, 19—Петроградская, 20 — Казанская, 23 — Бессарабская, Калужская, Костромская и Тамбовская, 24 — Минская, Подольская, Саратовская,

Витебская и Волынская, 30 — Самарская, 31 — Пензенская, 1 июня — Пермская и Псковская, 2 — Тульская, 3 — Тургайская область, 5 — Полтавская и Эстляндская, 6 — Харьковская, 7 — Воронежская и Лифляндская, 8 — Симбирская, 9 — Черниговская, 10 — Вятская, 12 — Подольская, 13 — Гродненская и Иркутская, 15 — Виленская, 16 — Енисейская и Рязанская и 17 — Вологодская и Оренбургская»[31].

О количественном росте аграрного движения в период Февральской революции дает понятие нижеследующая таблица, заимствуемая нами из статьи С. М. Дубровского «Октябрьская революция и крестьянство»[82].

Число зарегистрированных случаев крестьянских волнений в 1917 году по месяцам:

Март	49	Июль	957
Апрель	378	Август	760
Май	678	Сентябрь	803
Июнь	988	Октябрь	1169

Из таблицы мы видим, что самочинные выступления крестьянства начинаются с марта и уже в следующем месяце достигают внушительной цифры—378 случаев. Движение растет непрерывно из месяца в месяц, за единственным исключением августа, когда оно несколько падает, и в октябре за 20 дней (дальнейших сведений не имеется) достигает чудовищной цифры в 1.169 случаев. 1.169 очагов крестьянского восстания в стране в течение трех недель! Может ли быть более решительное доказательство краха правительственной системы Февральской революции?

При этом возрастающая ожесточенность классовой борьбы находит свое выражение в быстром росте числа разгромов помещичьих имений. По указанию И. Д. Верменичева, «в сентябре донесения о начавшемся разгромном движении получены из Тамбовской, Рязанской, Саратовской, Орловской, Пензенской, отчасти из Курской, Подольской, Самарской губерний. В октябре к ним присоединились Тульская, Курская, Воронежская, Нижегородская, Казанская, Симбирская, Самарская, Волынская, Харьковская, Витебская, Минская, Тверская и др. губернии».

«Самый характер разгромов, — говорит тов. Верменичев, — был один и тот же. Помещичьи экономии сжигались, имущество растаскивалось, делилось «по душам». Доходило до курьезов, когда породистую свинью, например, немедленно убивали и делили по душам, или какую-либо сложную машину делили по дворам или по душам. По сообщениям с мест, насильственные действия по отношению к помещикам были сравнительно редким явлением: помещик бежал с своей семьей в город. До тла уничтожались усадьбы: «по кирпичикам разносят», «одни усадьбы совершенно стерты с лица земли, разобраны даже фундаменты усадебных построек. В других дома стоят без окон и дверей, с разрушенными печами».

Правительствующие эс-эры из центра вынуждены посылать войска для усмирения бунтующих эс-эров из местных крестьянских организаций. Однако войска сплошь и рядом отказываются усмирять: машина Временного Правительства работает «без привода». Еще раньше, чем потерять столицу, Временное Правительство потеряло огромную русскую деревню.

Глава шестая

Революция и армия

Если длительный успех как Февральской, так и Октябрьской революции — окончательное низвержение царизма и власти буржуазии—был обусловлен тем, что пролетариату удалось привлечь на свою сторону крестьянство и закрепить его поддержку, то удача в обоих случаях, и в день 27 февраля и 25 октября, в огромной степени зависела от активной и пассивной поддержки революции «крестьянином в серой шинели» — солдатом старой армии.

Было много причин того, что в октябрьские дни Керенский оказался столь же беспомощным в деле приискания «верных» воинских частей, готовых выступить с оружием в руках против народных масс в защиту буржуазной власти, как за восемь месяцев до того, в аналогичном случае, Николай Романов. Но важнейшей и основной среди этих причин является

затянувшаяся война, требовавшая от солдат все новых и новых потоков крови, приносившая разорение и необеспеченность его хозяйству и семье в деревне.

О том, что означала война для солдата, дают понятие сухие цифры потерь русской армии за время войны. Из призванных под ружье 16 милл. человек (на 1 сентября 1917 г.— 15.798.000 чел.) было убито и умерло от ран (по данным ЦСУ, на 1 декабря 1917 г.) 643.614 чел., контужено и отравлено газами 2.754.202 ч., находилось в плену и пропало без вести 3.638.271 чел. Суточный расход продовольствия для армии составлял 900.000 пудов, а расход фуража — 2.000.000 пуд. Иными словами, 3—4 тыс. вагонов в день должно было подвозиться для продовольствования армии, и это — при необычайной разрухе транспорта. Сверх того, оставшимся на иждивении государства семьям призванных подлежало выдаче 36,6 милл. продовольственных пайков. Вместе с наличным составом армии это составляло 52 миллиона «ртов», иными словами, ровно треть всего населения страны (за исключением оккупированных областей) на иждивении государства, т. е. прежде всего «мужика», и это при том условии, что в лице призванных в армию деревня потеряла почти половину (47,4%) общего количества трудоспособного мужского населения.

Уже эти цифры определяют размеры бедствия, разразившегося над страной, а в первую голову — над солдатом и его семьей.

Классовое расслоение и классовые антагонизмы деревни были воспроизведены и в армии. На фронте солдатом командовал и внушал ему идею «войны до победного конца», — в случае надобности, с помощью розги, — тот самый барин, который в образе помещика и земского начальника стоял над ним и учил его «порядку» и в деревне. Но этот барин оказался не в состоянии накормить досыта как самого солдата, так и его семью. Солдат и его семья голодали уже до Февраля.

Барин явился инициатором и организатором войны. Он должен был организовать победу русской армии. Но ему удалось «организовать» только ее поражение. Он организовал это поражение своим неумелым командованием, неумелой заготовкой и неумелым снабжением армии оружием, снарядами,

продовольствием и одеждою, своим взяточничеством, воровством своих интендантов, своими червями в солдатском супе, своей «чечевицей» и тухлой солдатской рыбой, своим развратом, своими розгами и черносотенством.

Поражение, как и всегда, явилось учителем солдатской армии, а вместе с тем — и широких народных масс. Если германские пушки каждым своим снарядом «разбивали цепи русского деспотизма», то они вместе с тем разрушали и традиционную классовую систему, они разрушали самое основание социальной пирамиды. Естественно, что так называемое «разложение» армии, доходившее вплоть до отказа в выполнении боевых приказов, не говоря уже о продовольственных волнениях, началось уже до Февраля. Взамен «всеобщего стремления довести войну до победного конца» у солдата все больше и больше растет сознание необходимости «кончать войну». Социальные антагонизмы, которым суждено было впоследствии совершенно «разложить» армию, как и всю страну, поставить класс против класса, уже до Февраля явственно наметились, по крайней мере в тенденции, по линии: «барин»—за войну, «мужик»—за мир.

В этот процесс Февральский переворот внес изменение в том смысле, что «всенародное ликование» и «национальное об'единение» захватило и солдата армии. Громче всех раздававшиеся крики о необходимости продолжать войну для защиты «родины и свободы» от покушений германского кайзера находили себе гораздо лучший отклик в армии, чем в рабочих массах и могли сойти здесь за сознательное приятие целей войны солдатом. Бессознательное доверие масс к социалистам-оборонцам, к оборонческим советам, а через них — и к буржуазии и ее правительству, было всеобщим или почти всеобщим настроением солдатских масс в первые недели после революции.

Это настроение нашло себе яркое выражение в некоторых солдатских резолюциях и письмах с фронта в Петроградский Совет Р. и С. Д.: доверие к Совету, доверие к Временному Правительству, даже к Государственной Думе и верховному главнокомандующему (см. «Солдатские письма 1917 г.» С предисловием М. Н. Покровского). «Приветствуем новое Временное Правительство, всех рабочих, *офицерских* и солдатских делегатов и борцов за свободу»,—постановляет собрание совета солдатских

депутатов 617-го полка. — «Все мы, солдаты фронта, об'единившись в одном общем стремлении, всеми силами решили поддерживать народное правительство и решили созвать в полку офицерских и солдатских делегатов, которые должны улаживать трения между офицерами и солдатами... Приветствуем и присоединяемся к лозунгу верховного главнокомандующего «война до победы и все для победы» и присоединяемся к воззванию Совета Р. Д. гор. Петрограда к пролетариату всего мира».

Но даже и в этой резолюции, своим стилем выдающей составителя-интеллигента, уже слышатся тревожные нотки, которым суждено было внести отраву в столь трогательное единение. Резолюция заканчивалась требованиями: «Установить демократическую республику»,—а Временное Правительство в течение полугода боролось за то. чтобы и этот вопрос отложить до Учредительного Собрания; «Не вести завоевательной политики»,—а Милюков и милюковцы вели войну не только за «свои», но и за «чужие» завоевания; «Дать свободу всем народам, населяющим Россию»,—а Временное Правительство до самого своего бесславного конца не уставало бороться с освободительными стремлениями украинцев и финляндцев. Дальнейшее развитие этих солдатских настроений можно с большой наглядностью проследить по тем же солдатским письмам.

Если детище буржуазии, Временное Правительство, под постоянным напором революционных масс было вынуждено выказывать уважение к демократии и «свободе», то иначе вела себя буржуазия там, где этот напор ослабевал или вовсе отсутствовал. Иначе вел себя и «барин» на фронте, опираясь на столь мощное оружие, как воинская дисциплина. Первым движением командного состава было: по возможности «не признавать» слишком далеко зашедшего переворота, не допускать «возбуждающих» сообщений в армию или передавать их солдату в извращенном виде, сохранить в армии полностью порядки «старого режима», вплоть до ненавистного отдавания чести и вставания во фронт перед начальством. «Офицеры ниженазванного полка, начиная с прапорщика и кончая полковником... распространяют слухи, противоречащие даже действительности. Об'ясняют солдатам, что государь уехал как-будто на отдых, на время, и за него оставлен Михаил, и говорят,

что все будет по-старому... Мы, группа солдат, спешим сообщить вам... чтобы своевременно можно было прекратить эту пропаганду и провокаторскую работу нашего офицерства и приверженцев старой власти» («Солдатские письма», стр. 22). «...Дивизион после речи временного командующего дивизионом капитана Курочкина, в которой была высказана надежда на возвращение старой власти, так как, мол, нет еще 8 полков старой гвардии, и вот ее нужно подождать, что она скажет... дивизион был распущен» (там же, стр. 32). Как должна была подействовать «провокаторская работа» офицерства на солдат, об этом свидетельствуют сами солдаты: «Мы находимся на позиции, нам ежеминутно грозит смерть, мы готовы были итти на нее с великим удовольствием, но сейчас все пало, как приказы стали издаваться старого режима» (там же, стр. 28). «Насколько мы было обрадовались, настолько теперь заскучали, со временем будет все старое, как видно из теперешнего», — пишут солдаты по поводу настойчивого и бессмысленного требования офицерства об отдании чести.

«Провокаторская работа» офицерства могла при данных условиях действовать только в обратную сторону: она способствовала быстрому затуханию оборонческих настроений в армии. Решение воевать до победы сменяется требованием скорейшего заключения мира. Вместе с тем все настойчивее выдвигается крестьянской армией основное социальное требование крестьянства в период Февральской революции — требование отобрания земли у помещиков и передачи ее крестьянам. Требование помещичьей земли врывается тревожной диссонирующей нотой даже в оборонческие солдатские письма первых дней революции, предвещая смену настроений гражданского мира в армии настроениями гражданской войны: «Подай бог только победить нам внешнего врага, а потом мы возьмемся за внутренних, т. е. за «помещиков». Представьте, что для крестьянина-хлебопашца первое необходима некоторая часть земли для своего существования. Многие из нас ничего таковой не имеют. А потому просим вас: если возможно, то не замедляйте разработкой таковых планов, т. е. отобрания земли у помещиков» (там же, стр. 30, письмо от 7 марта). «У нас офицеры не очень рады этому скорому успеху. они тянут нас о чести,

что мы не даем. Просим вас об этом деле установить порядки и от помещиков отобрать землю» (стр. 34, письмо от марта).

Дальнейшая эволюция солдатских настроений заключается в том, что голоса, выражающие желание или согласие воевать, совершенно затихают. Напротив, требования мира и земли становятся все более настойчивыми и энергичными. «Прошу... довести это письмо к широкому ведению, и пусть ознакомится Временное Правительство в лице вояки г-на Милюкова, который хочет завоевать весь земной шар. Во-первых, кто будет завоевывать, — солдаты голодают, едят такие продукты, от которых может заболеть самая нетребовательная скотина, а не то что человек» (стр. 42). Просьбы к «господам товарищам депутатам» начинают сменяться угрозами: «У нас мысли такие, что уже в скором времени бросим все на свете и начнем громить тыл. Мы найдем и депутатов... Мы всех их возьмем на кончики штыка, да еще тех, кто во время какого-нибудь митинга кричит война до победы» (стр. 48). «Теперь надо скорый только мир, и вот будет успокоение солдат, и отобрать от помещиков землю, передать ее крестьянам» (стр. 106). «Старайтесь скорей заключить мир во что бы то ни стало» (стр. 131).

На почве неудовлетворения этих требований растет недоверие к Временному Правительству, в частности к Керенскому, а вместе с тем растет ненависть к буржуазии, растет доверие к партии большевиков. «В виду того, что Временное Правительство затягивает войну и оттягивает выборы в Учредительное Собрание, просим Совет Солдатских, Рабочих Депутатов сменить при первой возможности Временное Правительство, защищающее интересы буржуазного класса». «Представители от армии врут нахально, что полное доверие правительству, — нужно заглянуть в окопы, а потом и говорить, что полное доверие правительству». «Г. министр,—пишет солдат, обращаясь к Керенскому, — вы были социалисты, но сейчас идете, как капитал». «Временное Правительство и Керенский—изменники и губители свободы. Долой кадетов, долой революционеров и эс-эров. Да здравствуют товарищи большевики из партии социал-демократов» (стр. 70, 88, 109).

Этот процесс большевизации солдатской части армии в сильнейшей мере ускорялся, «активировался», во-первых,

правильной тактикой большевистской партии, ее общей тактической установкой на перерастание войны империалистической в войну гражданскую, во-вторых, огромной работой по политическому просвещению и организации масс, проделанной партией в армии. Уже с первых же дней революции оформляются и начинают развивать свою работу особые военные организации при наиболее сильных партийных комитетах большевиков—Петербургском и Московском. В дальнейшем создаются мощные военные большевистские организации в балтийском флоте, в Кронштадте, Гельсингфорсе, на Урале, в Донбассе, в промышленных городах Иваново-Вознесенске, Луганске и пр., наконец возникают и быстро растут большевистские ячейки в частях армии на фронте. С другой стороны, партия постепенно укрепляет свое влияние в солдатских советах, отвоевывая позиции у меньшевиков и эс-эров.

Огромное влияние на политическое воспитание солдата оказала также специальная массовая литература для солдат, выпускавшаяся партией. В Питере выходила газета «Солдатская Правда», на Северном фронте—«Окопная Правда», в огромном количестве распространялись среди солдат партийные листки, воззвания, брошюры. О количественных размерах этого потока свидетельствует тот факт, что из одной Москвы «по данным военного бюро при московском комитете большевиков, в мае и июне 1917 г. в действующую армию ежедневно отправлялось бесплатно до 3.000 газет и более 1.000 брошюр» (Р. Эйдеман и В. Меликов: «Армия в 1917 г.» Госиздат, 1927 г. Стр. 87). Солдатские письма в партийные организации переполнены просьбами о присылке большевистской литературы и показывают воочию, с какой жадностью и с каким возбуждением воспринимал солдат большевистское слово. Все больше и больше отходил солдат от идейного влияния мелкобуржуазного оборончества, все яснее становилось, что его политическим вождем в решающий момент явится партия большевиков, под знаменами которой он пойдет на классовую войну с буржуазией и помещиком. «Оппортунистические вожди II Интернационала своими словами и своими делами укрепляли подчинение армии руководству империалистических разбойников как немецкой, так англофранцузской группы... а пролетарские

революционеры все внимание направляли... на революционизирование армии, на использование ее против империалистских разбойников буржуазии, на превращение несправедливой и грабительской войны между двумя группами империалистских хищников в справедливую и законную войну пролетариев и угнетенных трудящихся масс каждой страны против «своей», «национальной» буржуазии. Предатели социализма *не подготовили* за 1914—1917 гг. использование армий против империалистических правительств *каждой* нации. Большевики подготовили это всей своей пропагандой, агитацией, нелегально-организационной работой с августа 1914 г... Мы *гордимся* тем, что исполнили свой долг, разлагая сильнейшего классового врага, отвоевывая *у него* вооружение массы рабочих и крестьян *для борьбы* против эксплоататоров» (Л., XVI, 445).

Большевизация солдатских масс под влиянием обостренных классовых противоречий внутри армии, под влиянием уроков революции и кровавой войны, под влиянием измены революции со стороны буржуазии и мелкобуржуазных партий, наконец под влиянием правильной политической линии и энергичной работы большевиков становилась все более явной по мере приближения к октябрю. Империалистическая война подходила вплотную к превращению в войну гражданскую.

Насколько созрел в армии к моменту Октябрьского переворота этот процесс, показали выборы в Учредительное Собрание (проведенные в половине ноября). В статье «Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата» Ленин приводит помещаемые ниже цифры поданных голосов в армии, заимствованные из брошюры Святицкого.

Большевики получили в армии почти столько же голосов, как и эс-эры, но эс-эровские списки об'единяли как правых эс-эров, воевавших в Октябре против большевиков, так и левых, шедших в общем вместе с большевиками. Таким образом к моменту переворота армия была наполовину большевистской.

Если взять цифры голосов по отдельным фронтам, то положение большевиков оказывается значительнее благоприятнее. А именно, политически важные фронты — Северный и Западный — дали большевикам 1.100.000 голосов против всего 420 тыс. поданных за эс-эров (правых и левых вместе). В этом

решающем пункте большевики получили две трети всех голосов. «Следовательно, в армии большевики... имели уже к ноябрю 1917 г. политический «ударный кулак», который обеспечивал им подавляющий перевес сил в решающем пункте в решающий момент. Ни о каком сопротивлении со стороны армии против Октябрьской революции пролетариата, против завоевания политической власти пролетариатом не могло быть и речи, когда на Северном и Западном фронтах у большевиков был гигантский перевес, а на остальных фронтах, удаленных от центра, большевики имели время и возможность отвоевать крестьян у эс-эровской партии» (Л. XVI, 446).

Части армии и флота.	Число поданных голосов (в тысячах)				
	За эс-эров.	За большевиков.	За кадетов.	За нац. и др. груп.	Всего.
Северный фронт	240,0	480,0	?	60,0	780,0
Западный „	180,5	653,4	16	125,2	976,0
Юго-зап. „	402,9	300,1	13,7	209,6	1,007,4
Румынский „	679,4	167,0	21,4	260,7	1,128,6
Кавказский „	360,0	60,0	?	—	420,0
Балтийский флот	—	(120,0)	—	—	(120,0)
Черноморск. „	22,2	10,8	—	19,5	52,5
Итого	1.885,1	1.671,3	51,8	756,0	4.364,5
		+ 120,0	+ ?		+ 120
		1.791,3			4.484,5

Глава седьмая

Городская мелкая буржуазия

Насколько о крестьянстве и его роли в Февральской революции до известной степени допустимо говорить, как о целом, настолько же это было бы совершенно ошибочно в отношении городской мелкой буржуазии. Последняя состояла из целого ряда

разнородных слоев, с различными, а частью и противоположными интересами.

Сюда надо отнести прежде всего городскую бедноту и вообще городское «простонародье» — ремесленников, мелких хозяйчиков, мелких торговцев, далее, обширный слой служащих, среди которых наиболее многочисленную группу составляли государственные служащие — чиновничество, наконец интеллигенцию. Если городская беднота по условиям жизни приближалась к пролетариату, то чиновничество и служащие находились не только в сильнейшей материальной зависимости от буржуазии, но и от нее же в значительной мере заимствовали свое политическое мировоззрение.

«Мелкая буржуазия в жизни зависит от буржуазии, живя сама по-хозяйски, а не по-пролетарски (в смысле *места* в общественном *производстве)*, и в образе мыслей она идет за буржуазией» (Л., XIV, 1, 42).

Что касается интеллигенции, то под влиянием развития капитализма и классовой борьбы она еще задолго до Февральской революции подверглась расслоению, и потому нельзя говорить о ней как о целом. Часть ее вошла в партии пролетариата или буржуазии, другая совпадала с категорией чиновничества или торгово-промышленных служащих, наконец третьи составили главные кадры партий мелкобуржуазного социализма.

Все сказанное о каждой из этих социальных группировок, относится и к соответствующим частям интеллигенции, и потому говорить в отдельности об этой последней нет надобности.

Городское мещанство и наемные служащие в гораздо меньшей степени страдали от войны, чем крестьянские и рабочие массы; а некоторые их категории выигрывали от войны, пристраиваясь в многочисленных учреждениях, работавших на оборону, организуя мелкие мастерские для выполнения военных заказов или занимаясь спекуляцией. Вот почему оборонческие партии мелкобуржуазной демократии собрали среди этих слоев после революции богатый урожай новообращенных. При этом совершенно исключительный успех выпал на долю типичнейшей из мелкобуржуазных партий — партии эс-эров. Едва ли не вся масса городского мелкобуржуазного населения превратилась после февраля в партийных эс-эров или

«сочувствующих». За эс-эрами же и меньшевиками шли в начале революции, как мы видели, и значительные, даже преобладающие массы пролетариата и солдат, захваченные «добросовестно-оборонческими» настроениями. Таким образом меньшевики и в особенности эс-эры достигли в первые месяцы революции крупных успехов в смысле привлечения на свою сторону симпатий городского населения. Показателем этого могут служить цифры первых выборов в демократические городские думы на основании изданного Временным Правительством закона, установившего всеобщее избирательное право и пропорциональные выборы. В многочисленных городах и между прочим в обеих столицах эс-эры вместе с примыкавшими к ним ублюдочными группами трудовиков и народных социалистов явились сильнейшей из всех партий, а в Московской городской думе они составили абсолютное большинство. Так, выборы в конце мая в петроградские районные думы и в Московскую центральную думу 25 июня дали следующие результаты:

Партии	Выборы в Петрограде	Выборы в Москве
Большевики	37	23
Меньшевики	40	24
„Единство“	5	—
Эс-эры	54	116
Народн. социалисты и трудовики	17	3
Кадеты	47	34
Всего	200	200

Однакоже война и порожденная ею хозяйственная разруха, далее, обостренная классовая борьба, наконец широкая политическая агитация враждующих партий, — все это способствовало отходу пролетариата от позиций «добросовестного оборончества», разочарованию в меньшевиках и эс-эрах и переходу на сторону большевиков.

А вслед за пролетариатом шли и солдатские массы городских гарнизонов. С другой стороны, те же факторы приводили к чрезвычайно быстрому самоопределению и расслоению разнородных групп меньшевистско-эс-эровских избирателей.

Городская беднота ничего не выигрывала от войны, напротив, она в первую очередь испытывала на себе бедствия порождаемых войной голода и бестоварья. Поэтому пролетарский лозунг мира постепенно передвигал политические симпатии этой группы в сторону большевистской партии. С другой стороны, хозяйчикам, мелким спекулянтам, служащим и чиновничеству, особенно их высшим категориям, растущая сила большевизма внушала страх, ибо от победы большевиков они могли ожидать лишь беспощадной борьбы со спекуляцией, удара в сердце капитализму, ломки старого государственного аппарата. Эти элементы мелкой буржуазии жаждали «сильной власти» и требовали от правительства энергичной борьбы с «анархией». «Полумеры» Временного Правительства их не удовлетворили, и из мартовских эс-эров они постепенно превращались в августовско-сентябрьских кадетов.

Именно этим элементам обязаны кадеты своими крупными успехами на выборах в городские думы в последние месяцы перед октябрем, как и на ноябрьских выборах в Учредительное Собрание (на этих последних выборах, конечно, кадетам отдали голоса, помимо правого крыла городской мелкой буржуазии, также торговое и промышленное купечество деревни).

Особенно показательны в этом отношении выборы в Москве в районные городские думы, состоявшиеся 24 сентября через месяц после корниловщины, когда рассортировка мешанины эс-эровской партии подвинулась уже достаточно далеко вперед.

Картина этих выборов и сравнение их с выборами в центральную думу, состоявшимися за три месяца до того, представлены в нижеследующей таблице [33].

Название партий	Выборы 25 июня.	Выборы 24 сентября.
Подано голосов всего	646.568 = 100%	385.847 = 100%
Из них:		
Кадеты	108.781 = 16,85%	101.106 = 26,2%
Эс-эры	374.885 = 57,98%	54.374 = 14%
Меньшевики	76.407 = 11,82%	15.887 = 4%
Большевики	75.409 = 11,66%	198.320 = 51,3%

В этой таблице все цифры характерны и поучительны, начиная с общего числа поданных голосов. Последнее на сентябрьских выборах, по сравнению с июньскими, сократилось с 646 тыс. до 385 тыс., ровно на 40%: огромная масса городской мелкой буржуазии «правого крыла» попросту растерялась и, перепуганная стихийным развитием событий, «разочаровалась» в политике, повернулась к ней спиной и тем самым «вышла из боя». В наибольшей степени этот процесс «дезертирства» захватил, как и следовало ожидать, наиболее «чистую» из мелкобуржуазных партий — эс-эров: количество поданных за них голосов упало за три месяца поистине катастрофически: с 375 до 54 тыс., т. е. *в семь раз;* сократилось в *пять раз,* с 76 до 16 тысяч, и количество голосов, поданных за идеологов мелкобуржуазного понимания революции — меньшевиков. Обе эти партии, в июне собравшие около 70%, свыше двух третей всех поданных голосов, теперь не собрали и пятой части (18%).

Однако не в абсентеизме (неучастии в выборах) избирателей заключается главный политический смысл этих выборов. Он заключается в решительном переломе в настроении революционных масс, который обнаружили эти выборы и который обнаружился в огромном усилении партии большевиков. Последняя собрала теперь 198 тыс. голосов вместо 75 тыс., поданных за нее на выборах 25 июня; таким образом она выросла больше чем в 2½ раза, несмотря на общее сокращение поданных голосов почти вдвое. Решающую роль в этом усилении большевистской партии сыграл, конечно, переход на ее сторону «добросовестно-оборонческих» масс пролетариата и солдат. Но в огромной степени способствовало ему и расслоение городской мелкобуржуазной массы, отрыв городской бедноты от эс-эровщины и переход ее под руководство пролетариата. В результате партия большевиков стала представительницей воли более чем половины всех голосовавших избирателей, она приобрела абсолютное большинство в думах, избранных на основании «самой демократической» избирательной формулы.

Тогда как одна часть мелкобуржуазных избирателей пополнила ряды большевистской партии, другая ушла к кадетам. И кадетскую партию затронул процесс «абсентеизма»

(отсутствия на выборах), вследствие чего общее количество поданных за нее голосов несколько сократилось. Правда, в противоположность мелкой буржуазии, кадеты не ушли от политики: они отвернулись лишь от *демократической* политики, от выборов по «самой демократической» системе; с их стороны отсутствие на выборах было уже не абсентеизмом, а бойкотом: об этом говорит то удовлетворение, с каким буржуазные газеты отмечали резкое понижение «общественного интереса» к выборам.

Кадеты частью отвернулись от «демократических» «всенародных» выборов для того, чтобы пополнить легальные и нелегальные политические организации буржуазии. Зато ряды кадетских избирателей пополнились представителями мелкой буржуазии, сохранившими интерес к политике и приобревшими вражду к революции, — бывшими «мартовскими» эс-эрами и меньшевиками. В результате этих передвижек кадры кадетской партии, правда, несколько уменьшились абсолютно, — с 108 до 101 тыс. голосов, — но при общем резком падении числа голосовавших избирателей кадетская партия значительно усилилась относительно, получив вместо 17, 26 процентов всех поданных голосов и заняв второе место по численности вслед за большевиками.

Этими сдвигами политических сил буржуазная февральская революция и представлявшее ее коалиционное Временное Правительство могли учитывать только свои потери и поражения. Большинство избирателей пошло за открытым врагом коалиции и буржуазной революции — большевиками; четверть избирателей отдала свои симпатии и голоса «друзьям-врагам» Временного Правительства — кадетам, готовым раздавить его с помощью первого же генерала на белом коне, который оказался бы удачливее Корнилова. А из числа жалких 18% избирателей, пошедших за эс-эрами и меньшевиками и по названию составлявших опору Временного Правительства, часть представляла левых эс-эров — союзников большевиков, а другая часть отказывалась от принципа коалиции.

Накануне Октября, когда оно должно было спешно мобилизовать все свои силы, Временное Правительство оказывалось почти висящим в воздухе.

Глава восьмая

Мелкобуржуазная демократия накануне Октября

Борьба двух основных сил—пролетариата и буржуазии—это лишь алгебраическая формула Февральской революции: она определяла собой общий ход, общее направление развития буржуазной Февральской революции. То, что наполняло конкретным содержанием это развитие на каждом его этапе, то, что составляло его историческое своеобразие и неповторяемость, наконец то, что определило конечную победу одной из этих двух основных сил,—это был сложный переплет мелкобуржуазных течений, сыгравших огромную роль в нашей мелкобуржуазной стране.

Эти мелкобуржуазные течения и нашли себе политических выразителей в лице мелкобуржуазных партий, охватываемых почти целиком партиями эс-эров и меньшевиков. Именно эти партии выдвинулись, если можно так выразиться, на первый план истории в период Февральской революции.

Начав с политики «давления» на буржуазное Временное Правительство и половинчатого доверия к нему («поскольку—постольку»), меньшевики и эс-эры вскоре (с мая) перешли к коалиции с буржуазией, к участию вместе с нею во Временном Правительстве. Эту коалиционную власть они не только возглавили после июльских дней своим типическим представителем, кровным сыном мелкобуржуазной демократии Керенским, они фактически играли в ней решающую роль то активной ее поддержкой, то пассивным принятием ее политики. Вот почему «ответственность» перед буржуазией за ход и исход буржуазной Февральской революции падает прежде всего на мелкобуржуазную демократию, на ее «старшего» члена — меньшевиков, и «младшего» — эс-эров.

В первой части этой книги мы уже старались шаг за шагом проследить роль этих партий в переломные моменты Февральской революции. Чтобы понять их роль и значение в Октябрьской революции, необходимо еще остановиться более подробно на судьбах этих партий в предоктябрьский период, который

начинается с поражения Корнилова, т. е. начала сентября. Решающим вопросом революции является вопрос о власти. Вопрос о власти явился также решающим и для судеб мелкобуржуазной демократии в предоктябрьский период революции. После поражения Корнилова, т. е. после поражения активнейшей политической и военной силы буржуазии, вопрос о власти мог стоять только так: либо восстановление — руками советских социалистов — власти буржуазии в форме новой коалиции, либо власть советов с перспективой социалистической революции.

Мелкобуржуазная демократия, которая с самого февраля играла роль необходимейшего фактора, защищавшего буржуазную революцию от социалистической, делала отчаянные усилия, чтобы как-нибудь преодолеть трудности, чтобы не пойти на разрыв с массами и в то же время сохранить союз с буржуазией. Ей удалось в конце концов кое-как состряпать третью (и последнюю) коалицию; однако во время этой стряпни сама «демократия» распалась на ряд разнородных и частью враждебных группировок, и новая коалиция оказалась лишенной не только какой бы то ни было поддержки со стороны масс, но и безразличной или ненавистной для значительной части самой «демократии».

Вопрос об организации новой власти возник уже в самом начале корниловского выступления: немедленно же по получении известия о нем, в ночь на 27 августа, все министры вручили Керенскому прошения об отставке и передали ему свои полномочия, чтобы обеспечить ему свободу действий. Керенский решил взамен прежнего правительства создать послушную ему директорию из 5 членов. В то же время он вступил в переговоры с московскими кадетами и промышленниками, приглашая их вступить в состав правительства.

Однако даже меньшевистско-эс-эровский ЦИК не мог примириться с таким решением, которое узаконяло самовластие Керенского и развязывало ему руки для каких угодно коалиций. Между тем, уже за несколько дней до образования упомянутой директории на заседании ЦИК обнаружилось, что большинство его стоит теперь против коалиции с кадетами и что в нем появилось весьма сильное течение против коалиции

с буржуазными элементами вообще. При этом весь ЦИК целиком выдвинул требование создать особый демократический орган, перед которым правительство было бы ответственно и который действовал бы впредь до созыва Учредительного Собрания. Это требование отвергали только большевики, снова выдвинувшие лозунг власти советов.

Тем временем 31 августа, как мы видели, в Петроградском Совете была впервые принята резолюция, предложенная большевиками. Резолюция эта требовала отстранения от власти не только кадет, но и вообще цензовых элементов (т. е. буржуазии) и создания власти из представителей революционного пролетариата и крестьянства.

Резолюция эта на минуту оказала решающее влияние на поведение мелкобуржуазной демократии. Поставленные перед угрозой открытой борьбы со столичным пролетариатом, ее вожди ультимативно потребовали от Керенского удаления кадетов из правительства, а ЦК эс-эров пригрозил отозвать членов партии из правительства, если кадеты не будут удалены.

Однако Керенский, связавший свою судьбу с коалицией и с кадетами, стоял на своем и в свою очередь пригрозил своим уходом. При таких условиях ЦИК, продолжавший открещиваться от единственного разумного выхода — провозглашения власти советов—зашел в тупик. Неизменный сторонник коалиции Церетели подсказал ему решение, которое состояло в отказе от всякого решения. В ночь на 2 сентября ЦИК принял резолюцию о созыве на 12 сентября в Петрограде с'езда «всей организованной демократии и демократических органов местного самоуправления», который и должен был решить вопрос об организации власти. Таким образом ЦИК сложил с себя эту трудную задачу. В тот же день Керенский сформировал желательную для него директорию в составе самого Керенского и четырех министров: иностранных дел — «беспартийного» сахарозаводчика и миллионера Терещенко, внутренних дел — меньшевика Никитина, военного — Верховского, и морского — Вердеревского.

В опубликованной программе «директория» заявила, что она «главной своей задачей считает восстановление государственного порядка и боеспособности армии» и «будет стремиться

к расширению своего состава путем привлечения в свои ряды всех тех элементов, кто вечные и общие интересы родины ставит выше временных и частных интересов отдельных партий или классов». «Демократии» теперь оставалось лишь проглотить пилюлю в ожидании открытия Демократического Совещания.

12 сентября, за два дня до открытия Демократического Совещания, ЦИК снова собрался с целью обсудить решения, которые следовало предложить этому Совещанию. На этом заседании наиболее решительный сторонник коалиции из всех вождей мелкобуржуазной демократии Церетели сделал следующие характерные предложения: «В основу будущей деятельности мы должны положить демократическую платформу, оглашенную на Московском Совещании (т. е. «платформу 14 августа», против которой решительно возражали кадеты. *С. А.*) Демократическое Совещание должно выделить из своей среды орган, который будет функционировать вплоть до созыва Учредительного Собрания. Власть должна быть ответственна перед этим органом и сохранять неразрывную связь со всей демократией. В состав этого органа следует привлечь все те элементы, которые примут наши условия организации власти. *В противном случае надлежит создать исключительно демократическое правительство*». Мы увидим ниже, как этот вождь (а за ним и все правое крыло «революционной демократии») изменил всем без исключения условиям, которые сам же он считал обязательными для коалиции. На этом заседании ЦИК принял, хотя и незначительным большинством (119 голосов против 101) принцип коалиции, но по предложению части меньшевистской фракции отверг коалицию с кадетами, хотя без этой крупнейшей и сильнейшей из всех буржуазных партий коалиция теряла всякий смысл.

Таким образом на Демократическом Совещании мелкобуржуазная демократия явилась в состоянии полной разноголосицы. Одна ее часть стояла за коалицию без ограничения, другая — за коалицию без кадетов, третья—за однородное социалистическое правительство, а внутри этих основных групп тоже не было единства мнений по вопросу о правительственной программе и о том, должно ли быть правительство ответственным или нет и если да, то перед каким органом.

На Демократическом Совещании голосование по вопросу о коалиции происходило 19 сентября, при чем коалиция была принята незначительным большинством 766 голосов против 688 при 38 воздержавшихся. Необходимо отметить, что против коалиции оказались не только фракции Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, профсоюзов и национальных органов, но даже фракция земств, а во фракции Советов Крестьянских Депутатов при 102 голосах сторонников коалиции оказалось 70 против и 12 воздержавшихся. *

Вслед за принципиальным принятием коалиции Совещанием была принята поправка, исключавшая из коалиции кадетов, т. е. практически делавшая коалицию бесполезной и неосуществимой. Вслед за этими голосованиями была поставлена на голосование вся формула вместе с поправкой, т. е. коалиция без кадетов, и была отвергнута огромным большинством 813 голосов против 183 при 80 воздержавшихся.

Таким образом оказалось, что Совещание, на которое собрался цвет «революционной демократии», не в состоянии разрешить основной вопрос, вопрос о характере и организации власти. Это признал и президиум Совещания, выступивший после перерыва со следующим заявлением: «Президиум, обсудив создавшееся положение, единогласно признал, что среди организованной демократии нет единства воли, которая могла бы быть претворена в жизнь».

При таких обстоятельствах Церетели предложил следующий выход: Совещание поручает президиуму, пополненному представителями фракций и центральных комитетов партий, найти «формулу, в которой могла бы быть выявлена единая

---

* Говоря об этом голосовании в статье „Удержат ли большевики государственную власть", Ленин тут же приводил сведения из газет о состоявшемся 18 сентября совещании местных советов крестьянских депутатов.

„На этом совещании за неограниченную коалицию высказались исполнительные комитеты 4 крестьянских советов (Костромской, Московской, Самарской и Таврической губерний). За коалицию без кадетов высказались исполнительные комитеты трех губерний и двух армий (Владимирской, Рязанской и Черноморской губ.) Против коалиции высказались исполнительные комитеты двадцати трех губерний и четырех армий.

Итак, большинство крестьян против коалиции". (Л. XIV, 2, 224.)

воля демократии». Совещанию, зашедшему в тупик, ничего не оставалось, как передоверить решение вопроса, порученного ему ЦИК'ом, вновь изобретенной Церетели коллегии.

Заседание расширенного президиума состоялось на следующий день, 20 сентября; после бесконечных прений был поставлен на голосование вопрос о власти, при чем за коалицию было подано всего 50 голосов, а 60 — за однородное социалистическое правительство. Однако собрание испугалось результатов своего собственного голосования и пошло вслед за Церетели, отыскавшим еще один выход для спасения коалиции. Церетели заявил, что так как голоса опять разделились, то президиум не исполнил порученной ему задачи, однородное же правительство невозможно образовать при сопротивлении половины участников Совещания. Поэтому Церетели предложил снять с обсуждения вопрос о коалиции и поручить сформирование правительства выбранному Демократическим Совещанием «предпарламенту». Собрание согласилось в конце концов с предложением Церетели, но признало при этом необходимыми ответственность будущего правительства перед предпарламентом и обязательность для него программы 14 августа. В тот же день соответствующая резолюция была принята и Демократическим Совещанием.

22 августа Демократическое Совещание закрылось, выбрав из своей среды «Демократический Совет» и предоставив Временному Правительству пополнить его буржуазными элементами. Однако вовсе не Демократический Совет взялся за сформирование правительства. Еще не успели в среде «революционной демократии» затихнуть споры о коалиции, как Керенский пригласил к себе намеченных им самим в министры московских кадетов и промышленников, а также представителей ЦК кадетской партии для совещания о составе будущего правительства. На это же совещание получила приглашение и кучка наиболее именитых меньшевистско-эс-эровских вождей революционной демократии во главе с Церетели.

Совещания «демократии» с кадетами состоялись 22 и 23 августа. Однако намеченные в министры кадеты, и промышленники решительно отказались признать и ответственность будущего правительства перед предпарламентом

и программу 14 августа. По вопросу об ответственности «демократические» вожди сначала согласились удовлетвориться хотя бы не «формальной» ответственностью, а только «фактической». Но кадеты и на это не согласились, и «демократам» пришлось выкинуть «ответственность», удовлетворившись для будущего предпарламента лишь правом «вопросов». Что касается до платформы 14 августа, то демократическим вождям пришлось удовлетвориться согласием кадетов принять, хоть в искаженном виде и с многочисленными оговорками, некоторые ее пункты, однако без упоминания о самой программе. По ироническому замечанию Милюкова, теперь «возможность окончательного соглашения таким образом стала очевидной в виду готовности представителей Демократического Совещания отказаться от всех своих принципиальных решений» [34]. На самом деле такое соглашение означало со стороны меньшевистско-эс-эровских «демократов» полное отступничество от тех самых пунктов, которые всего за несколько дней до того были торжественно провозглашены изворотливым Церетели, как необходимые условия коалиции, и при невыполнении которых он грозил буржуазии «создать исключительно демократическое правительство» *.

Оставалось лишь провести достигнутое соглашение в собрании марионеток, послушных воле вождей — так называемом «Демократическом Совете». Однако самим вождям соглашение представлялось настолько чудовищным, что для одобрения его даже таким собранием требовался новый обман, и резолюция Дана, одобрявшая соглашение, в то же время признавала необходимой формальную ответственность правительства перед предпарламентом. За резолюцию в таком виде было подано 109 голосов, против — 84, воздержалось 22, иными словами, почти половина собрания оказалась противниками соглашения или воздержавшимися.

Однако торжествовавшие свою победу кадеты не хотели оставить «демократии» даже такого самоутешения, как «ответственность» в жалкой резолюции жалкого собрания. На заседании так называемых «представителей революционной демо-

---

* См. стр. 102—103 настоящей книги.

кратии и цензовых элементов» 24 сентября они заявили, что принятая Демократическим Советом резолюция противоречит достигнутому соглашению и аннулирует его. Изолгавшимся вождям не оставалось ничего иного, как еще раз распластаться перед кадетами. Устами Церетели «демократия» заявила, что резолюция означает лишь то, что предпарламент оставляет за собой права добиваться в будущем ответственности перед ним правительства, притом, конечно, исключительно путем парламентской борьбы.

Теперь уже последние «трудности» были преодолены, и 26 сентября новое правительство было окончательно сформировано. В принятой накануне в Петроградском Совете резолюции было сказано, что новое правительство «войдет в историю, как правительство гражданской войны». Оно оказалось вместе с тем и последним в истории России буржуазным правительством.

Описанная борьба внутри мелкобуржуазной демократии за и против коалиции — последней коалиции в истории Февральской революции — сыграла свою роль в качестве одной из предпосылок Октябрьской революции. Эта борьба показала, что глубокий сдвиг произошел в самих массах мелкобуржуазной демократии, в партийных меньшевистско-эс-эровских массах.

А эти массы все еще составляли большинство в ЦИК'е, почти во всех местных советах рабочих и солдатских депутатов, в центральном и местном советах крестьянских депутатов. Еще недавно эти партийные массы послушно шли на поводу у своих вождей, нога в ногу с властвующей буржуазией. Теперь же эти вожди были вынуждены прибегать к ряду постыдных обманов и самоунижений, чтобы сохранить какой угодно ценой союз с буржуазией, чтобы не дать своим массам уйти из-под ярма этого союза.

И все же, как показала описанная борьба, большинство не только мелкой буржуазии, но и мелкобуржуазной демократии, большинство партийной массы меньшевиков и эсэров оказалось уже в сентябре против этого союза, оно оказалось на стороне «*пролетарского* лозунга (курсив наш. *С. А.*) *против* коалиции с буржуазией» (Л. XIV, 2, 223), а следовательно, *против своих собственных вождей.* Таким образом вместо «изоляции пролетариата», о которой они не уставали

кричать, эти вожди сами оказались изолированными от пролетариата, от революции, наконец от «своих собственных» масс.

Далее, эта борьба вокруг коалиции не оставила цельными и сплоченными и те массы, которые еще сохраняли верность вождям; напротив, она разбила их на ряды борющихся между собою групп и кружков, из которых одни искали для союза только «демократическую буржуазию», другие были готовы на всякую буржуазию, только без кадетов, третьи добивались какой угодно ценой как-раз союза с кадетами. Как-раз накануне Октября, когда для всех его врагов так важно было сохранить внутреннее единство и сплоченность, эта борьба внесла в их среду распад и разложение. Притом она придала небывалое значение и усилила как-раз левые, «полубольшевистские» или, по выражению Ленина, «четверть-большевистские» крылья обеих главных партий мелкобуржуазной демократии—левых эс-эров и интернационалистов мартовского и «новожизненского» толка среди меньшевиков. В частности левых эс-эров она толкнула к прямому союзу с большевиками в борьбе за власть против буржуазии и оборонцев.

Наконец в глазах широких и широчайших масс рабочих, крестьян и солдат борьба вокруг коалиции и постоянная торговля эс-эров и меньшевиков с кадетами лишний раз разоблачила мелкобуржуазные партии и их вождей, как партии открытых прислужников капитала, партии, готовые ради союза с буржуазией отказаться от всех своих принципов и гарантий. Она сняла пелену с глаз у новых слоев пролетариата, до того сохранявших верность своим меньшевистским или эс-эровским вождям. Она непосредственно перед решительной схваткой укрепила ряды борцов Октября и разложила силы его врагов.

Глава девятая

Путь большевистской партии от Февраля к Октябрю

Одной из существеннейших «предпосылок» Октябрьской революции явилась сама большевистская партия. Ее огромная роль и значение в этой революции не могут итти ни в какое

сравнение с ролью любой иной партии в истории предшествующих революций. К этой роли партия оказалась вполне подготовленной своей собственной политической историей с Февраля по Октябрь.

В течение восьми месяцев напряженной политической борьбы, во-вторых, определилась и упрочилась политическая линия партии, как *ленинская* политическая линия; во-вторых, партия завоевала огромное политическое влияние на революционные массы пролетариата, армии и крестьянства и в значительной мере закрепила его организационно; в связи с этим она и сама выросла в огромную массовую силу, вовлекши в свои ряды к Октябрю до 300.000 членов; наконец, в третьих, партия создала крепкую и гибкую организацию для руководства восстанием.

Блестящие успехи партии, достигнутые в течение столь короткого периода, тем изумительнее, что в момент февральского переворота широкие революционные массы стояли еще вне ее политического влияния и даже в рабочем классе влияние и политическое руководство успешно оспаривалось у большевиков мелкобуржуазными партиями меньшевиков и эс-эров, а сама большевистская партия еще включала в свою среду некоторые колеблющиеся элементы, политически родственные меньшевизму.

К моменту Февральской революции ЦК партии, во главе с Лениным, находился в Женеве, и сношения его с партийными организациями в России были до крайности затруднены войной. Думская фракция большевиков была по приговору суда сослана в Сибирь на поселение. В ссылке находилась и значительная часть виднейших работников партии. Легальная большевистская печать была разгромлена и уничтожена. Старые связи с пролетарскими массами были расстроены и подорваны не только полицейскими репрессиями, но и мобилизациями, милитаризацией промышленности, наплывом в рабочую среду случайного элемента, частью и заражением масс оборонческой психологией. Наконец в рядах партии еще находились некоторые элементы, отступавшие от большевистской линии даже по такому основному политическому вопросу, как вопрос о войне. Мы говорим о принадлежавших к партии «революционных оборонцах», т. е. скрытых меньшевиках,

отстаивавших союз пролетариата с отечественной буржуазией в «общенациональных» интересах.

Вообще в необычайно сложной обстановке, созданной переворотом столь огромного политического и социального значения, как низвержение векового самодержавия, большинство партии не было в состоянии сразу правильно разобраться, сразу найти правильную политическую линию и, в частности, не смогло сразу резко отмежеваться от революционного оборончества служившего проводником буржуазного влияния на рабочие массы.

Уже в первые дни Февральской революции, а именно с 5 марта начала выходить в Петрограде «Правда»—центральный орган партии. И в этом органе в течение первых недель его издания находили себе отражения идейные колебания в некоторой части партии и отступления ее от строго выдержанной линии революционного марксизма, которую защищал Ленин, находившийся тогда в эмиграции. Одним из существенных извращений этой линии представляло отношение центрального органа партии к буржуазному Временному Правительству.

К этому правительству «Правда» пред'являла требование отказаться от империалистических целей войны и добиваться заключения демократического мира; между тем, выполнить такое требование для Временного Правительства означало бы отказаться от своей буржуазной природы. Более того, пред'являть перед лицом масс такое требование к буржуазному правительству означало сеять среди этих масс мелкобуржуазные иллюзии, заставлять их думать, будто это правительство способно выполнить данное требование.

Выражением еще более неправильного отношения к буржуазному Временному Правительству, «полудоверия» к нему, заразившего некоторую часть партийных верхов, была, например, резолюция Петербургского комитета партии, принятая в первые же дни революции (3 марта) и гласившая: «ПК РСДРП (б)... заявляет, что не противодействует власти Временного Правительства постольку, поскольку действия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа, и об'являет о своем решении вести самую беспощадную борьбу против всяких попыток Временного Правительства восстановить в какой бы то ни было форме

монархический образ правления» («Пролетарская Революция», 1927 г., № 2—3, (61—62), стр. 329).

По вопросу же о войне тов. Каменев в одной из руководящих статей «Правды» писал:

«Когда армия стоит перед армией, самой нелепой политикой была бы та, которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам. Эта политика была бы не политикой мира, а политикой рабства, которую с негодованием отверг бы свободный народ. Нет, он будет стойко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей и на снаряд — снарядом. Это непреложено» [35].

Отсутствие строгой размежеванности партии с меньшевистско-эс-эровской демократией нашло себе выражение в тактике большевистской фракции на Всероссийском Совещании Советов, начавшемся в конце марта и закончившемся 2 апреля, накануне приезда Ленина [36].

Важнейшими вопросами, стоявшими перед этим Совещанием, были вопросы об отношении к Временному Правительству и о войне.

По первому вопросу резолюция была принята Совещанием *единогласно*, т. е. и голосами большевиков, которые сняли свою резолюцию после того, как им удалось добиться включения в общую резолюцию пункта о советах. А между тем в этой единогласно принятой резолюции Совещание признало, что опубликованная Временным Правительством программа «содержит основные политические требования российской демократии и что до сих пор Временное Правительство в общем и целом идет по пути выполнения принятых на себя обязательств» (п. 2-й), а в пункте 5-м резолюции заключается формула поддержки Временного Правительства «постольку - поскольку». Пункт этот гласил: «Совещание призывает демократию, не принимая на себя ответственности за всю деятельность правительства в целом, оказывать поддержку Временному Правительству, поскольку оно будет неуклонно итти в направлении к упорядочению и расширению завоеваний революции и поскольку свою внешнюю политику оно строит на почве отказа от захватных стремлений» [37]. Как видим, резолюция эта в корне противоречила п. 3-му апрельских тезисов Ленина: «Никакой

поддержки Временному Правительству, раз'яснение полной лживости его обещаний».

По вопросу о войне на Совещании, правда, не было достигнуто единогласия. Зато обсуждение этого вопроса выявило не только отсутствие единства в рядах большевиков, но и опасный упадок партийной дисциплины. А именно, хотя официальной резолюции Исполкома была противопоставлена отдельная резолюция большевиков, внесенная тов. Каменевым, однако нашлась целая группа большевиков, делегатов от 13 городов, которая признала, что «принцип интернационала, лозунги международного пролетариата оглашены в воззвании 14 марта * и в том, которое ныне предполагается», а потому заявила, что «группа будет голосовать за резолюцию Исполкома» [38].

Наконец и в отношении обсуждавшегося на Совещании аграрного вопроса партия не нашла правильной линии, и соглашательской тактике мелкобуржуазной демократии, отодвигавшей конфискацию помещичьих земель до Учредительного Собрания, на Совещании не было противопоставлено большевистское требование немедленной конфискации.

Следует еще особо отметить, что хотя партия и призывала массы сплотиться вокруг советов, но до приезда Ленина она не провозгласила лозунга «вся власть советам», которому предстояло сыграть такую огромную роль в истории нашей революции.

Надо указать еще и на то, что после февраля в целом ряде городов возникли об'единенные организации большевиков и меньшевиков, кое-где существовавшие вплоть до Октября.

Этим колебаниям и искривлениям политической линии был положен конец приездом Ленина 3 апреля. На следующий же день, 4 апреля, Лениным были сделаны доклады на нескольких партийных собраниях [39]. В них Ленин огласил и раз'яснил свои знаменитые «апрельские тезисы», в которых с изумительной прозорливостью наметил основы тактики партии на весь февральский период революции: полный разрыв с буржуазией и буржуазным Временным Правительством. («Никакой поддержки Временному Правительству, раз'яснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно

---

* Речь идет о знаменитом воззвании оборонческого Петроградского Совета „К народам всего мира“.

отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии, «требования», чтобы *это* правительство, правительство капиталистов, *перестало* быть империалистским»» (Л. XIV, 1, 18); признание, что война осталась империалистической, грабительской и после того, как ее стало вести Временное Правительство; поэтому—ни малейших уступок революционному оборончеству; признание советов единственно возможной формой революционного правительства; конфискация всех помещичьих земель; меры к довершению буржуазной революции и переход к контролю со стороны советов над производством и распределением продуктов; пересмотр партийной программы и «инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против *социал-шовинистов* и против «центра».

Впечатление, произведенное этими тезисами как на самих большевиков, так и на всех их врагов, начиная от кадет и кончая меньшевиками, было потрясающим. Невозможно указать ни одного другого документа, который в столь немногих кратких и скупых положениях давал бы столь беспримерный по своей глубине марксистский анализ революции и намечал бы со столь беспощадной последовательностью программу и тактику пролетарской партии в этой революции. Поэтому апрельские тезисы Ленина навсегда останутся документом величайшего исторического значения. Тезисы эти не только проводят резкую разграничительную черту между партией пролетариата и всеми оборонческими течениями, но являются также и важнейшим рубежом в истории самой большевистской партии. Они положили конец неясностям и колебаниям в тактике партии в период буржуазной революции. Они дали партии правильную классовую линию и помогли ей вырасти с невиданной быстротой в общепризнанного вождя широчайших революционных масс пролетариата и крестьянства.

Правда, «тезисы» не сразу завоевали себе всеобщее признание даже в партийных рядах большевиков. В среде большевиков оформилась группа во главе с Каменевым, пытавшаяся противопоставить Ленину иную тактику. Спустя несколько дней после доклада Ленина тов. Каменев поместил в «Правде» статью «Наши разногласия», в которой заявил, что общая схема Ленина «представляется нам неприемлемой,

поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую. Тактика, вытекающая из подобной оценки, глубоко расходится с той тактикой, которую защищали представители «Правды» на Всероссийском с'езде как против официальных вождей Совета, так и тащивших с'езд направо меньшевиков» [40].

Однако огромное большинство партии пошло, как и в последующие критические моменты истории революции, за своим вождем. Внутри партии победила линия Ленина, классовая пролетарская линия.

Победа ленинской линии была закреплена на апрельской Всероссийской партийной конференции, состоявшейся через 3 недели после приезда Ленина (24—29 апреля) [41]. На этой конференции участвовал 151 делегат, представлявший 79 тыс. организованных членов партии. Оппозиция против ленинской линии, нашедшая себе выражение в выступлениях тов. Каменева и др., пыталась на конференции померяться силами с Лениным, однакоже потерпела жестокое поражение, и ленинские резолюции по основным вопросам революции — о войне, об отношении к Временному Правительству, по аграрному вопросу, о советах — были приняты почти единогласно.

В частности по вопросу о войне принятая конференцией резолюция гласила, что «современная война со стороны обеих групп воюющих держав есть война империалистическая» и что «переход государственной власти в России к Временному Правительству, правительству помещиков и капиталистов, не изменил и не мог изменить такого характера и значения войны со стороны России»; далее конференция признала «безусловно недопустимыми и означающими на деле полный разрыв с интернационализмом и социализмом какие бы то ни было уступки «революционному оборончеству».

В отношении Временного Правительства конференция признала, что оно «по своему характеру является органом господства помещиков и буржуазии» и что «оно и представленные им классы неразрывно связаны экономически и политически с русским и англо-французским империализмом»; но «в то же время это правительство опирается в данный

момент на доверие и на прямое соглашение с Петроградским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, который до сих пор является руководящей организацией для большинства рабочих и солдат, т. е. крестьянства»; поэтому «необходима длительная работа по прояснению классового пролетарского сознания и сплочению пролетариев города и деревни против колебаний мелкой буржуазии, ибо только такая работа обеспечит успешный переход всей государственной власти в руки советов рабочих и солдатских депутатов или других органов, непосредственно выражающих волю большинства народа (органы местного самоуправления, Учредительное Собрание и т. п.)».

По аграрному вопросу и крестьянской политике партии конференция заявила в своей резолюции, что «существование помещичьего землевладения в России есть материальный оплот власти крепостников-помещиков и залог возможного восстановления монархии. Это землевладение неизбежно осуждает подавляющую массу населения России, крестьянство, на нищету, кабалу и забитость, а всю страну — на отсталость во всех областях жизни». Резолюция гласит далее, что борьба крестьянских масс «против крепостнического помещичьего землевладения и против всех крепостнических пут всего замлевладения и землепользования в России вообще» «выражает собой вполне буржуазно-демократическое, безусловно прогрессивное и экономически необходимое стремление к решительной ломке всех этих пут»; что, с другой стороны, «в зависимости от того, удастся ли городскому пролетариату повести за собой сельский пролетариат и присоединить к нему массу полупролетариев деревни, или эта масса пойдет за крестьянской буржуазией, тяготеющей к союзу с Гучковым, Милюковым, капиталистами и помещиками и к контр-революции вообще, в зависимости от этого определится судьба и исход русской революции, поскольку начинающаяся пролетарская революция в Европе не окажет на нашу страну своего непосредственного могучего влияния».

На этих основаниях конференция постановила, что «партия пролетариата борется всеми силами за немедленную и полную конфискацию всех помещичьих земель в России (а также удельных, церковных, кабинетских и пр. и пр.)»

и что «партия решительно выступает за немедленный переход всех земель в руки крестьянства, организованного в советы крестьянских депутатов или в другие, действительно вполне демократически выбранные и вполне независимые от помещиков и чиновников органы местного самоуправления».

Необходимо еще упомянуть о принятой конференцией резолюции по национальному вопросу. Вопреки мнению, защищавшемуся тов. Пятаковым и большинством национальной секции конференции, вся конференция высказалась большинством голосов за признание за всеми нациями, входящими в состав России, права на свободное отделение и на образование самостоятельного государства.

Общий характер происходящей в России революции нашел себе оценку в принятых конференцией резолюциях о советах и о текущем моменте. В первой из них партия признала, что «рост революции в провинции вширь и вглубь, с одной стороны, является ростом движения к переходу всей власти (к) советам и к контролю самих рабочих и крестьян за производством, а с другой стороны, служит залогом подготовки во всероссийском масштабе сил для второго этапа революции, который должен передать всю государственную власть в руки советов или других органов, непосредственно выражающих волю большинства народа (органы местного самоуправления, Учредительное Собрание и т. п.)» В резолюции же о текущем моменте указывалось, что «русская революция является только первым этапом первой из пролетарских революций, неизбежно порождаемых войной.

В той же резолюции был намечен ряд революционных экономических мероприятий, представлявших несомненное «наступление на капитал» и приближение к социализму, как-то: национализация земли, об'единение банков и установление над ними государственного контроля, переход к осуществлению всеобщей трудовой повинности и пр.

Таким образом по всем спорным вопросам конференция дала победу ленинской оценке революции и ленинской тактике. Если до конференции еще можно было сомневаться, получит ли перевес в партии ленинская или «каменевская» линия, то конференция определила и закрепила партийную линию,

именно как ленинскую линию. Таким образом апрельская конференция,—и в этом ее громадное историческое значение,—в сущности предопределила всю дальнейшую тактику партии в Февральской революции. Можно сказать, что после апрельской конференции партией уже была взята общая линия на перерастание буржуазной революции в социалистическую.

Дальнейшая работа партии в последующие месяцы была борьбой за влияние на массы, за переход власти к советам «мирным» путем.

Мы проследили во второй части книги участие партии в напряженной классовой борьбе, развивавшейся в эти месяцы, начиная от образования первой коалиции (начало мая) вплоть до корниловщины. Мы должны еще остановиться на важном событии из внутренней жизни партии, именно на VI партийном с'езде, происходившем через несколько недель после июльских дней—26 июля—3 августа. Этот с'езд происходил при совсем иной обстановке, чем апрельская конференция. Июльские дни обнаружили огромное влияние партии на массы; уже началось и завоевание партией советов.

Выросла в громадной степени и сама партия, насчитывавшая к моменту с'езда около 200 тысяч членов. Но «государственная власть к этому времени оказалась практически в руках контр-революционной буржуазии, поддержанной военной кликой» [42], и самый с'езд происходил нелегально, без участия Ленина, вынужденного после июльских дней уйти в подполье, без участия ряда других партийных вождей, арестованных или вынужденных скрываться. Однако с'езд нашел ленинскую линию, которая проходит через все его резолюции. С'езд ликвидировал упадочные настроения и растерянность, охватившие некоторых членов партии под влиянием июльского поражения.

С'езд признал, что «в настоящее время мирное развитие и безболезненный переход власти к советам стали невозможны» и что «правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контр-революционной буржуазии. Лишь революционный пролетариат при условии поддержки его беднейшим крестьянством в силах выполнить эту задачу, являющуюся задачей нового под'ема» [43].

Таким образом VI с'езд показал, что партия твердо стоит на ленинской линии, признавая необходимым *вооруженное восстание* для свержения «диктатуры контр-революционной буржуазии»; что она по-ленински намечает и свою тактику в вопросе о вооруженном восстании, признав, что оно может быть победоносным лишь при условии союза между пролетариатом и беднейшим крестьянством.

Из других решений с'езда отметим прежде всего резолюции о задачах профессионального движения и о взаимоотношениях между партией и профессиональными союзами. В них с'езд совершенно определенно высказался по вопросу о нейтральности профсоюзов, признав, что «фактическая нейтральность профсоюзов в вопросах политической борьбы, во-первых, невозможна, а во-вторых, если бы она была осуществима, была бы крайне вредна для дела социализма». С'езд признал, что стоящие перед профорганизациями рабочего класса «ответственные задачи могут быть осуществлены профессиональными союзами России лишь в том случае, если они будут оставаться *боевыми классовыми организациями* и вести свою борьбу в тесном органическом союзе с политической классовой партией пролетариата»[44].

Тот же с'езд принял также резолюцию о союзах молодежи, положив тем самым основание Российскому Коммунистическому Союзу Молодежи, а через него — и Коммунистическому Интернационалу Молодежи.

Наконец VI с'езд принял новый устав партии, соответствующий новой политической обстановке в стране, и выпустил манифест «ко всем трудящимся, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам России», в котором давал оценку международного и внутреннего положения и призывал под знамя партии пролетариев, солдат и угнетенных деревни.

VI с'езд открыл новую страницу в истории партии, историю подготовки партией Октябрьской революции и участия в ней — историю, составляющую тему следующих глав нашей книги.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОРГАНИЗАЦИЯ И ХОД ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Глава первая

Партия большевиков и Ленин, как организующая сила Октябрьской революции

Октябрьская революция, в отличие от всех предшествовавших, не была только стихийным движением возмущенных масс. Это было в значительной степени организованное выступление, развивавшееся по заранее разработанному плану, с заранее выработанной программой, с заранее намеченными способами организации будущей власти. Революция имела на этот раз не только свой руководящий центр, овладевший движением и направлявший его, она имела и свой штаб, руководивший ее военными операциями.

Организатором Октябрьской революции явилась Российская Коммунистическая Партия, в то время носившая еще название Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (большевиков).

Эту роль организующей силы Октябрьской революции партия выполнила благодаря тому, что к этому моменту она сама оказалась вполне организованной для революции.

Мы уже говорили о политической работе партии, подготовившей ее к роли руководителя Октябрьской революции. Необходимо еще остановиться на технической стороне подготовки партии к этой революции. Огромная заслуга в этом отношении принадлежит «военной организации» ЦК партии,

так называемой «военке». Последняя была создана в первые же дни Февральской революции с целью собирания, организации и вооружения боевых сил пролетариата, а также с целью проведения влияния партии в среду солдат и матросов. Военная организация находилась под руководством тт. Подвойского, Антонова-Овсеенко, Невского, Мехоношина и др. Ее усилия были направлены, с одной стороны, на организацию пролетарской красной гвардии по фабрикам и заводам, с другой стороны, на агитацию среди солдат и матросов на почве партийных лозунгов; по мере успехов этой агитации военная организация ЦК стала создавать кадры агитаторов и организаторов из среды самих солдат и матросов и наконец перешла к образованию большевистских ячеек в военных частях.

Благодаря правильно взятой политической линии партии, быстро приобретавшей ей все более и более огромное влияние на массы, и военная организация ЦК добилась огромных успехов во всех направлениях своей деятельности. В Петрограде она уже ко времени апрельских демонстраций (20—21 апреля) держала под политическим и организационным влиянием партии несколько крупных военных единиц, как, например, Финляндский и 180-й полки.

Накануне Октября в распоряжении военной организации ЦК насчитывалось уже много тысяч красногвардейцев, а ее политическое и организационное влияние распространялось почти на весь петроградский гарнизон. Сверх того, организовавшийся за полторы недели до восстания штаб революции — военно-революционный комитет, о котором будет итти речь ниже,—получил в свое распоряжение вполне подготовленный высший командный состав в лице руководящей верхушки военной организации, вошедшей в состав военно-революционного комитета, равно как и достаточные кадры офицеров революции — подготовленных инструкторов военной организации.

Необычайно быстрая и легкая победа восстания в Петрограде была прежде всего результатом огромной предварительной работы, проделанной военной организацией партии, а также непосредственного участия руководящего состава этой организации в руководстве восстанием.

Огромная заслуга в успехе Октябрьского переворота принадлежит также партийной организации в Балтийском флоте, имевшем своей главной базой Гельсингфорс. Здесь уже в июне большевистские ячейки имелись на всех крупных судах, а партия большевиков пользовалась преобладающим влиянием на матросов. В руководящей политической организации флота, Центробалте, избранном с'ездом судовых делегатов, председательствовал большевик Дыбенко и видную роль играли большевики Измаилов и Ховрин. Демонстрация 18 июня носила в Гельсингфорсе столь же «большевистский» характер, что и в Петрограде. В июльские дни Временное Правительство издало даже тайный приказ (перехваченный и распубликованный Центробалтом) о потоплении подводными лодками судов, которые будут отправлены Центробалтом в Питер для поддержки восставших рабочих. А после июльских дней правительство произвело жестокую чистку флота от большевистских элементов. Целый ряд партийных вождей матросов был арестован и отправлен в петроградскую тюрьму «Кресты».

Однако после корниловщины все эти вожди (Дыбенко, Антонов-Овсеенко, Измаилов, Ховрин и др.) были выпущены и возвратились для работы в Балтфлоте в Гельсингфорс, где корниловские дни привели к резкому полевению настроения масс. Уже в сентябре Областной Комитет Финляндии становится большевистским, выносит в дни Демократического Совещания резолюцию о непризнании Временного Правительства и разрешает собраться Финляндскому сейму, запрещенному Временным Правительством. Он же берет на себя инициативу созыва незадолго до восстания с'езда советов северной области, оказавшегося целиком большевистским и частью лево-эс-эровским.

В момент восстания Балтфлот должен был отправить для поддержки питерского пролетариата 1.500 красных матросов. Ночью 24 октября, по получении условной телеграммы из Питера, Балтфлот отправил туда 1.800 бойцов. Хотя они прибыли лишь к концу осады Зимнего дворца, но в последующие дни сыграли громадную роль в борьбе с отрядом Керенского—Краснова под Петроградом, а затем—и в борьбе за утверждение власти советов во многих провинциальных центрах.

Таким образом партия перед Октябрем оказалась вполне подготовленной к восстанию, она в гораздо большей степени, чем это было с какой-либо другой партией в истории революций, была в состоянии овладеть стихийным возмущением масс против Временного Правительства, внести в него сознательность и организованность, способствовать его полной и решительной победе.

Однако всего за несколько недель до решительной схватки внутри самой партии еще не было полного единомыслия в вопросе о восстании и его сроке. С наибольшей яркостью и решительностью мысль о необходимости и неизбежности вооруженного восстания против Временного Правительства развивал В. И. Ленин. Притом уже в начале сентября Ленин, в то время бывший «нелегальным» и живший в Финляндии (в виду издания Временным Правительством после июльских дней приказа о его аресте), считал и срок восстания уже назревшим и призывал партию к организации немедленного восстания.

Мы видели, что уже в июльские дни огромные массы столичного пролетариата и гарнизона рвались к восстанию. Однако об'ективных предпосылок успешного восстания во всей стране еще не было, и партия старалась не допустить перехода июльского движения в вооруженное восстание. После корниловщины истинная природа буржуазной власти была разоблачена перед широчайшими массами внутри всей страны, и подавляющее большинство партии мало-по-малу приходит вместе с Лениным к мысли о необходимости скорейшего восстания.

Однако по вопросу о восстании в партии наметилось и правое крыло, представленное тогда в ее ЦК Зиновьевым и Каменевым. Оба они выступили решительными противниками немедленного восстания. В борьбе с правым крылом партии Ленин развил необычайную энергию, преодолевая сопротивление колеблющихся, доказывая необходимость для партии взять на себя организацию восстания и руководство им.

Вопрос о восстании стал для Ленина в сентябре и октябре центральным вопросом русской революции, которого он не упускал из виду ни на один день; статью за статьей, письмо

за письмом посвящал он снова и снова этому вопросу, с неослабевающей энергией и настойчивостью агитировал он в пользу восстания среди партийных масс и руководящих партийных центров. И если Октябрьское восстание было организованным, а не только стихийным движением масс, то во главе сил, организующих переворот, стоял Ленин.

В статьях и письмах, написанных в этот период, Ленин ставит себе задачей: во-первых, разоблачить социал-демократические предрассудки в отношении восстания при демократическом режиме и в отношении организующего участия в нем марксистской партии — предрассудки, от которых было в то время несвободно и правое крыло партии; во-вторых, показать об'ективное нарастание новой революции, ее об'ективную неизбежность, равно как и неизбежность победы пролетариата в этой новой революции; в третьих, дать вопросу о восстании чисто практическую, деловую постановку—показать, как следует его организовать.

Мы постараемся теперь изложить, как смотрел Ленин на эти три вопроса, т. е. на вопрос о самом восстании, на вопрос о предпосылках пролетарской революции и на вопрос о практической организации восстания партией.

Глава вторая

Ленин о «восстании, как искусстве»

Известно, какую бешеную агитацию повела перед Октябрем печать «революционной демократии» против большевиков, обвиняя их в подготовке к восстанию и в возбуждении гражданской войны «в среде демократии».

Не отставало от общего течения и левое, интернационалистское крыло социал-демократии, органом которого являлась газета «Новая Жизнь»; последняя всячески старалась «уговорить» большевиков не устраивать восстания, не начинать гражданской войны «в среде демократии», и между прочим доказывала, что участие партии в подготовке восстания есть бланкизм. На эти речи, находившие себе отклик

и в правом крыле партии, Ленин отвечает в статье «Марксизм и восстание».

«К числу наиболее злостных и едва ли не наиболее распространенных извращений марксизма господствующими «социал-демократическими» партиями принадлежит оппортунистическая ложь, будто подготовка восстания, вообще отношение к восстанию, как к искусству, есть «бланкизм»...

Обвинять в бланкизме марксистов за отношение к восстанию как к искусству! Может ли быть более вопиющее извращение истины, когда ни один марксист не отречется от того, что именно Маркс самым определенным, точным и непререкаемым образом высказался на этот счет, назвав восстание именно искусством, сказав, что к восстанию надо относиться как к искусству, что надо завоевать первый успех и от успеха итти к успеху, не прекращая наступления на врага, пользуясь его растерянностью и т. д. и т. д.

Восстание, чтобы быть успешным, должно упираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это—во-первых. Восстание должно опираться на революционный под'ем народа. Это—во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа—наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядях слабых, половинчатых, нерешительных друзей революции. Это—в третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании отличается марксизм от бланкизма.

Но раз есть на-лицо эти условия, то отказаться от отношения к восстанию как к искусству значит изменить марксизму и изменить революции». (Л. XIV, 2, 136).

И Ленин сам показывает, что значит относиться к восстанию, как к искусству. Он ставит себе задачей доказать, «почему именно переживаемый нами момент надо признать таким, когда обязательно для партии признать восстание поставленным ходом об'ективных событий в порядке дня и отнестись к восстанию, как к искусству».

Вот приводимые им основания:

«За нами большинство класса авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы.

За нами большинство народа, ибо уход Чернова есть далеко не единственный, но виднейший, нагляднейший признак того, что крестьянство от блока эс-эров (и от самих эс-эров) земли не получит. А в этом гвоздь общенародного характера революции.

За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь, при неслыханных колебаниях и всего империализма, и всего блока меньшевиков с эс-эрами.

За нами верная победа, ибо народ совсем уж близок к отчаянию, а мы даем всему народу верный выход, показав значение нашего руководства «в дни корниловские», затем *предложив* компромисс блокистам и получив отказ от них при условии отнюдь не прекращающихся колебаний с их стороны». (Л. XIV, 2, 137—138).

Отсюда вытекает для партии политическая задача: готовиться к восстанию и готовить к нему пролетариат.

«Сознав безусловную необходимость восстания рабочих Питера и Москвы для спасения революции и для спасения от «сепаратного» раздела России империалистами обеих коалиций, мы должны, во-первых, приспособить к условиям нарастающего восстания свою политическую тактику на Совещании *; мы должны, во-вторых, доказать, что мы не на словах только признаем мысль Маркса о необходимости отнестись к восстанию, как к искусству.

Мы должны на Совещании немедленно сплотить фракцию большевиков, не гоняясь за численностью, не боясь оставить колеблющихся в стане колеблющихся: они там полезнее для дела революции, чем в стане решительных и беззаветных борцов.

Мы должны составить краткую декларацию большевиков, подчеркивая самым резким образом неуместность длинных речей, неуместность «речей» вообще, необходимость немедленного действия для спасения революции, абсолютную необходимость полного разрыва с буржуазией, полного смещения всего теперешнего правительства, полного разрыва с готовящими «сепаратный» раздел России англо-французскими импе-

---

* Имеется в виду Демократическое Совещание. *С. А.*

риалистами, необходимость немедленного перехода всей власти в руки революционной демократии, возглавляемой революционным пролетариатом.

Наша декларация должна быть самой краткой и резкой формулировкой этого вывода в связи с программными проектами: мир народам, земля крестьянам, конфискация скандальных прибылей и обуздание скандальной порчи производства капиталистами.

Чем короче, чем резче будет декларация, тем лучше. В ней надо только ясно указать еще два важнейших пункта: народ измучился от колебаний, народ истерзан нерешительностью эс-эров и меньшевиков; мы рвем с этими партиями окончательно, ибо они изменили революции.

И другое: тотчас предлагая мир без аннексий, тотчас разрывая с союзными империалистами и всякими империалистами, мы получим немедленно либо перемирие, либо переход всего революционного пролетариата на сторону обороны и ведение революционной демократией, под его руководством, действительно справедливой, действительно революционной войны.

Прочтя эту декларацию, призвав решать, а не говорить, действовать, а не писать резолюции, мы должны всю нашу фракцию двинуть на заводы и в казармы: там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель Демократического Совещания.

Там должны мы в горячих, страстных речах раз'яснять нашу программу и ставить вопрос так: либо *полное* принятие ее Совещанием, либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя. Революция гибнет.

Ставя вопрос так, сосредоточив всю фракцию на заводах и в казармах, *мы правильно учтем момент для начала восстания»*. (Л. XIV, 2, 139—140).

К вопросу о положении перед Октябрем и о политике партии Ленин не раз возвращался и после Октября. В статье «О революционной фразе» он писал:

«В октябре было дело так, что мы точно учли именно массовые силы. Мы не только думали, мы твердо знали на основании опыта массовых выборов в советы, что рабочие и сол-

даты в сентябре и начале октября в громадном большинстве уже перешли на нашу сторону. Мы знали хотя бы из голосований на Демократическом Совещании, что в крестьянстве коалиция провалена, значит наше дело уже выиграло.

Таковы были об'ективные предпосылки октябрьской повстанческой борьбы:

1) над солдатами уже нет палки: ее сверг февраль 1917 года (Германия еще не дозрела до «своего» февраля);

2) солдаты уже пережили и закончили, как и рабочие, отход свой, сознательный, продуманный, прочувствованный, от коалиции.

Из этого, только из этого вытекла правильность лозунга «за восстание» в октябре (этот лозунг был бы неверен в июле, когда мы его и не поставили)».

Глава третья

Ленин об об'ективных предпосылках Октябрьского восстания

Решающим для поведения марксистской партии должен был явиться вопрос об об'ективных предпосылках восстания, в частности и в особенности учет сил новой революции и сил ее врагов. Ленин не раз обращается к этому вопросу в ряде последовательных статей. В уже цитированной статье «Марксизм и восстание» Ленин сравнивает с этой точки зрения «сентябрьские дни» с июльскими:

«3 и 4 июля, — говорит он, — можно было, не греша против истины, поставить вопрос так: правильнее было бы взять власть, ибо иначе все равно враги обвинят нас в восстании и расправятся как с повстанцами. Но из этого нельзя было сделать вывода в пользу взятия власти тогда, ибо об'ективных условий для победы восстания тогда не было.

1) Не было еще за нами класса, являющегося авангардом революции.

Не было еще большинства у нас среди рабочих и солдат столиц. Теперь оно есть в обоих Советах. Оно создано только

историей июля и августа, опытом «расправы» с большевиками и опытом корниловщины.

2) Не было тогда всенародного революционного под'ема. Теперь он есть после корниловщины. Провинция и взятие власти советам во многих местах доказывают это.

3) Не было тогда колебаний, в серьезном общеполитическом масштабе, среди врагов наших и среди половинчатой мелкой буржуазии. Теперь колебания гигантские: наш главный враг, — империализм союзный и всемирный, ибо «союзники» стоят во главе всемирного империализма,—заколебался между войной до победы и сепаратным миром против России. Наши мелкобуржуазные демократы, явно потеряв большинство в народе, заколебались гигантски, отказавшись от блока, т. е. от коалиции с кадетами.

4) Потому 3—4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо драться, умирать за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого «озверения», такой кипучей ненависти и к Керенскому и к Церетели—Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эс-эров и меньшевиков.

Политически мы не удержали бы власти 3—4 июля, ибо армия и провинция до корниловщины могли пойти и пошли бы на Питер.

Теперь картина совсем иная.

За нами большинство класса, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы.

За нами большинство народа»... (Л. XIV, 2, 136—137).

«За нами большинство класса, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы». Мы уже видели, что после июльских дней и в особенности после выступления Корнилова происходит чрезвычайно быстрый сдвиг в настроении рабочих масс. Рабочий класс не только завоевывается в подавляющем большинстве большевистскими лозунгами, растет в огромной степени и его революционная активность. Совершенно то же можно сказать и о солдатских массах.

Одним из наиболее явственных показателей этого факта было завоевание партией большевиков большинства в обоих столичных Советах и в большей части провинциальных.

Этот факт Ленин считает важнейшей из «об'ективных предпосылок» восстания.

«Не в том ошибка оппортунистов Октября,—писал он в 1918 г.,—что они «заботились» об об'ективных предпосылках (только дети могут так думать), а в том, что они факты оценили неверно, брали мелочи, не видя главного: поворота советов от соглашательства к нам».

Как мы видели, в Петроградском Совете — важнейшем из всех — большевистская резолюция была принята впервые 31 августа и закреплена перевыборами президиума 9 сентября. В пленуме Московского Совета большевистская резолюция прошла впервые 5 сентября. В сентябре же к большевикам переходит целый ряд провинциальных советов. Оборонцы, еще господствующие в ВЦИК'е, выбранном 1-м июньским Всероссийским с'ездом Советов, всячески оттягивают созыв 2-го с'езда, настойчиво требуемого пролетариатом. Наконец они вынуждены назначить его на 20 октября (впоследствии срок этот был отодвинут до 25-го).

Что этот с'езд окажется большевистским, — в этом не сомневаются и оборонцы.

«Есть все основания рассчитывать, что предполагаемый с'езд советов даст большевистское большинство», — пишет «Новая Жизнь» в номере от 23 сентября. Созванный в день победы Октябрьской революции, 25 октября, II Всероссийский с'езд Советов оправдал эти предсказания, показав, что первая и основная из об'ективных предпосылок пролетарской революции была во-время учтена Лениным и партией большевиков.

Что к моменту Октябрьской революции огромное большинство рабочего класса перешло на сторону большевиков,— это подтвердили и происходившие через три недели после восстания выборы в Учредительное Собрание. На этих выборах Ленин останавливается, между прочим, в статье «Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата», написанной в конце 1919 года. В общем на этих выборах больше-

вики получили только 25% голосов, тогда как «партии мелкобуржуазной демократии» (эс-эры, меньшевики и т. п.) — 62%, а кадеты вместе с прочими буржуазными партиями—13%. В связи с этими цифрами Ленин разбирает вопрос: «Как же могло произойти такое чудо: победа большевиков, имевших четверть голосов, над мелкобуржуазными партиями, шедшими в союзе (коалиции) с буржуазией и вместе с ней владевшими тремя четвертями голосов?»

«Большевики победили,—отвечает Ленин, — прежде всего потому, что имели за собой громадное большинство пролетариата, а в нем — самую сознательную, энергичную, революционную часть, настоящий авангард этого передового класса». (Л. XVI, 441—442).

Что рабочие в огромном большинстве шли за большевиками, это доказали выборы в промышленных центрах и областях. Так, в обеих столицах из общего числа 1.765 тыс. голосов эс-эры получили 218 тыс., кадеты—515 тыс., а большевики—837 тыс., т. е. больше чем кадеты и эс-эры вместе взятые. В то же время из губерний центральной промышленной области Московская дала 56% большевиков и 25% эс-эров, Тверская—54% большевиков и 39% эс-эров, Владимирская—соответственно 56 и 32%.

Таким образом «в обеих столицах, в обоих главнейших для России торгово-промышленных центрах большевики имели подавляющий, решающий перевес сил. Мы имели здесь *почти вчетверо* больше, чем эс-эры. Мы имели здесь *больше, чем эс-эры и кадеты* вместе взятые».

Следовательно, «большевики имели за собой не только большинство пролетариата, не только закаленный в долгой и упорной борьбе с оппортунизмом *революционный* авангард пролетариата. Они имели, если позволительно употребить военный термин, могучий «ударный кулак» в столицах.

В решающий момент в решающем пункте иметь подавляющий перевес сил — этот «закон» военных успехов есть также закон политического успеха, особенно в той ожесточенной, кипучей войне классов, которая называется революцией». (Л. XVI, 443).

Вслед за пролетариатом Ленин останавливается на армии,

которая «во время империалистической войны вобрала в себя весь цвет народных сил». Завоевание власти большевизмом было подготовлено всей работой партии со времени империалистической войны и в особенности после Февральского переворота. «Предатели социализма *не подготовили* за 1914—1917 годы использование армий против империалистических правительств *каждой* нации.

Большевики подготовили это всей своей пропагандой, агитацией, нелегально-организационной работой с августа 1914 года. Конечно, предатели социализма, Шейдеманы и Каутские всех наций, отделывались по этому поводу фразами *о разложении* армии большевистской агитацией, но мы *гордимся* тем, что исполнили свой долг, разлагая сильнейшего классового врага, отвоевывая *у него* вооруженные массы рабочих и крестьян *для борьбы* против эксплоататоров».

В результате на выборах в Учредительное Собрание от армии и флота эс-эры получили 1.885 тыс. голосов, а большевики — около 1.791 тыс., т. е. лишь немногим менее. «Армия была, следовательно, уже к октябрю—ноябрю 1917 года *наполовину большевистской*». (Л. XVI, 446).

Однакоже на фронтах, ближайших к столицам, у большевиков оказывался подавляющий перевес голосов. Так, если взять северный и западный фронты, то у большевиков получается свыше *одного миллиона голосов против* 420 тыс. у эс-эров. Следовательно, в армии большевики тоже имели уже к ноябрю 1917 года *политический «ударный кулак»*, который обеспечивал им подавляющий перевес сил в решающем пункте в решающий момент. «Ни о каком сопротивлении со стороны армии против Октябрьской революции пролетариата, против завоевания политической власти пролетариатом не могло быть и речи, когда на северном и западных фронтах у большевиков был гигантский перевес, а на остальных фронтах, удаленных от центра, большевики имели время и возможность *отвоевать крестьян у эс-эровской партии...*»

Таким образом, как обнаружили выборы в Учредительное Собрание, в стране к моменту восстания было налицо «три условия победы большевизма: 1) подавляющее большинство среди пролетариата; 2) почти половина в армии;

3) подавляющий перевес сил в решающий момент в решающих пунктах, именно: в столицах и на фронтах армий, близких к центру» (там же, 443—447).

Вторым слагаемым огромного значения в общей сумме об'ективных предпосылок Октябрьской революции явилось благоприятное для большевиков *настроение крестьянства.*

Правда, выборы в Учредительное Собрание показали, что большинство крестьянства шло еще за эс-эрами, которые получили большинство голосов повсюду, кроме промышленных центров и областей. Надо принять однако во внимание, что выборы производились по старым спискам, составленным еще до раскола эс-эров на две партии — правых и левых. Далее, крестьянство еще не успело проверить партии эс-эров по ее политической работе и сопоставить ее с партией большевиков. На самом же деле и крестьянство, как было отмечено выше, захватывалось в ходе революции процессом большевизации, особенно усилившимся перед Октябрем. Крестьянское движение, постепенно нарастая, достигло в последние месяцы перед Октябрьской революцией таких размеров, что Ленин характеризовал его, как *крестьянское восстание.* Вот несколько цитат, показывающих, как оценивал Ленин значение этого фактора в революции:

«Довели в крестьянской стране дело до того, что всюду разливается широкой рекой крестьянское восстание. Подумайте только: в демократической республике с 80% населения из крестьян довели их до крестьянского восстания...

«Столыпинцы» Керенский и К° довели крестьян до восстания, вводят теперь «военные меры» против крестьян, утешают народ созывом Учредительного Собрания, как-будто народ может поверить тем, кто раз солгал в подобном деле, как-будто бы народ может поверить в правильный созыв Учредительного Собрания правительством, вводящим военные меры в глухих деревнях, то-есть явно прикрывающим произвольные аресты сознательных крестьян и подделку выборов.

Довести крестьян до восстания—и иметь бесстыдство говорить им: надо «претерпеть», надо подождать, довериться тому правительству, которое «военными мерами» усмиряет восставших крестьян...

Это ли не бесстыдство...

Ни одного дня, ни одного лишнего часа не потерпят солдаты нашей крестьянской армии, чтобы оставалось вопреки воле советов правительство Керенского, военными мерами усмиряющее крестьянское восстание.

Нет, господа эс-эры, коллеги Керенского по партии, вы не обманете больше рабочих и крестьян». («Удержат ли большевики государственную власть». Л. XIV, 2, 245—247).

«В России переломный момент революции несомненно.

В крестьянской стране, при революционном, республиканском правительстве, которое пользуется поддержкой партии эс-эров и меньшевиков, имевших вчера еще господство среди мелкобуржуазной демократии, растет крестьянское восстание.

Это невероятно, но это факт...

В России, благодаря обману эс-эрами и меньшевиками, осталось и остается, при республике, во время революции, рядом с советами правительство капиталистов и помещиков. Такова горькая и грозная действительность. Чего же удивительного, если в России, при неслыханных бедствиях, причиняемых народу затягиванием империалистической войны и ее последствиями, началось и разрастается крестьянское восстание...

Крестьянское восстание в крестьянской стране против правительства Керенского — эс-эра, Никитина и Гвоздева — меньшевиков, и других министров, представителей капитала и помещичьих интересов. Подавление этого восстания военными мерами республиканского правительства.

Можно ли быть еще перед лицом таких фактов добросовестным сторонником пролетариата и отрицать, что кризис назрел, что революция переживает величайший перелом, что победа правительства над крестьянским восстанием была бы теперь окончательными похоронами революции, окончательным торжеством корниловщины...

Ясно само собою, что, если в крестьянской стране после 7 месяцев демократической республики дело могло дойти до крестьянского восстания, то оно неопровержимо доказывает общенациональный крах революции, кризис ее, достигший

невиданной силы, подход контр-революционных сил к «последней черте».

Это ясно само собою. Перед лицом такого факта, как крестьянское восстание, все остальные политические симптомы, даже если бы они противоречили этому назреванию общенационального кризиса, не имели бы ровнехонько никакого значения». («Кризис назрел», Л., XIV, 2, 262—264).

...«Самый крупный факт современной жизни в России есть крестьянское восстание. Вот об'ективный, не словами, а делами показанный переход народа на сторону большевиков. Ибо, как ни лжет буржуазная пресса и ее жалкие подголоски из «колеблющихся», новожизненцев и К°, крича о погромах и об анархии, но факт налицо. Движение крестьян в Тамбовской губернии было восстанием и в физическом и в политическом смысле, восстанием, давшим столь великолепные политические результаты, как, во-первых, согласие передать землю крестьянам. Недаром вся запуганная восстанием эс-эровская шваль, вплоть до «Дела Народа», вопит теперь о необходимости передачи земель крестьянам. Вот на деле доказанная правильность большевизма и успех его. «Учить» бонапартистов и их лакеев в предпарламенте оказалось невозможным иначе, как восстанием.

Это факт. Факты — упрямая вещь. И такой фактический «довод» за восстание сильнее тысячи «пессимистических» увертох растерявшегося и запуганного политика». («Письмо к товарищам». Л., XIV, 2, 273).

Выступления советов и крестьянства уже показывали, что в назревающем кризисе рабочие и солдаты, с одной стороны, крестьянство — с другой, т. е. большинство народа, и во всяком случае большинство его политически активной массы, окажется на стороне партии большевиков.

Это большинство усиливалось еще такими же переменами, происходившими в политическом настроении низовой массы городской мелкой буржуазии, как оно выразилось в городских выборах. Ленин останавливается на выборах 20 августа в петроградскую центральную городскую думу и на выборах 24 сентября в московские районные городские думы.

«...Факты говорят, что именно после 3—4 июля, именно

в связи с разоблачением господ Церетели, их июльской политикой, именно в связи с тем, что массы увидали в большевиках своих передовых борцов, а в «социал-блокистах» изменников, начинается развал эс-эров и меньшевиков. Этот развал еще до корниловщины вполне доказан выборами 20 августа в Питере, давшими победу большевикам * и разгром «социал-блокистов» **. (Л., XIV, 2, 255).

«...Голосование на выборах в районные думы в Москве является вообще одним из наиболее поразительных симптомов глубочайшего поворота в общенациональном настроении. Что Москва более Питера мелкобуржуазна, — это общеизвестно. Что у московского пролетариата несравненно больше связей с деревней, деревенских симпатий, близости к деревенским крестьянским настроениям, — это факт, много раз подтвержденный и неоспоримый.

И вот в Москве голоса эс-эров и меньшевиков с 70% в июне падают до 18 проц. Мелкая буржуазия отвернулась от коалиции, народ отвернулся от нее, тут сомнения невозможны. Кадеты усилились с 17 до 30 проц., но они остались меньшинством, безнадежным меньшинством, несмотря на очевидное присоединение к ним «правых» эс-эров и «правых» меньшевиков. А «Русские Ведомости» говорят, что абсолютное число голосов за кадетов понизилось с 67 до 62 тысяч. Только у большевиков число голосов возросло с 34 тысяч до 82 тысяч. Они получили 47 проц. всего числа голосов. Что вместе с левыми эс-эрами мы имеем теперь большинство в советах и в армии, и в стране, — в этом ни тени сомнения быть не может» (Л., XIV, 2, 264—265).

Возвращаясь к городским выборам в «Письме к товарищам», где он разбирает возражения «оппортунистов Октября», Каменева и Зиновьева, против восстания, Ленин говорит:

«...Действительность показывает нам воочию, что именно после июльских дней большинство народа стало быстро пере-

---

* Ленин говорит, конечно, об относительной победе большевиков, которые на майских выборах в районные думы Петрограда получили 18,5% голосов, тогда как на выборах 20 августа — 30% голосов.

** „Социал-блокисты“ (меньшевики, эс-эры, эн-эсы и „Единство“) получили вместе на майских выборах 58% голосов, на августовских — всего 39%.

ходить на сторону большевиков. Это доказали и выборы 20 августа в Питере, еще до корниловщины, когда процент большевистских голосов поднялся с 20 до 33 в городе без пригородов, и затем выборы в сентябре в районные думы Москвы, когда процент большевистских голосов поднялся с 11 до $49^1/_3$ *».

Такое же значение Ленин придает и отношению масс к *коалиции*. «Быть против коалиции, — говорит он, — это значит *на деле* итти за большевиками», а между тем «большинство крестьянских советов, вопреки своему «авксентьевскому» центральному совету, высказалось *против* коалиции».

Мелкая буржуазия поворачивает к пролетариату.

«Трудно представить себе, чтобы в капиталистической стране пролетариат был так мало изолирован от мелкой буржуазии — и заметьте: в революции против буржуазии — как теперь пролетариат в России. Из об'ективных и бесспорных данных мы имеем новейшие данные о голосовании за и против коалиции с буржуазией по «куриям» церетелевской «булыгинской думы», т. е. пресловутого «Демократического Совещания». Возьмем курии советов. Получаем:

	За коалицию.	Против
Советы Рабочих и Солдатских Депутатов	83	192
Советы Крестьянских Депутатов	102	70
Все советы	185	262

Итак, большинство в целом на стороне пролетарского лозунга: против коалиции с буржуазией... Даже кадеты «вынуждены признать усиление влияния большевиков в советах».

Из всех этих данных Ленин делает следующий вывод:

«И по вопросу о коалиции с буржуазией и по вопросу о передаче немедленно помещичьей земли крестьянским комитетам большевики имеют уже сейчас большинство в Советах Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, большинство народа, большинство мелкой буржуазии» (Л., XIV, 2, 273, 223).

[1] В действительности, как мы видели выше, еще больше—до 51%.

Ленин о практической организации восстания

Правильно учесть об'ективные предпосылки восстания, понять его неизбежность и взять общую политическую линию на восстание, — это для партии еще не значит отнестись к восстанию по-марксистски, как «к искусству». Для этого необходимо еще суметь учесть надлежащий момент для восстания и суметь его организовать практически.

И в этом отношении Ленин явился перед Октябрем учителем партии, побуждая ее ставить вопрос практически и давая ей ряд руководящих указаний.

В уже цитированной статье «Марксизм и восстание» он пишет:

«...Чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить наш штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ними по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.

Это все примерно, лишь для *иллюстрации* того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, *не относясь к восстанию, как к искусству*» (Л. XIV, 2, 14).

В статье «Советы постороннего» он говорит о том же предмете следующее:

«...Вооруженное восстание есть особый вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину

Карл Маркс, писавший, что вооруженное «восстание, как и война, есть искусство».

Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

1) Никогда не играть с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо итти до конца.

2) Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно переходить в наступление. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться ежедневно хоть маленьких успехов (можно сказать, ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая во что бы то ни стало «моральный перевес» (Л. XIV, 2, 140).

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами «величайшего в истории мастера революционной тактики — Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость».

В применении к России и к Октябрю 1917 года это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление всего флота, скопление гигантского перевеса сил над 15—20 тыс. (а может, и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнкеров), наших «вандейских войск» (часть казаков) и т. д.

Комбинировать наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой каких угодно потерь были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железно-дорожные станции, г) мосты в первую голову.

Выделить самые решительные элементы (наших «ударников» и рабочую молодежь, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важных операциях, например:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной

атакой флота, рабочих и войска, — такова задача, требующая искусства и тройной смелости.

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерской школы, телеграфа и телефона и прочее) с лозунгом: погибнуть всем, но не пропустить неприятеля.

Будем надеяться, что, в случае, если наступление будет решено, руководители успешно применят великие заветы Дантона и Маркса.

Успех и русской и всемирной революции зависит от 2—3 дней борьбы» (Л., XIV, 2, 270—271).

Глава пятая

Партия приступает к организации восстания

Мы видели выше (см. часть II, гл. 9), что уже на VI с'езде, т. е. к концу июля, перспектива вооруженного свержения диктатуры буржуазии в образе Временного Правительства стояла перед партией большевиков совершенно ясно. Однако в то время, всего через несколько недель после июльского поражения пролетариата, еще невозможно было ставить вооруженное восстание на очередь дня. Уже в августе обнаружился рост силы пролетариата, знаменовавший новый под'ем революционной волны и выразившийся так ярко, например, во всеобщей забастовке пролетариата в Москве и некоторых провинциальных городах 12 августа и в последующие дни в знак протеста против Государственного Совещания. Чувствовалось приближение момента решительного столкновения между силами пролетарской революции и буржуазной контр-революции, момента вооруженного восстания против правительства Керенского.

Восстание Корнилова внесло на короткое время изменение в отношение партии к восстанию против Временного Правительства: перепуганная мелкобуржуазная демократия и сам Керенский вынуждены были, как мы видели, вступить в борьбу с Корниловым, а меньшевистско-эс-эровские советы обрати-

лись даже к помощи большевиков. В такой момент свергать правительство значило бы косвенно помогать Корнилову и корниловцам.

Происшедшее в связи с этим изменение в тактике партии по отношению к вооруженному восстанию против Временного Правительства было ясно выражено Лениным в «Письме в ЦК РСДРП (б)», написанном в первые дни сентября. «В чем же изменение нашей тактики после восстания Корнилова? — спрашивает Ленин. — В том, что мы, видоизменяя форму нашей борьбы с Керенским, ни на иоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо учесть момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы иначе теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: раз'яснять народу (борющемуся против Корнилова) *слабость* и *шатания* Керенского. Это делалось и раньше. Но теперь это стало *главным:* в этом видоизменение» (Л. XIV, 2, 96). Однако в том же письме в ЦК Ленин доказывал: «Неверно было бы думать, что мы дальше отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет. Мы чрезвычайно приблизились к ней, но не *прямо,* а со стороны».

После поражения Корнилова очень скоро выяснилось, что правительство Керенского и не думает сворачивать с пути контр-революции, что оно попрежнему отстаивает коалицию с кадетами и ищет поддержку в контр-революционной военщине. Поэтому Ленин уже в начале сентября развивает перед руководящими органами партии большевиков мысль о необходимости немедленно же приступить к организации восстания. Вопрос этот был с самого начала поставлен Лениным чрезвычайно резко. Однакоже большинство ЦК, принципиально считавшее, подобно Ленину, восстание необходимым, первоначально разошлось с Лениным по вопросу о сроке восстания, считая для этого момент еще несозревшим.

В дальнейшем партия большевиков, как мы видим, участвовала в Демократическом Совещании до конца его работ. Ленин признавал эту тактику ошибочной, и с критикой ошибок большевиков в отношении Совещания выступил публично в партийном органе: «Большевики должны были уйти

в виде протеста и для того, чтобы не поддаваться в ловушку отвлечения Совещанием народного внимания от серьезных вопросов. Большевики должны были в числе $^{99}/_{100}$ своей делегации итти на фабрики и в казармы... Десять убежденных солдат и рабочих из отсталой фабрики *стоят в тысячу раз больше, чем сотня* подтасованных Либерданами делегатов. Использование парламентаризма — особенно в революционные времена — состоит вовсе не в том, чтобы терять дорогое время на представителей гнилья, а в том, чтобы *учить массы на примере гнилья*» (курсив Ленина) (Л. XIV, 2, 144).

В дни Демократического Совещания Ленин обратился к партийным органам с двумя замечательными письмами. Первое из них — «Большевики должны взять власть» — было адресовано в ЦК, петроградский и московский комитеты партии, второе—«Марксизм и восстание» — в ЦК. В первом из них Ленин заявляет, что «вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с *массами*... Вопрос в том, чтобы *задачу* сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства» (Л., XIV, 2, 135).

Во втором письме («Марксизм и восстание»), адресованном в ЦК и подробно изложенном выше (стр. 124 и сл., 137), Ленин рассматривает вопрос о вооруженном восстании как с теоретической, так и с практической (или «военно-технической») стороны.

Как видно из протоколов ЦК, опубликованных в № 10 (69) «Пролетарской Революции» за 1927 год, оба эти письма обсуждались на заседании ЦК 15 сентября. Отношение к ним ЦК не было единодушным. Как указывает редакция названного журнала, «при обсуждении писем, повидимому, впервые выявились те разногласия в ЦК, которые через несколько времени проявились так резко в октябрьские дни.

Правые, во главе с тов. Каменевым, предложили не только отвергнуть практическое предложение тов. Ленина, но и уничтожить все экземпляры писем, кроме одного, чтобы предложение тов. Ленина о подготовке восстания не распространя-

лось в партии. Наоборот, предложение тов. Сталина — разослать письма по организациям и предложить обсудить их — имело целью организовать воздействие местных партийных комитетов на ЦК и подтолкнуть его к выполнению ленинских директив» [45].

Предложение о том, чтобы был сохранен только один экземпляр писем, прошло на этом заседании ЦК большинством в 6 голосов против 4 при 6 воздержавшихся.

Очевидно, к этому заседанию ЦК относятся воспоминания тов. Ломова, по словам которого «он (Ленин), вынужденный скрываться от преследований шайки опричников Керенского, прислал в ЦК свое мотивированное заявление с предложением немедля призвать товарищей к восстанию уже в дни перед Демократическим Совещанием. ЦК партии не только не соглашался с этим, но (большинством всех против 4 голосов) постановил не опубликовывать этого заявления тов. Ленина даже в пределах партии» [46].

В начале октября Ленин обращается с новым письмом в петроградский и московский комитеты, в котором, призывая к немедленной организации восстания, заявляет, что «промедление становится положительно *преступлением*» (Л., XIV, 2, 266). Об огромном впечатлении, произведенном этим письмом, в частности, на московских членов партии, свидетельствует следующая цитата из воспоминаний тов. Норова:

«Помню, как однажды утром, зайдя в редакцию «Социал-Демократа»... я узнал от Осинского, что Владимир Ильич обратился через голову ЦК к петербургскому и московскому комитетам партии, призывая немедленно начать революцию, не дожидаясь с'езда Советов. Ленин в своем письме... говорил, что московские выборы в районные думы и то возбуждение, которое царит в пролетариате после корниловщины, гарантирует нам победу. Мятеж в германском флоте обязывает нас быть деятельными. Если ЦК и даже ПК не возьмут на себя ответственности, то инициативу должна взять Москва, и тогда петербургская организация станет перед фактом и должна будет поддержать начатое. После краткой беседы решено было созвать частное совещание руководящих партийных работников.

Оно состоялось в этот же день в квартире одного товарища. Было человек двенадцать. Хорошо помню Варвару Николаевну Яковлеву, Ярославского, Осинского, В. М. Смирнова, Смидовича, Владимирского и Рыкова. Ногина не успели известить. Присутствовали так называемые «левые» и «правые». После небольших речей... было решено оказать самое энергичное давление на МК... Участники совещания разошлись только в лозунгах и средствах, посредством которых следовало сдвинуть массы. Предполагались: демонстрации, забастовка, «декретная кампания», борьба за разрешение жилищного вопроса и пр. Так составился в Москве «заговор в заговоре».

Однако в первом же своем заседании комитет партии стал на сторону заговорщиков и постановил созвать для окончательного решения общегородскую конференцию. Она состоялась в большой аудитории Политехнического музея... Конференция единогласно вотировала восстание» [47].

Общие директивы в отношении организации восстания были выработаны ЦК партии на знаменитом заседании 10 октября. В решениях, принятых на заседании, нашло себе выражение отношение огромного большинства членов партии к вопросу о восстании. На этом заседании принял участие и Ленин, приехавший для этого нелегально в Петроград из Финляндии. Кроме Ленина, на заседании присутствовали Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов. С докладом по текущему моменту выступил Ленин, развивший изложенную выше аргументацию в пользу восстания.

По докладу Ленина ЦК принял резолюцию следующего содержания:

«ЦК признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира со стороны империалистов с целью удушения революции в России), так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К° сдать Питер немцам),—так и приобретение большинства пролетарской партией в советах,—все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей

партии (выборы в Москве), наконец ясное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз казаков, окружение Минска казаками и пр)—все это ставит на очередь дня вооруженное восстание.

Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководствоваться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (с'езда советов северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.) («Пролетарская Революция», 1927 г., № 10, стр. 264).

На этом же заседании было выбрано первое «политическое бюро» партии в составе Ленина, Зиновьева, Каменева, Троцкого, Сталина, Сокольникова и Бубнова.

Приведенная резолюция была принята большинством 10 голосов против двух. Против резолюции голосовали, как известно, тт. Зиновьев и Каменев. Эти члены ЦК, представлявшие тогда его правое крыло, после решения ЦК не прекратили борьбы с его большинством и на следующий день обратились к ряду важнейших комитетов и организаций партии с известным письмом от 11 октября, в котором они предостерегали партию от «губительной политики» восстания, рекомендовали ограничиваться «оборонительной позицией» и дожидаться Учредительного Собрания.

Письмо это, полемизировавшее с конспиративным постановлением ЦК партии, было пущено в обращение в виде листка; оно получило широкое распространение и среди беспартийных кругов и вызвало специальную, посвященную ему статью Базарова в органе социал-демократов-интернационалистов—«Новой Жизни». Антипартийный поступок тт. Зиновьева и Каменева вызвал резкую отповедь в партийном органе со стороны Ленина («Письмо к товарищам», Л., XIV, 2, 271—288). Еще резче ополчился Ленин на дезорганизаторов в конспиративном «Письме к членам партии большевиков», в котором, называя авторов письма «господами», он поднимал вопрос об исключении их из партии [48].

Обращение Зиновьева и Каменева не имело никакого успеха среди членов партии. В последующие дни резолюции

за восстание принимают партийные комитеты обеих столиц. 16 октября состоялось расширенное заседание ЦК партии с участием представителей петроградского комитета, военной организации, фабзавкомов, профсоюзов, железно-дорожников, всего в количестве 25 человек. На этом собрании вопрос о восстании обсуждался уже с практической, организационной стороны, при чем резолюция Ленина о восстании была принята большинством 19 против двух (Зиновьева и Каменева) при 4 воздержавшихся. Резолюция эта гласила: «Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывая все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра, и выражает полную уверенность, что ЦК и советы своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления».

Вслед за этим расширенным собранием состоялось заседание одного ЦК, на котором для руководства восстанием был избран военно-революционный центр в составе Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого и Дзержинского. Этот центр вошел в состав Военно-Революционного комитета Петроградского Совета, о котором будет итти речь ниже.

Решениями ЦК 10 и 16 октября партия большевиков взяла на себя как политическое, так и организационное руководство назревавшим восстанием.

Глава шестая

Образование Военно-Революционного Комитета и борьба его с Временным Правительством

В виду быстро нароставшего революционного настроения масс столичного пролетариата и гарнизона Временное Правительство решило предотвратить восстание или, как выражалась правительственная печать, «выступление большевиков», расчистив петроградский гарнизон и удалив из столицы наиболее революционные его части. В этом правительство шло по

стопам Корнилова, который накануне своего выступления удалил из Питера несколько революционных полков.

9 октября штабом петроградского военного округа были разосланы приказы о переформировании и выводе из Петрограда частей гарнизона, под предлогом необходимости обороны подступов к Петрограду.

Эти приказы вызвали огромное возбуждение в среде гарнизона.

Так, общее собрание гвардии Финляндского резервного полка отказалось подчиниться приказу штаба и приняло резолюцию с выражением недоверия Временному Правительству и с требованием власти советов.

В тот же день вопрос о выводе петроградского гарнизона обсуждался на пленуме Петроградского Совета. Последним была принята предложенная большевиками резолюция, которая в резкой форме порицала Временное Правительство и Керенского и поручила «Исполнительному Комитету совместно с солдатской секцией и представителями связанных с Петроградом гарнизонов организовать революционный комитет обороны, который сосредоточил бы в своих руках все данные, относящиеся к защите Петрограда и подступов к нему, принял бы все меры к вооружению рабочих и таким образом обеспечил бы и революционную оборону Петрограда и безопасность народа от открыто подготовляющейся атаки военных и штатских корниловцев».

Этим решением Петроградский Совет положил начало организации знаменитого Военно-Революционного Комитета.

12 октября на закрытом заседании Исполкома Петроградского Совета большинством всех голосов против двух меньшевиков было вынесено постановление об организации Военно-Революционного Комитета и принято «положение» о нем, в котором чрезвычайно широко намечены его задачи, а также намечен его состав (из президиумов Совета и солдатской секции его и представителей ряда военных, рабочих и партийных организаций). Вслед затем положение об организации Военно-Революционного Комитета было принято солдатской секцией Петроградского Совета. 16 октября то же положение было внесено на обсуждение пленума Петроградского

Совета. Здесь оно было подвергнуто ожесточенной критике со стороны меньшевиков. Последние убедительно доказывали, что проектируемый военно-революционный комитет есть не что иное, как «штаб для захвата власти». Однако пленум Петросовета утвердил положение о Военно-Революционном Комитете большинством всех голосов против трех. В состав Военно-Революционного Комитета, между прочим, вошли тт. Лазимир, Подвойский, Невский, Троцкий, Дзержинский, Антонов-Овсеенко, Коцюбинский, Лашевич, Мехоношин и др. Для руководства военными операциями против Временного Правительства Военно-Революционным Комитетом была выделена тройка в составе Подвойского, Чудновского и Антонова-Овсеенко.

Военно-Революционный Комитет действительно был не чем иным, как военным штабом надвигавшейся революции. Прежде всего он установил прочные связи со всеми военными частями столицы.

18 октября состоялось многолюдное закрытое собрание представителей гарнизона для выяснения отношения его к вооруженному восстанию, при чем выяснилось, что большинство воинских частей стоит за выступление по призыву Петроградского Совета. 21 октября Петросовет созывает общее собрание полковых комитетов петроградского гарнизона. Собрание подавляющим большинством принимает резолюцию, в которой «гарнизон Петрограда обещает Военно-Революционному Комитету полную поддержку во всех его шагах».

Закрепив связи с гарнизоном, Военно-Революционный Комитет приступил к действиям. Вот как описывает его первые шаги тов. Подвойский:

«Для фактического осуществления власти в гарнизоне Военно-Революционный Комитет назначил в каждую воинскую часть Петербурга и окрестностей своего комиссара, которому было приказано, опираясь на силу наших организаций в частях, сместить комиссара правительства и взять власть в части в свои руки. В проведении этого важнейшего решающего акта восстания колоссальнейшую, исключительную роль сыграла Военная Организация (партии. *С. А.)* Военная Организация дала восстанию свой готовый испытанный аппарат, своих лучших боевых товарищей, уполномочив их к вели-

чайшим актам восстания. Наказ комиссара заключал в себе пункты об исполнении только приказов Военно-Революционного Комитета, о неисполнении приказов командующего Петроградским округом и о подготовке частей гарнизона к вооруженному восстанию. Комиссары, опираясь на ячейки Военной Организации в полках, обязаны были обеспечить восстанию успех.

21 октября ночью комиссары Военно-Революционного Комитета были направлены в полки петроградского гарнизона» [49].

В ту же ночь на 22 октября представители Военно-Революционного Комитета явились в штаб Петроградского военного округа и потребовали права контроля всех распоряжений штаба, но получили категорический отказ от главнокомандующего округом полк. Полковникова.

На следующий день, 22 октября, Петроградским Советом было созвано для обсуждения создавшегося положения и для закрепления связи с гарнизоном собрание представителей воинских частей столицы. Последнее нашло, что, не признав Военно-Революционного Комитета, «штаб порывает с революционным гарнизоном и с Петроградским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов» и «становится прямым орудием контр-революционных сил». Поэтому собрание постановило: «Никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-Революционным Комитетом, недействительны».

Изложенное постановление было в тот же день, 22 октября, передано в виде телефонограммы во все части петроградского гарнизона. А на следующий день, 23 октября, Военно-Революционным Комитетом было об'явлено во всех воинских частях и пунктах, куда направлены комиссары Комитета, что всякие «приказы и распоряжения подлежат исполнению лишь по утверждении их комиссарами».

Эти шаги были уже по существу настоящими актами восстания против Временного Правительства, так как обозначали переход военной силы в руки Военно-Революционного Комитета.

В то же время, 22 октября, был произведен как бы смотр революционных сил, готовых итти на штурм Временного Правительства. На это число был назначен «день Петроградского Совета» для агитации и сбора средств на издание соб-

ственной газеты Петросовета (ибо «Известия» находились в руках меньшевистского ВЦИК'а). Во всех общественных зданиях были организованы митинги, собравшие огромные массы.

«На многотысячном митинге в Народном доме, — сообщает один из источников,—после речи Троцкого, призывавшего присутствующих к клятве бороться до последней капли крови за переход власти к советам, весь зал с поднятыми кверху руками присягнул ринуться по первому зову Петроградского Совета в решительную схватку с вооруженными врагами во имя торжества идеи советской власти [50].

При таких обстоятельствах Военно-Революционный Комитет приступает к непосредственной организации восстания. Вначале однако он придерживается скорее оборонительной, а не наступательной тактики.

«Военно - Революционный Комитет, фактически взяв власть, должен был обеспечить Петроград от каких бы то ни было нападений с тыла; внутри сперва решено было не наступать, а ожидать нападения со стороны правительства. Вслед за этим дан был приказ комиссарам Военно-Революционного Комитета в полках, чтобы они немедленно представили доклады о состоянии принятых ими полков в революционном отношении. Полученные 21 и 22 числа доклады значительной части комиссаров указали, что полки всецело и решительно стоят на стороне Петроградского Совета и постановили своей революционной силой вырвать власть у Керенского и передать ее Петроградскому Совету. Получив все эти донесения, Военно-Революционный Комитет, таким образом подсчитав свои силы, дал войскам директиву пока оборонительного характера, а именно: обеспечение обороны подступов к Смольному, полагая, что враг сам перейдет в наступление первый, но имея в виду организовать оборону так, чтобы сторонники правительства разбили свой лоб о мощь революционных сил. С этой целью, поставив усиленные патрули по всему городу, приказав каждой воинской части охватить районы расположения, обеспечив при помощи броневиков невозможность выступления наиболее отсталых солдатских масс (казаков в первую очередь), разместив броневики по стратегическим пунктам, вызвав от надежных воинских частей кавалерию для патрули-

рования, для об'езда города (приняв меры против контр-революционных выступлений), Военно-Революционный Комитет тем самым обратил весь Петербург в военный лагерь и стиснул его в кольцо революционных сил. 22 и 23 октября началась подготовка»[51].

Лишь после этого, лишь дав возможность сорганизоваться революционному штабу и утратив фактически всякую власть над огромным большинством гарнизона, Временное Правительство решило с своей стороны приступить к действиям.

В ночь на 23 октября оно решило пред'явить Петроградскому Совету *ультимативное требование* об отмене телефонограммы о недействительности распоряжений по гарнизону без санкции таковых Военно-Революционным Комитетом. Однако это не было требованием власти, сознающей свою силу. Применения силы так и не последовало. Вместо того штаб округа пригласил для переговоров по поводу этого ультиматума представителей Военно-Революционного Комитета. Представители Комитета явились на совещание, взяли подписанные округом условия соглашения и, «не входя в переговоры, удалились»[52].

Все же 23 октября ночью Военно-Революционный Комитет сообщил Временному Правительству о «принципиальном принятии» ультиматума штаба. Однако это была скорее военная хитрость, ибо всего через несколько часов последовало с его стороны начало военных действий против Временного Правительства.

В ночь на 24 октября (в 5 ч. 30 м. утра) были закрыты большевистские газеты «Рабочий Путь» (орган ЦК большевиков) и «Солдат» (орган военной организации ЦК) и опечатана типография этих газет. Этот акт послужил поводом для первого открытого столкновения между Временным Правительством и Военно-Революционным Комитетом.

Последний издал постановление об открытии типографии этих газет и возложил «почетную обязанность охранения революционных типографий от контр-революционных покушений» на солдат Литовского полка и 6-го запасного саперного батальона. Уже в 11 час. утра караул этих частей явился в типографию газет и принял на себя ее охрану. После этого печатание и распространение газет продолжалось.

Временное Правительство было уже бессильно бороться силой со столь вызывающим проявлением «анархии». Взамен того оно предприняло наконец довольно энергичную борьбу против Военно-Революционного Комитета и большевистской партии посредством приказов и постановлений. В ночь на 24 октября Временное Правительство обсуждало вопрос об аресте Военно-Революционного Комитета. На такую меру однако оно не решилось и ограничилось лишь возбуждением уголовного преследования против членов Комитета. Решено было также немедленно арестовать всех освобожденных участников событий 3—5 июля, которые после освобождения занимались «преступной агитационной деятельностью».

Столь же энергичную деятельность по части приказов проявил и штаб округа, руководимый полковником Полковниковым. Штабом были изданы приказы об отстранении всех комиссаров Петроградского Совета «впредь до утверждения их правительственным комиссаром», о воспрещении частям гарнизона выступать из казарм без приказа штаба округа, о доставке автомобилей в распоряжение штаба.

Все эти приказы были опубликованы 24 октября. Это были словесные упражнения, за которыми уже не чувствовалось никакой реальной силы. Это были акты уже агонизировавшей власти, тотчас парализованные энергичным контрвыступлением Военно-Революционного Комитета. Последний, узнав о ночных решениях Временного Правительства, выпустил следующее обращение:

К НАСЕЛЕНИЮ ПЕТРОГРАДА

Граждане.

Контр-революция подняла свою преступную голову. Корниловцы мобилизуют силы, чтобы раздавить Всероссийский с’езд Советов и сорвать Учредительное Собрание. Одновременно погромщики могут попытаться вызвать на улицах Петрограда смуту и резню.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов берет на себя охрану революционного порядка от контр-революционных и погромных покушений.

Гарнизон Петрограда не допустит никаких насилий и бесчинств. Население призывается задерживать хулиганов и черносотенных агитаторов и доставлять их комиссарам Совета в ближайшую войсковую часть. При первой попытке темных элементов вызвать на улицах Петрограда смуту, грабежи, поножовщину или стрельбу преступники будут стерты с лица земли.

Граждане. Мы призываем вас к полному спокойствию и самообладанию. Дело порядка и революции в твердых руках.

Военно-Революционный Комитет

24 октября 1917 года.

Как видим, Военно-Революционный Комитет заговорил языком власти. Очевидно, открытое столкновение между ним и корниловцами представляло вопрос ближайших часов.

Глава седьмая

Накануне восстания

Чувствуя необходимость опереться на какие-нибудь общественные силы в предстоящей борьбе, Временное Правительство решило обратиться к средоточию революционной демократии, пресловутому Предпарламенту (Временному Совету Российской Республики). 24 октября состоялось последнее заседание этого учреждения.

Мы остановимся подробнее на этом заседании, так как в нем, как в зеркале, отразилась борьба классов в России на рубеже Октябрьского восстания. На этом заседании глава правительства Керенский выступил с крикливой истерической речью, в которой были самые грозные слова, какие только можно придумать. Действия партии большевиков и примкнувших к ней масс или, как выразился сам оратор, «состояние известной части населения г. Петербурга» Керенский определил, как «состояние восстания». Он заявил, что действия большевиков «есть попытка поднять чернь против существую-

щего порядка, сорвать Учредительное Собрание и раскрыть фронт перед сплоченными полками железного кулака Вильгельма». Керенский пригрозил, что «группы и партии, которые осмелились поднять руку на свободную волю русского народа, угрожая одновременно с этим раскрыть фронт Германии, подлежат немедленной, решительной и окончательной ликвидации... Пусть население Петербурга знает, что оно встретит решительную власть». В заключение Керенский обратился к Предпарламенту со следующим требованием: «чтобы сегодня же в этом дневном заседании Временное Правительство получило от вас ответ, может ли оно выполнить свой долг с уверенностью в поддержке этого высокого собрания».

Итак, накануне победы пролетариата правительство наконец открыто заговорило о «состоянии восстания» «известной части населения Петербурга», т. е. рабочих и солдатских масс, направляемых единой организующей волей «революционного штаба», как правильно назвал Керенский Военно-Революционный Комитет.

Однако, несмотря на выкрики Керенского, машина Временного Правительства работала уже без привода. Это обнаружилось со всею ясностью на том же заседании Предпарламента. Перед лицом наступающего единым фронтом пролетариата и гарнизона столицы последнее заседание Совета Республики обнаружило состояние распада и внутренней борьбы, в котором находились правящие партии. Наиболее классово-сознательная группа организованной буржуазии — партия кадетов — спрятала на этом заседании свою старую вражду к Керенскому и поддерживающим его группам мелкобуржуазной демократии, которые в ее глазах уже давно были лишь «полубольшевиками». Она поняла, что если кому-нибудь еще удастся внести расстройство и разложение в ряды восставшего пролетариата, то только представителям «революционной демократии». И если Керенский готов выступить на защиту буржуазии с оружием в руках, то надо поддержать Керенского. Поэтому после речи Керенского партия кадетов предложила резолюцию, в которой обещала полную и безоговорочную поддержку Временному Правительству в его борьбе с большевиками. К формуле кадетов присоединилась

и полусоциалистическая «коммерческая демократия» — кооперативная группа, у которой «на языке» было то, что держали пока «в уме» более авторитетные представители «революционной демократии» — об'единение любой ценой с буржуазией в ее борьбе против пролетариата.

Однако отнюдь не вся буржуазия была солидарна с поведением кадетов. Другая влиятельная буржуазная группа Предпарламента — казачья фракция — сочла момент подходящим, чтобы свести счеты с правительством Керенского за «полубольшевизм» последнего. В своем заявлении в Предпарламенте она указала на то, «что Временное Правительство, проявив бездействие власти после этих событий, проявив наконец снова бездействие власти перед событиями, готовыми ныне совершиться, является виновным тем самым в попустительстве большевикам».

Итак, отказать в поддержке Керенскому, несмотря на всю его готовность выступить на этот раз против восставшего пролетариата с оружием в руках? На такой безумный шаг не решалась и казачья фракция. Она присоединилась к формуле кадетов и кооператоров, но сочла необходимым ясно указать Временному Правительству, какой цены она за это от него требует: «...в виду вышеизложенного и не желая проливать казачью кровь, как это было 3—5 июля, без уверенности, что Временное Правительство решило действительно раз навсегда покончить с большевистским движением и освободиться в своей политике от влияния циммервальдистов, казачья фракция заявляет, что готовые исполнить свой долг перед родиной и свободой казаки тем не менее требуют гарантий от правительства, что на этот раз никакое послабление большевикам допущено не будет».

Эта буржуазная группировка составляла, очевидно, прямой переход к той правой части буржуазии, не представленной в Предпарламенте, для которой «полубольшевик» Керенский был почти столь же ненавистен, как и чистые большевики.

Эта группа никакой поддержки Керенскому, конечно, оказывать не желала. У этих правых, по словам Керенского, «стратегический план состоял в том, чтобы сначала не препятствовать успеху вооруженного восстания большевиков,

а затем после падения ненавистного Временного Правительства быстро подавить большевистский «бунт». Таким образом должны были быть достигнуты наконец цели, поставленные корниловскому восстанию» [53].

Таким образом буржуазия перед Октябрем оказалась неспособной к единству действий. Вместе с тем дал трещину и союз между буржуазией и мелкобуржуазной демократией против большевиков, существовавший с первых дней революции вплоть до корниловщины. К Октябрю «наши противники, кроме того, были раздроблены, ибо «коалиция» кадетов с эсэрами и меньшевиками (меньшевики имели и в Петрограде и в Москве всего по 3% голосов) была до последней степени скомпрометирована среди трудящихся масс. Ни о каком *действительном* единстве эс-эров и меньшевиков с кадетами против нас не могло быть и речи в тот момент». (Л. XVI, 444).

Резкому разложению подверглась и сама мелкобуржуазная демократия, как это сказалось на описываемом заседании Предпарламента. Здесь «демократия» оказалась безнадежно расколовшейся на несколько враждовавших между собою групп. Из этих последних левые эс-эры готовились, по примеру большевиков, покинуть Предпарламент и высказались за недоверие к Временному Правительству, а интернационалистская группа Мартова старалась хотя бы своею оппозицией задержать руку контр-революционной буржуазии, замахнувшейся на пролетариат, в то время, как эс-эры-оборонцы примкнули к кадетам и кооператорам и вместе с последними обещали поддержку Временному Правительству в борьбе его с большевиками; но самую жалкую картину представляло поведение центрального ядра мелкобуржуазной демократии — меньшевиков группы Дана и эс-эровского центра. Эта группа, преобладавшая по своей численности, обнаружила полную растерянность. С одной стороны, и она хотела оказать полную поддержку правительству Керенского в борьбе его с пролетарской революцией, а с другой—старалась сохранить при этом «лицо» в глазах пролетариата.

В решающую историческую минуту эта группа оказалась даже не в состоянии выработать свою собственную формулу и согласилась принять за основу формулу Мартова, критико-

вавшую политику правительства. В результате после многочасовых межпартийных совещаний во время перерывов была выработана формула, с помощью которой меньшевики и эс-эры намеревались потушить разгоравшийся пожар пролетарской революции:

«1) Подготовляющееся в последние дни вооруженное выступление, имеющее целью захват власти, грозит вызвать гражданскую войну, создает благоприятные условия для погромного движения и мобилизации черносотенных контрреволюционных сил и неминуемо влечет за собою срыв Учредительного Собрания, новые военные катастрофы и гибель революции в обстановке паралича хозяйственной жизни и полного развала страны.

2) Почва для успеха указанной агитации создана, помимо об'ективных условий войны и разрухи, промедлением проведения неотложных мер, и потому прежде всего необходимы немедленный декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов и решительное выступление во внешней политике с предложением союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры.

3) Для борьбы с активным проявлением анархии и погромного движения необходимо немедленное принятие мер их ликвидации и создание для этой цели в Петрограде комитета общественного спасения из представителей городского самоуправления и органов революционной демократии, действующего в контакте с Временным Правительством».

В этой резолюции мелкобуржуазная демократия выказала себя решительным врагом пролетарской революции. Однако она обнаружила и полную неспособность найти какой-либо выход из создавшегося положения и даже об'единить свои собственные силы для борьбы с восстанием. Порицая большевиков, она в то же время обвиняла и правительство, в гибели буржуазной власти она видела «гибель революции», а спасти революцию от гибели, т. е. сохранить буржуазный характер власти, она хотела с помощью практических мер, украденных у большевиков: передачи земли крестьянам и заключения мира. Однако в «революционно-демократической» формулировке меры эти оказались обесцвеченными и охолощенными:

вместо немедленной конфискации помещичьей земли, немедленного захвата ее крестьянством, резолюция требовала лишь передачи земель в ведение земельных комитетов, даже не упоминая, что речь идет о помещичьих землях; вместо немедленного приступа к мирным переговорам резолюция требовала лишь «решительного выступления во внешней политике с предложением союзникам» и т. д. Своей резолюцией меньшевики и эс-эры намеревались оказать поддержку Временному Правительству и в то же время выказывали ему недоверие, так как для борьбы «с активным проявлением анархии», т. е. для выполнения важнейшей правительственной функции в момент восстания они создавали новый орган — «комитет общественного спасения», который должен был действовать лишь «в контакте» с Временным Правительством.

Резолюция эта может служить типичным образцом мелкобуржуазной политики. На рубеже решительного столкновения между старым и новым миром мелкобуржуазная демократия беспрерывно шаталась слева направо и справа налево, стараясь примирить буржуазию с революцией, а пролетариат—с буржуазной властью, пытаясь заставить историю продолжать топтаться на месте.

Но и такая резолюция, звучавшая скорее, как выражение недоверия правительству, нашла себе одобрение лишь у меньшинства Предпарламента: она была принята 123 голосами против 102 при 26 воздержавшихся.

Поздно вечером приведенная резолюция была представлена Керенскому делегацией социалистических групп Предпарламента в составе меньшевиков Дана и Скобелева и эс-эра Гоца. Керенский усмотрел в резолюции выражение недоверия правительству и заявил о намерении последнего выйти в отставку. Однако делегации, подкрепленной председателем Предпарламента эс-эром Авксентьевым, удалось убедить главу правительства, что резолюция не содержит в себе неодобрения правительства, хотя она «может быть, не совсем удачно редактирована». Керенский дал себя уговорить и остался на своем посту, но этот эпизод показывает, что накануне восстания Предпарламент вместо поддержки власти лишь усиливал общее разложение дружественных правительству группировок.

■

День 24 октября обе стороны еще посвящали последним приготовлениям к бою. Однако боевые схватки начались уже в этот день, а частью и раньше. Все юнкерские училища были приведены правительством в боевую готовность. Стоявший на Неве крейсер «Аврора», команда которого была на стороне большевиков, получил приказ от правительства выйти в море. В Зимний дворец — резиденцию главы правительства Керенского — был вызван женский добровольческий батальон, а на Дворцовой площади расположилась легкая артиллерия. Наряды юнкеров заняли правительственные учреждения, вокзалы и мосты. В виду тревожного настроения в городе, занятия в городских учреждениях были прерваны в 2½ часа дня. Чтобы помешать наплыву рабочих масс и гарнизонных частей с окраин в центральные части столицы, правительство отдало приказ о разведении мостов. Наконец только теперь. 24 октября, по распоряжению правительства были выключены все телефоны Смольного института, где заседал штаб революции — Военно-Революционный Комитет.

Готовился к бою и Военно-Революционный Комитет. В этот день он заседал непрерывно. Караулы Смольного были усилены ротой гвардии Литовского полка и ротой пулеметчиков с 24 пулеметами. Части столичного гарнизона были приведены в состояние боевой готовности следующим «предписанием № 1», разосланным от имени Военно-Революционного Комитета всем комиссарам и полковым комитетам: «Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов грозит опасность. Из окрестностей ночью контр-революционные заговорщики пытались вызвать юнкеров и ударные батальоны. Закрыты газеты «Солдат» и «Рабочий Путь».

Предписываем вам привести полк в положение боевой готовности и ждать дальнейших распоряжений. Всякое промедление или неисполнение приказа будет считаться изменой революции».

А в обращении, опубликованном во всеобщее сведение, Военно-Революционный Комитет заявил: «Военно-Революционный Комитет руководит отпором натиску заговорщиков. Весь гарнизон и весь пролетариат Петрограда готовы нанести вра-

гам народа сокрушительный удар». В этом же обращении Военно-Революционный Комитет предписывал:

«1) Все полковые, ротные и командные комитеты, вместе с комиссарами Совета, все революционные организации должны заседать непрерывно, сосредоточивая в своих руках все сведения о планах и действиях заговорщиков.

2) Ни один солдат не должен отлучаться без разрешения комитета из своей части.

3) Немедленно прислать в Смольный институт по два представителя от каждой части и по пяти от каждого районного совета.

4) Обо всех действиях заговорщиков сообщать немедленно в Смольный институт.

5) Все члены Петроградского Совета и все делегаты на Всероссийский с'езд Советов приглашаются немедленно в Смольный институт на экстренное заседание».

Чтобы помешать правительству стянуть в столицу контрреволюционные войска, Военно-Революционный Комитет разослал через радио-станцию крейсера «Аврора» всем гарнизонам, охраняющим подступы к Петрограду, следующее «постановление»:

«1) Гарнизон, охраняющий подступы к Петрограду, должен быть в полной боевой готовности.

2) На вокзалах должна быть усиленная охрана.

3) Не допускать в Петроград ни одной войсковой части, о которой не было бы известно, какое положение она приняла по отношению к нынешним событиям. Навстречу каждой части надо высылать несколько десятков агитаторов, которые должны выяснить им, направляющимся в Петроград, что их желают натравить на народ.

Корниловские эшелоны, если таковые не подчинятся увещаниям, должны быть задержаны силой. Надо действовать строго и осторожно и, где окажется нужным, применить силу.

О всех передвижениях войск немедленно сообщать в Смольный институт в Петрограде, Военно-Революционному Комитету, и присылать туда представителей из местных советов и полковых комитетов для установления связи. Советам необходимо беспрерывно заседать» [54].

Еще накануне, 23-го числа, гарнизон Петропавловской крепости после митинга, проведенного Троцким, перешел на сторону Военно-Революционного Комитета и принял комиссара последнего. При этом, кроме важного стратегического пункта, Военно-Революционный Комитет получил в свое распоряжение около 100 тысяч винтовок, находившихся в арсенале крепости. В течение 24 октября производилась раздача винтовок из этого крепостного арсенала красной гвардии и присоединившимся к Военно-Революционному Комитету воинским частям.

Уже 24 октября Военно-Революционному Комитету пришлось открыть и прямые военные действия против Временного Правительства. Чтобы парализовать действие правительственного приказа о разведении мостов, Военно-Революционный Комитет разослал по городу свои отряды с предписанием охранять мосты, а разведенные снова навести. На телефонную станцию был послан комиссар Военно-Революционного Комитета, после чего телефоны Смольного были снова включены. В 5 часов дня комиссары Военно-Революционного Комитета заняли телеграф, а в 9 часов вечера — Петроградское телеграфное агентство. Из Гельсингфорса условной телеграммой были вытребованы воинские отряды в Петроград для поддержки восстания.

Действия приказов Военно-Революционного Комитета, препятствующих мобилизации верных правительству частей, сказалось немедленно. Так «самокатчики, охранявшие Зимний дворец с июля месяца, когда они были вызваны с фронта, в 4 часа дня 24 октября снялись с караула и заявили, что далее вести охрану дворца они не будут. 3-й самокатный батальон, вызванный Временным Правительством с фронта, остановился на ст. Передольской и телеграфно запросил раз'яснений Петроградского Совета, так как он не знает, для чего его вызвали. Петроградский Совет послал батальону братский привет и предложил задержаться и выслать в Петроград представителей.

По требованию Петергофского Совета вызванные Временным Правительством в Петроград юнкера созвали совещание; произошел раскол: отправилось всего 175 чел., которые по дороге были задержаны Военно-Революционным Комите-

том. Ряд частей, вызванных правительстовм с северного фронта, отказался выступить и остался на местах»[55].

В некоторых частях, а также на крейсере «Аврора» были арестованы офицеры, настаивавшие на верности Временному Правительству.

Глава восьмая

Восстание 25 октября

В ночь на 25 октября глава правительства Керенский судорожно метался в поисках «верных правительству» частей, которые можно было бы двинуть на Петроград с фронта с целью раздавить восстание. В первую голову в ночь на 25 октября был дан телеграфный приказ казачьему генералу Краснову двинуть в Петроград третий конный корпус, тот самый, который за два месяца до того был послан на Петроград Корниловым с целью ареста Временного Правительства и самого Керенского. Этот приказ, для большей убедительности, был подписан, помимо Керенского, также председателем союза казачьих войск Грековым.

Но, кроме царского генерала Краснова, Керенский обратился за помощью и поддержкой в вооруженной борьбе с пролетариатом к официальным представителям мелкобуржуазной демократии. Он не ошибся в своих ожиданиях. Эти представители дали ему в полной мере поддержку, насколько умели и как умели. В частности, от имени президиума ЦИК'а была сделана попытка вызвать войска с Северного фронта через посредство комиссара фронта меньшевика Войтинского. Вот что рассказывает об этом Суханов:

«В ночь на 25-е (октября. *С. А.)* по прямому проводу с Войтинским беседовал Гоц. Он требовал немедленной посылки надежной армии против большевиков. Войтинский не был достаточно осведомлен о положении дел в Петербурге. И он спрашивал, дается ли приказ от имени ЦИК'а. Гоц попросил подождать, пока он переговорит с кем надо (с Даном, Авксентьевым, Скобелевым). Через несколько минут Гоц

заявил по прямому проводу, что приказ дается именем президиума ЦИК'а. Войтинский немедленно стал действовать. Но возможностей у него было немного, выбора в сущности не было. Очень скоро для него «свет клином сошелся» на том же казачьем корпусе верного царского слуги Краснова. Обо всем этом через несколько лет после событий мне рассказывал сам Войтинский» [56].

И в дальнейшем мы не раз еще встретимся с таким же поведением мелкобуржуазной демократии, в частности, меньшевиков и эс-эров, в решающие моменты Октябрьского переворота. В то время как мелкобуржузные массы в лице политически активной части столичного гарнизона и Балтийского флота, отдав себя под руководство пролетариата, вместе с последним совершали Октябрьскую революцию и явились решающим фактором ее успеха, недавние вожди этих масс—партии мелкобуржуазной демократии, за исключением левых своих крыльев — взяли на себя дело буржуазии, дело подавления пролетарской революции силой оружия.

Несмотря на все усилия, Керенскому так и не удалось раздобыть сколько-нибудь серьезной военной силы для защиты Временного Правительства. Войска с фронта так и не успели подойти к столице, в значительной мере благодаря тому, что Военно-Революционным Комитетом были разосланы им навстречу агитаторы, раз'яснившие солдатам сущность начавшейся борьбы. А из сотен тысяч петроградского гарнизона Временному Правительству удалось стянуть к Зимнему дворцу, где оно собралось в последний день своего существования, лишь несколько жалких отрядов. Состав этих отрядов дополняет классовую характеристику сил, столкнувшихся между собой в момент Октябрьской революции. Здесь мы находим, во-первых, юнкеров нескольких военных училищ, т. е. будущих офицеров, в большинстве дворянских или буржуазных сынков; кроме них, защищать Зимний дворец явились лишь кое-какие деклассированные, выбитые из своей социальной колеи элементы армии, в роде женского батальона или отряда инвалидов. Даже три казачьих полка после долгих и нудных переговоров в конце концов отказались защищать Временное Правительство.

В ночь на 25 октября Военно-Революционный Комитет приступил к решительным действиям. Посланные им отряды продолжали захватывать вокзалы и мосты. В 7 часов утра отрядом Кексгольмского полка была занята телефонная станция, после чего были выключены телефоны Зимнего дворца и правительственного штаба округа, чем деятельность последнего была совершенно парализована. Между тем глава правительства Керенский, вызвав в Зимний дворец членов правительства, в течение ночи несколько раз переходил из дворца в штаб округа и из штаба обратно во дворец, непрерывно давая распоряжения об отправке в Петроград новых эшелонев для подавления восстания и осведомляясь о движении уже выступивших. Однако эшелоны никак не могли добраться до столицы. Около 10 часов утра Керенский передал свои полномочия министру Коновалову, а сам в сопровождении нескольких офицеров выехал на двух автомобилях через Гатчину в Псков навстречу вызванным им отрядам.

В 10 часов утра Военно-Революционным Комитетом было выпущено следующее историческое воззвание:

„К ГРАЖДАНАМ РОССИИ

Временное Правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов — Военно-Революционного Комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ—немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского Правительства — это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян.

Военно-Революционный Комитет
при Петроградском Совете Рабочих
и Солдатских Депутатов».

25 октября 1917 г. 10 час. утра.

Это воззвание однако в известной мере предупреждало события. Временное Правительство формально еще не было низложено. Оно находилось в Зимнем дворце и продолжало вести переговоры со ставкой по тайному проводу. Оно распоряжалось окружавшими его юнкерами и даже продолжало свою административную деятельность в узком кругу оставшихся у него в подчинении властей. Так, на члена правительства кадета Кишкина были возложены диктаторские полномочия по водворению порядка в столице. Кишкин проявил свою власть, убрав с должности главнокомандующего округом полк. Полковникова за бездеятельность и передав эту должность ген. Багратуни. Временное Правительство составило обращение к населению и к фронту с призывом о помощи. Однако все это были уже акты правительства, власть которого распространялась лишь на территорию Зимнего дворца. Сверх того, все это были акты почти исключительно «мирного» характера. Единственной, хотя весьма жалкой попыткой оказать вооруженное сопротивление восстанию было движение небольшого отряда юнкеров по инициативе и под начальством правительственного комиссара фронта эн-эса Станкевича, двинувшегося очищать от большевиков телефонную станцию. Станкевич однако отдал своим юнкерам приказ не стрелять и после безуспешной попытки убедить занимавший станцию отряд Военно-Революционного Комитета уступить свое место юнкерам последние вынуждены были отступить обратно к Зимнему дворцу под насмешки отряда.

Тем временем Военно-Революционный Комитет продолжал беспрепятственно занимать важнейшие пункты столицы.

Около 1 часу дня одним из его отрядов был занят Мариинский дворец, где собрались в ожидании очередного заседания члены Предпарламента; последним было предложено разойтись. К 7 часам вечера был занят штаб округа; теперь Зимний дворец с заседавшими его немногочисленными защитниками оказался обложенным со всех сторон.

Среди этих последних защитников Временного Правительства царила растерянность и дезорганизация. Дух «керенщины» витал над последними часами Временного Правительства. Не надеясь на своих защитников, оно ждало спасения

исключительно от подхода ожидаемых отрядов с фронта. Поэтому, вместо того чтобы руководить своей собственной обороной и дать определенные директивы защищавшим его частям, оно предоставило им свободу действий; при первых признаках паники среди них оно предоставило им даже решение вопроса: оставаться ли им во дворце или уйти обратно в свои казармы. Таким образом дворец покинул артиллерийский взвод Константиновского училища, за ним — казаки, «старики», потом — юнкера-ораниенбаумцы; вечером была отрезана и взята в плен во время вылазки к главному штабу рота женского батальона смерти. Отдельные «защитники» удирали и поодиночке, точно крысы с тонущего корабля.

В 8 час. 30 мин. вечера Временному Правительству был вручен ультиматум с предложением сдаться, оставленный правительством без ответа. Тогда с крейсера «Аврора», стоявшего на Неве против дворца, и с Петропавловской крепости, занятой отрядом Военно-Революционного Комитета, было дано по направлению дворца несколько холостых орудийных выстрелов, после чего между осаждавшими Зимний дворец и его защитниками завязалась ружейная перестрелка. В дальнейшем с верков Петропавловской крепости дворец был обстрелян и орудийным огнем. К ночи внутрь Зимнего дворца стали просачиваться группы солдат Военно-Революционного Комитета и разоружать защищавших его юнкеров. К двум часам ночи на 26-е октября был занят таким образом весь Зимний дворец, и находившееся в одном из его зал Временное Правительство было арестовано и отправлено в Петропавловскую крепость.

Глава девятая

Установление советской власти. II Всероссийский с'езд Советов

Уже в то время, когда отряды Военно-Революционного Комитета продолжали систематический захват территории столицы, началась организация новой власти, власти советов. Военно-Революционный Комитет должен был прежде всего

отчитаться перед той организацией, которая его создала и снабдила полномочиями, как штаб пролетарской революции,— перед большевистским Петроградским Советом.

В 2 часа 35 минут дня, когда Временное Правительство еще заседало в Зимнем дворце, началось заседание Петроградского Совета, на котором выступили — Ленин и Троцкий. Заседание было открыто речью Троцкого.

«От имени Военно-Революционного Комитета об'являю, — были первые слова этой речи, — что Временное Правительство больше не существует. Отдельные министры подвергнуты аресту. Другие будут арестованы в ближайшие дни или часы».

Вслед затем выступил впервые открыто после 3½ месяцев подполья Ленин.

Он произнес свою речь «Об октябрьской революции», к сожалению, не сохранившуюся для нас полностью в виду того, что происходившее в часы величайшей революции заседание Петроградского Совета не стенографировалось.

В очень кратком и неудовлетворительном хроникерском изложении эта речь была напечатана в «Известиях Петербургского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» и оттуда перепечатана в собрании сочинений Ленина в качестве первой статьи XV тома.

В этой речи Ленин еще раз развил перед важнейшим из местных советов ту программу пролетарской революции, которую он неоднократно намечал в течение всего февральского периода.

Вот главнейшие пункты этой программы:

1. «Осуществление лозунга «вся власть советам».

«Какое значение, — спрашивает Ленин, — имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего значение этого переворота состоит в том, что у нас будет советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создают власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

2. «Мир народам» («Задачи революции», Л. XIV, 2, 125).

«Одной из очередных задач наших является немедленная ликвидация войны. Но для того, чтобы окончить эту войну, тесно связанную с нынешним капиталистическим строем, ясно всем, что для этого необходимо побороть самый капитал».

Провозглашение этого лозунга, призыв народов к миру в то время, когда война еще не была «закончена», когда империалисты обоих лагерей еще надеялись на победу, означало об'явление войны международному империализму. А программа этого мира, мира «без аннексий», с полным правом самоопределения народов, «вплоть до отделения», заключала уже в себе основу национальной политики Октябрьской революции, которая должна была навсегда покончить с буржуазной «великодержавностью» всякого рода, которая должна была показать всем угнетенным народам, всем колониальным рабам европейского и американского капитала ясный путь к освобождению.

3. «Земля трудящимся», т. е. конфискация помещичьей земли без выкупа и передачи ее крестьянству.

«Мы приобретаем доверие со стороны крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность. Крестьяне поймут, что только в союзе с рабочими спасение крестьянства».

В этом пункте было намечено завершение буржуазной революции, дополнение ее революцией крестьянской, поддержанной пролетариатом. Эта крестьянская революция должна была обеспечить пролетариату, поднявшему знамя гражданской войны против буржуазии, союз с крестьянством, а следовательно, и победу.

«В России мы должны сейчас заняться постройкой пролетарского социалистического государства. Да здравствует всемирная социалистическая революция», — так заканчивалась эта речь, намечавшая пути нового периода человеческой истории.

Последним оратором на этом заседании выступил Зиновьев, приветствовавший восстание и «начинающуюся отныне социалистическую революцию». Его выступление означало ликвидацию разногласий в среде большевистской партии, вспыхнувших накануне восстания. Как мы увидим ниже, разногласия эти были ликвидированы лишь на несколько

дней. Они вспыхнули снова в первый же критический момент новой революции и частью были представлены теми же лицами.

В заключение заседания была принята резолюция, в которой констатировалась победа пролетариата и гарнизона Петрограда и намечалась ленинская программа революции.

Необходимо отметить выступление на этом заседании меньшевистской фракции Совета в лице Вайнштейна, Бройдо и Либера, заявивших, что эта фракция «слагает с себя всякую ответственность за гибельные последствия заговора и, в согласии с ЦК РСДРП, заявляет о своем уходе из состава президиума и Исполнительного Комитета Совета».

Поздно вечером, в 10 час. 45 мин., был открыт представителем старого ЦИК'а Даном II Всероссийский с'езд Советов. В дальнейшем на нем председательствовал второй представитель предоктябрьской партийной «оппозиции» Каменев, констатируя тем самым полное присоединение оппозиции к общепартийной линии в отношении восстания. К моменту открытия на с'езд прибыло 562 делегата, распределившиеся по партиям следующим образом: 382 большевика, 31 беспартийных, сочувствующих большевикам, 70 левых эс-эров, 5 анархистов, 15 об'единенных интернационалистов, 30 меньшевиков-интернационалистов, 21 меньшевик-оборонец, 7 национальных социал-демократов, 36 эс-эров центра, 16 правых эс-эров, 3 национальных эс-эра. Таким образом большевики имели 68% всех голосов, а вместе с сочувствующими и левыми эсэрами — 86%. Оказавшись в ничтожном меньшинстве, меньшевики и правые эс-эры еще до открытия с'езда, на фракционных совещаниях, решили уйти со с'езда. По открытии с'езда эти партии, а также представители фронтовой группы и «Бунда» выступили с внеочередными протестами против произведенного большевиками выступления и захвата власти и затем ушли со с'езда.

В дальнейшем уходят со с'езда также меньшевики-интернационалисты (группа Мартова) и поалейционисты. Надо отметить, что большинство с'езда все же оказалось настроенным довольно примирительно в отношении «революционной демократии», и предложение Мартова — обсудить в первую

очередь вопрос о мирном разрешении создавшегося кризиса— было принято единогласно.

С'езд провозгласил советскую власть и выпустил обращение к рабочим, солдатам и крестьянам, в котором извещал о перевороте, о переходе к советам всей власти на местах, излагал программу советской власти и призывал всех к противодействию «корниловцам — Керенскому, Каледину и др.», которые «делают попытки вести войска на Петроград».

На следующий день, 26 октября, в 9 час. вечера, открылось второе и последнее заседание II с'езда Советов. На нем прежде всего был принят единогласно декрет о мире, после чего собрание устроило овацию Ленину. Вторым был принят декрет о земле, отменявший частную собственность на землю без выкупа и передававший все помещичьи, удельные, монастырские и церковные земли со всем живым и мертвым инвентарем, постройками и принадлежностями в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов.

Вслед затем с'езд перешел к вопросу об организации власти в стране. Еще в течение дня большевики сделали фракции левых эс-эров предложение войти в состав формируемого правительства. Однако левые эс-эры отвергли это предложение и приняли резолюцию, в которой содержались между прочим следующие пункты:

«1. Указать большевикам на необходимость образовать министерство в согласии с группами революционной демократии, ушедшими со с'езда. 2. Если переговоры с этими группами ни к чему не приведут, поддерживать большевистское министерство, не входя в него, но и не отказываясь от технической работы... 4. Обеспечение созыва Учредительного Собрания». То же предложение об образовании правительства с участием социалистических партий было ими сделано на с'езде. К нему присоединились и об'единенные социал-демократы-интернационалисты (группа газеты «Новая Жизнь»). Между тем, большевистской фракцией, в виду отказа левых эс-эров, еще днем было постановлено, по предложению В. И. Ленина, образовать правительство чисто большевистского состава. Постановление с'езда гласило:

«Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного Собрания, Временное Рабочее и Крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров».

В состав этого первого Совнаркома были избраны исключительно члены партии большевиков, а именно:

Председатель Совета Народных Комиссаров—В. И. Ульянов (Ленин).

Народный Комиссар по внутренним делам—А. И. Рыков.

Народный Комиссар земледелия—В. П. Милютин.

Народный Комиссар труда—А. Р. Шляпников.

По делам военным и морским—Комитет в составе: В. А. Овсеенко (Антонов), Н. В. Крыленко и Дыбенко.

По делам торговли и промышленности—В. П. Ногин.

Народного просвещения—А. В. Луначарский.

Финансов—И. И. Скворцов.

По делам иностранным—Л. Д. Бронштейн (Троцкий).

Юстиции—Г. И. Оппоков (Ломов).

По делам продовольствия—И. А. Теодорович.

Почт и телеграфа—Н. П. Авилов (Глебов).

Председатель по делам национальностей—И. Б. Джугашвили (Сталин).

Пост народного комиссара по делам железнодорожным временно оставлен незамещенным.

После образования правительства с'езд избрал новый Центральный Исполнительный Комитет в составе 100 членов, из которых было 70 большевиков, остальные — представители левых эс-эров и других партий, оставшихся на с'езде. При этом было постановлено, что ЦИК может быть пополнен представителями непредставленных на с'езде, а также ушедших со с'езда организаций. В 5 часов утра 27 октября с'езд был об'явлен закрытым.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПОБЕДА ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Поход Керенского на Петроград

Победа пролетарского восстания в Петрограде еще не решала дела окончательно. Буржуазия не могла и не хотела примириться с падением своей политической власти и потому непосредственно вслед за победой пролетарской революции начинается борьба буржуазии против вновь организовавшейся советской власти в форме *гражданской войны*.

Однако Октябрьское восстание обнаружило огромную, непреодолимую силу массового движения против буржуазной власти. Поэтому непосредственно вслед за восстанием всякая попытка буржуазии взять открыто в собственные руки дело подавления пролетарской революции была, очевидно, обречена на неудачу так же точно, как попытка монархистов спасать царский режим непосредственно вслед за Февральским переворотом.

Таким образом после свержения власти Временного Правительства в Петрограде мы на первых порах нигде в стране не наблюдаем сколько-нибудь серьезных попыток к вооруженной борьбе с пролетарской революцией ни со стороны цензовой буржуазии и ее политической представительницы—партии кадетов, ни со стороны контр-революционной военщины, монархического офицерства, представлявшего интересы помещиков и буржуазии в армии. Буржуазия на первых порах вообще предпочитала передать дело вооруженной борьбы за восста-

новление буржуазной власти в социалистические руки. Сама же она предпочитала уйти в подполье и заняться исподволь подготовкой классовой вооруженной силы для свержения большевиков в будущем.

Так, уже 2 ноября в Новочеркасск, столицу калединского царства, прибыл генерал Алексеев и приступил к формированию «добровольческой армии» из офицерства и казачества для борьбы с советской республикой.

Таким образом непосредственно вслед за Октябрьским переворотом роль организаторов вооруженного подавления пролетарской революции *взяло на себя правое крыло социалистической демократии, об'единившееся с Керенским или властями Временного Правительства на местах.*

Как мы видели, утром 25 октября Керенскому удалось выехать из Петрограда на автомобиле навстречу войскам, вытребованным им с фронта для подавления восстания.

Никаких войск однако он не встретил вплоть до Пскова, где находился штаб северного фронта и куда Керенский прибыл в 9 часов вечера 25 октября, еле избегнув ареста по дороге, в Гатчине.

В Пскове уже действовал местный военно-революционный комитет. Появление пролетарской власти вызвало разложение в среде буржуазных властей. Главнокомандующий северным фронтом генерал Черемисов счел момент удобным для того, чтобы выдвинуть свою кандидатуру на пост верховного главнокомандующего. Он вступил в сношения с военно-революционным комитетом и по требованию последнего являлся на его заседания для дачи об'яснений. Еще до прибытия Керенского он отменил приказ последнего о движении воинских частей в Петроград для подавления восстания. Однако, не будучи уверен, кто победит, он не решался открыто перейти на сторону новой власти. Во всяком случае, когда Керенский прибыл в Псков, то Черемисов отказал ему в поддержке, но все же предоставил ему возможность вступить в сношения с казачьим генералом, корниловцем и монархистом Красновым. Последний состоял командиром того самого третьего конного корпуса, который за два месяца до того был послан восставшим против Временного Правительства генералом Корниловым

в Петроград для усмирения революционного столичного пролетариата и гарнизона, для «расчистки» столицы от большевиков и для ареста Временного Правительства и самого Керенского.

Теперь, найдя Керенского в Пскове, Краснов решил оказать ему поддержку для подавления большевистского восстания в Петрограде.

Он понимал, что если уже тогда, в августе, чистая корниловщина оказалась бессильной раздавить большевизм, то теперь, в октябре, тем более необходимо было погуще закрасить эту корниловщину в «социалистические» и даже «полубольшевистские» тона керенщины.

Знаменательно, что во всей армии Керенскому так и не удалось добыть иных воинских частей для подавления пролетарского восстания в столице, кроме этого 3-го конного корпуса, использованного Корниловым. Это обстоятельство, может быть, всего нагляднее показывает, что движение Керенского на красный Петроград было не чем иным, как новой корниловщиной.

Неудачи стали преследовать Керенского с самого начала его похода. Но неудачи эти отнюдь не были случайностями. Напротив, в них можно видеть совершенно определенный классовый смысл.

Неудачей было уже то, что с Керенским пошел как-раз 3-й конный корпус, участвовавший в корниловском мятеже. «Участие в корниловском походе, — говорит об этом сам Керенский, — сильно понизило «дух» корпуса, разрушило в значительной степени военную дисциплину *и поселило глубокое недоверие к офицерству в строевом казачестве.* Офицеры же в свою очередь никак не могли примириться с крахом корниловского начинания и ненавидели всех его противников, в особенности, конечно, меня» [57]. Вот в чем была беда Керенского: защищая всей своей политикой дело буржуазии и в то же время потрясая воздух «революционными» и «демократическими» фразами, Керенский потерял опору с обеих сторон: для офицерства он был «полубольшевик», которому они с крайней неохотой оказывали помощь для подавления настоящих большевиков и которого при первом удобном случае они желали

заменить новым Корниловым. А солдатские массы давно перестали верить звонким фразам, и даже строевое казачество, наученное опытом «генеральского бунта» (корниловщины), уже начинали понимать, что Керенский, об'единяющийся с офицерством, по существу есть тот же корниловец.

Из Пскова Керенский с Красновым поздно ночью на 26 октября выехали в Остров, где были расположены части красновского 3-го корпуса и где необходимо было погрузить их в вагоны, чтобы затем по железной дороге двинуться на Петроград. В Острове быстро выяснилось, что солдаты местного гарнизона—за большевиков, а не за Керенского. «Не успели мы в'ехать в Остров, как стали уже кругом поговаривать о том, что местный гарнизон решил прибегнуть к силе, дабы не выпустить казаков из города. Постепенно вокруг самого здания штаба 3-го корпуса скапливалась, все разрастаясь, солдатская толпа, возбужденная и частью вооруженная» [58].

Если верить Краснову, которому едва ли есть основания преувеличивать силу разложения «своих» казаков, враждебное отношение к Керенскому проявляли не только солдаты, но и казаки тех полков, которым предстоял поход на Петроград. Перед походом Керенскому захотелось испытать силу своего красноречия; по его приказу — как повествует Краснов — были собраны дивизионные и полковые комитеты, перед которыми он выступил с речью. Выступление это прошло не совсем благополучно. «Передние ряды были заняты комитетом 1-й донской казачьей дивизии, бравыми казаками, на лицах которых было только любопытство и никакого озлобления. Совершенно иначе был настроен комитет уссурийской дивизии, и особенно представители амурского казачьего полка, в котором было много большевиков... Когда Керенский кончил, раздались довольно жидкие аплодисменты. И сейчас же раздался полный ненависти голос урядника-амурца. «Мало кровушки нашей солдатской попили. Товарищи. Перед вами новая корниловщина. Помещики и капиталисты... Это дело замышляется против народа».

А в толпе солдат, собравшейся вокруг дома, где ораторствовал Керенский, говорили так: «Большевики за дело стоят... Солдату что нужно? Мир. А он опять о войне завел шар-

манку»... «Схватить его и предоставить Ленину, — вот й все»[59].

Около 10 часов утра 26 октября воинские поезда на островском вокзале были наконец готовы к нагрузке.

«Наши автомобили, — повествует Керенский, — пошли к станции, конвоируемые казаками, напутствуемые ревом и угрозами разнузданной солдатчины»[60].

«Разнузданная солдатчина» всюду оказывалась против Керенского и Краснова. Классовая вражда крестьянина к помещику, «мужика» к «барину», рабочего к «буржую» на фронте приняла форму классовой вражды солдата к офицеру; за восемь месяцев Февральской революции она обострилась до крайней степени в силу того, что надевший офицерский мундир барин или буржуазный сынок стоял за войну, а взявший винтовку рабочий и крестьянин — за мир, барин — за «порядок», а мужик — за землю, барин — за «дисциплину», а мужик — за «свободу». И теперь эта классовая ненависть серой шинели к золотым погонам была перенесена и на Керенского и возглавляемое им Временное Правительство, которое, об'единившись с офицерством, отстаивая дело буржуазии, дело помещика, и выступило против большевиков, защищавших интересы рабочего и крестьянина.

Для погрузки Керенскому и Краснову удалось найти только десять казачьих сотен неполного состава, — всего 700 сабель. И с этой «армией» славные полководцы решились выступить против красной столицы со многими тысячами красной гвардии и матросов, с сотнями тысяч враждебного Керенскому гарнизона.

Но даже из этих 10 сотен Краснов около половины должен был оставить в Острове с приказом — двинуть их на Петроград вслед за его от'ездом. Однако сделать это оказалось не так просто. Бывший эс-эр Семенов рассказывает, что после Октябрьского переворота он выехал из Петрограда к фронту с целью организовать военную силу и двинуть ее против большевиков на Петроград. Получив от Войтинского назначение комиссаром красновского 3-го конного корпуса, он отправился в ночь на 27-е в штаб корпуса в Остров. Здесь он узнал, «что командир уезжая оставил боевой приказ — двинуть

и остальные части корпуса, но что сотни, которые согласно приказу должны быть двинуты в первую очередь, не хотят итти, отказываясь выступить против петроградских рабочих» [61].

Семенову пришлось развить агитацию среди казаков в пользу выступления, после чего удалось отправить на Гатчину в подкрепление сил Керенского-Краснова четыре сотни.

Путь отряда, двинувшегося на Петроград вместе с Керенским и Красновым, был не совсем гладок.

Прежде чем прибыть в Гатчину, где предполагалось начать операции против большевиков, необходимо было проехать через Псков, где «разнузданная солдатчина» также грозила всевозможными осложнениями.

«Зная настроение псковского гарнизона, — говорит Краснов, — и то, что, конечно, из Острова уже дали знать в Псков, что с казаками едет Керенский, я приказал Коршунову вести поезд, нигде не останавливаясь... и Псков пассажирский и Псков товарный проскочить полным ходом, — и не напрасно... На станции Псков — громадная, в несколько тысяч, толпа солдат. Наполовину вооруженная. При приближении поезда она волнуется, подвигается ближе... Поезд ускоряет ход, и станция, забитая серыми шинелями, уплывает за нами».

На рассвете 27 октября поезд пришел на ст. Гатчина-товарная. Отсюда Гатчина была занята без всякого сопротивления.

Необходимо здесь отметить, что молодые красные части были в огромном большинстве крайне нестойки, и с ними легко справлялся численно во много раз слабейший противник. Победа Октябрьской революции при таких условиях об'ясняется огромным численным превосходством выставленных им боевых сил над силами контр-революции. Это дает еще одно доказательство того, что, несмотря на резолюции верхушечных слоев армии, огромное большинство ее уже в самый момент восстания стояло за большевиков. В частности, по описанию Краснова, в Гатчине дело происходило так:

«Разведка донесла, что на Балтийской железной дороге выгружается рота, только-что прибывшая из Петрограда, и матросы. Посылаю туда сотни и сам еду с ними. Казаки со

всех сторон забегают к станции. Видно, как рота выстраивается на перроне. Рота стоит развернутым строем, представляя собою громадную мишень. Я приказываю снять одно орудие с передков и ставлю его на путях. От пушки до роты — не более тысячи шагов. Человек восемь казаков енисейской сотни с тем же молодцом Коршуновым бегут к роте. Короткий разговор, и рота сдает ружья. Это—рота лейб-гвардейского измайловского полка и команда матросов».

«Пленных» Краснов обезоруживает и великодушно отпускает, «ибо... их 360 человек, а в моих трех сотнях едва наберется 200».

То же происходило и на Варшавской станции Гатчины:

«Ко мне под'езжает казак. Варшавская станция занята казаками. Взята в плен рота и 14 пулеметов. Что прикажете делать с пленными? — Обезоружить и отпустить. — Их некуда было девать и прятать, их нечем было кормить» [62].

Не оказал сопротивления и гатчинский гарнизон, хотя настроение его было явно враждебное по отношению к Керенскому и Краснову: на стороне Октябрьского восстания было сочувствие огромного большинства солдатской массы, но эта масса была еще совершенно невоспитана политически, не организована, она еще не находилась под длительным влиянием партии, и потому ее сочувствие было в общем лишь пассивным, в активное участие в восстании втягивалась лишь незначительная ее часть.

Однако и в такой форме настроение солдатской массы было одним из существенных факторов успеха Октябрьской революции, ибо при каждом шаге вперед Керенского и Краснова оно создавало им все более и более опасный враждебный тыл, который при малейшем повороте военного счастья мог выделить кадры активных врагов контр-революционного похода.

В Гатчине к Керенскому и Краснову должны были подойти подкрепления. Однако эти ожидания не оправдались. Правда, прибыло 4½ сотни двух казачьих полков да еще блиндированный поезд, но пехоты вовсе не было. Ожидавшиеся нерчинцы не подошли потому, что Черемисов оставил их в Пскове — «для охраны штаба фронта». Не один Черемисов,—и другие генералы саботировали приказы Керенского

и Временного Правительства, предпочитая выжидать, чья возьмет. Так, в Ревеле «начальник гарнизона отменил погрузку 13-го и 15-го донских полков «впредь до выяснения обстановки». Примерно таково же было поведение командира 17-го корпуса и начальников 37-й пехотной и 1-й кавалерийской дивизий — частей, которые также ожидались в Гатчине и также не прибыли. В самой Гатчине, — по словам Краснова, — «находилась школа прапорщиков, почти батальон молодых людей отнюдь не большевистского настроения. Но начальство ее выступить с нами отказалось» [63].

Однако главная причина, не позволившая Керенскому и Краснову сосредоточить в своих руках достаточную силу для подавления восстания, это — враждебное отношение «разнузданной солдатчины» к Керенскому и к предпринятому им походу. Эта причина оказывала свое действие и в тех случаях, когда верхи армии были настроены в пользу Керенского. «Солдатчиной» вместе с рабочими были во многих местах организованы, по примеру Петрограда, военно-революционные комитеты, которым нередко удавалось пресекать на месте же попытки военного начальства притти на помощь Керенскому. Так, в решающие дни 25—26 октября, когда Керенскому так важно было собрать большой кулак для быстрого и решительного удара по рабочей революции и когда ему так много повредил своей изменой главнокомандующий северным фронтом Черемисов, совершенно иначе оказался настроенным главнокомандующий западным фронтом генерал Балуев. Власть «большевиков» он считал «большим несчастьем для России... так как тогда будет анархия, и гибель России неизбежна». Поэтому он с негодованием отверг предложение «изменника» Черемисова об об'единении с последним и готов был оказать полную поддержку Керенскому на том основании, что «мы присягали Временному Правительству». Однако и у Балуева, по его собственному признанию, фронт был «главным образом большевистский», и прежде чем ему удалось послать войска на восставший Петроград, он сам уже 26 октября оказался арестованным караулом большевистски-настроенного 37-го полка [64]. Правда, вслед за тем он был освобожден по приказу ставки, но время уже было упущено, да и генеральская боевая

энергия подкопена. Забегая несколько вперед, отметим здесь, что 5 ноября тот же генерал Валуев был уже вынужден признать власть ненавистных ему военно-революционных комитетов: в телеграмме подчиненным ему командирам от указанного числа он призывает их «до установления новой власти в России и водворения порядка» не вступать «ни в какую политическую борьбу» и... «употребить все силы на то, чтобы удержать войска на фронте и без вызова Революционного Комитета не допускать самочинных перевозок и передвижений их, пользуясь для этого влиянием образовавшихся в армиях военно-революционных комитетов» [65].

В других случаях революционная инициатива солдатских масс сказывалась в том, что целые воинские части просто отказывались выполнять приказы начальства о выступлении против Петрограда. Так, стоявший в Режице броневой батальон «отказался грузиться». Начальник дивизиона капитан Артифексов «повел его походом». Но на пути солдаты взбунтовались. Ему пришлось двоих застрелить из револьвера и только этим спастись от своего дивизиона [66]. Приморский полк также обманул ожидания усмирителей, отказавшись выполнить приказ Краснова о выступлении. Даже и казаки были вовсе ненадежны. Так, 28 октября, уже в Царском, «к нам подошли три сотни 1-го амурского казачьего полка, но амурцы заявили, что «в братоубийственной войне принимать участие не будут», что они «держат нейтралитет», и отказались даже выставить заставы для охраны Царского Села и сменить усталых донцов [67].

Из многочисленного гарнизона Гатчины, разумеется, не оказалось ни одной части, которая согласилась бы пойти вместе с Керенским. Мало того, враждебное отношение солдатской массы не позволяло притти на помощь Керенскому и той части офицерства, которая еще могла и желала это сделать. По словам Краснова, «офицеры авиационной школы в Гатчине все были с нами, но боялись своих солдат и могли только дать два аэроплана, которые полетели в Петроград разбрасывать мои приказы «командующего армией, идущей на Петроград», и воззвания Керенского» [68].

Однако предпринятый поход необходимо было продолжать. Поэтому 28 октября, на следующий день после про-

шедшего так гладко занятия Гатчины, было решено занять и Царское.

Занятие Царского 28 октября произошло почти так же, как накануне—занятие Гатчины. Со стороны 16-тысячного гарнизона — почти поголовное сочувствие большевикам, но преимущественно пассивное, гарнизон оказывается неспособным дать сколько-нибудь энергичный отпор малочисленному казачьему отряду контр-революции.

Преодолев без труда сопротивление выдвинутых впереди Царского цепей, отряд Краснова к рассвету подошел к самому городу.

«Видны в конце шоссе ворота царскосельского парка. Там все кишит людьми. Весь гарнизон столпился у ворот. Если они откроют дружный огонь по нас, то моих казаков сметет... Но они не стреляют. Похоже, что там митинг. Дивизионный комитет (т. е. казачий. *С. А.)* садится на лошадей и едет вперед... Разговоры»... Так как «разговоры» затянулись, то к гарнизону поехал разговаривать сам Краснов:

«Господа, — говорю я им. — Не нужно кровопролития. Сдавайте оружие и расходитесь по домам».

Уговоры действуют однако не на всех. Часть солдат «упорствует», не сдает оружия и занимает угрожающее положение. Уговаривать отправляется сам Керенский.

«Керенский врезается в толпу колеблющихся солдат, стоявших в двух верстах от Царского Села. Автомобиль останавливается. Керенский становится на сиденье, и я опять слышу проникновенный истеричный голос... Завоевания революции... Удар в спину... Немецкие наемники и предатели...

Казаки-енисейцы (Краснова. *С. А.)* в'езжают в толпу и силой отбирают винтовки... Обезоруженные солдаты идут прямо полем к казармам» [69].

О том, что занятие Царского прошло чрезвычайно легко, свидетельствует и В. А. Вейгер-Редемейстер в статье «С Керенским в Гатчине» («Пролетарская Революция», № 9 (21) 1923 г.) «Керенский передал командование Краснову, — говорит он, — и тот, после предупреждения толпы, видневшейся впереди нас, распорядился об открытии огня. Было даже два орудийных холостых выстрела, — толпа рассеялась. Через

несколько минут из Царского явился парламентер, сообщивший, что полки, находящиеся там, сдают оружие... Прошло часа полтора, а из Царского несли и несли винтовки, складывавшиеся здесь же на шоссе» [70].

Царское было занято в намеченный день, 28 октября, однако не с утра, как рассчитывали Керенский и Краснов, а лишь к вечеру. Люди, бывшие в походе с 2 часов ночи, нуждались в отдыхе. Лошади «отупели, не имея отдыха». Поэтому Краснов решил отказаться от дальнейшего продвижения в ближайший день и назначил на 29 октября дневку в Царском.

Ожидания, что в этот день подойдут какие-нибудь подкрепления с фронта, так и не оправдались. Пехоты все не было. По словам Краснова, он пытался было, но безрезультатно «усилить до пределов возможного свой отряд за счет царскосельского гарнизона. Неужели из 16.000 солдат-стрелков не найдется хотя бы одной тысячи, которая согласилась бы пойти с нами? Я вызвал офицеров к себе. Они все были против большевиков и обещали повлиять на солдат. Начались митинги. Но резолюции были самые неутешительные. Солдаты обещали не вмешиваться в «братоубийственную» войну и держать полный нейтралитет. Я и этому должен был быть рад: по крайней мере, не ударят в спину» [71]. И Вейгер-Редемейстер свидетельствует о безрезультатности митингов среди гарнизона в Царском, в виду того, что «настроение как среди солдатской массы Царского Села, так и наших казаков начало выливаться в формулу: ни Керенского, ни Ленина [72].

Пехота не подходила, несмотря на огромное количество телеграмм, рассылавшихся Керенским в ставку и по фронтам, с требованием подкреплений. Правда, немалое количество воинских частей было действительно отправлено с фронта, и о продвижении их прибывало в отряд Керенского — Краснова немалое количество телеграмм, но груда телеграмм не могла заменить и одного взвода пехоты. Что происходило с двинутыми эшелонами в пути — об этом можно судить хотя бы по примеру 3-го самокатного батальона, вытребованного Керенским в Петроград еще заблаговременно, за неделю до восстания. На этот батальон, ожидавшийся в Петрограде как-раз во время восстания. возлагались Временным Правительством особые

надежды. Судьба его типична и для других частей, двинутых для подавления пролетарской революции в Петрограде, и поэтому мы остановимся на ней подробнее [73].

После неудачного июньского наступления батальон этот стоял на отдыхе близ Проскурова. На него, очевидно, были возложены особые надежды, так как за участие в боях во время отступления батальону было роздано Керенским 200 наград.

19—20 октября батальон был вытребован на ст. Дно. Дальнейшее назначение было неизвестно. Солдаты догадывались, что их хотят использовать для подавления рабочего восстания в столице в связи со II с'ездом Советов. Такая цель не встречала сочувствия среди солдат, которым политическое положение освещалось в беседах и собраниях находившимися в их среде тремя большевиками.

Вечером 20 октября батальон погрузился в два эшелона и двинулся в путь. «Настроение солдат в пути было выжидательное», однакоже среди них «шли разговоры о том, что ежели нас пожелают бросить на усмирение рабочих Петрограда, то этого не должно быть».

24 октября утром, прибыв на ст. Передольская, солдаты вышли из вагонов и потребовали собрания, которое и состоялось. На собрании говорил командир батальона, речь которого была «построена на угрозах батальону за большевистское настроение». Он просил доверять Временному Правительству, «иначе нас расформируют и часть могут расстрелять». Представитель комитета сообщил собранию, что Временному Правительству только-что послана телеграмма о том, что батальон стоит всецело на стороне правительства и по первому требованию станет его защищать. Присутствовавшие «не дали закончить речи, требуют основания для отправки такой телеграммы и оглашения ее общему собранию. После оглашения телеграммы постановили посланную телеграмму считать недействительной и сообщить в Смольный о присылке товарищей для доклада о текущем моменте».

Мы видим, насколько соответствовали действительности некоторые телеграммы о готовности поддержать Временное Правительство, полученные последним в эти дни. Составленные оборонческими комитетами или командирами, телеграммы

эти соответствовали лишь настроению своих авторов, а не массы, которая стояла за большевиков.

После собрания двинулись дальше, и утром 25 октября прибыли на ст. Новинка. Сюда со встречным поездом прибывают представители военно-революционных комитетов Петрограда и Царского Села. Быстро организуется собрание, на котором прибывшие представители «призывают самокатчиков стать на сторону II с'езда Советов, не подчиняться распоряжениям Керенского и без особого распоряжения Военно-Революционного Комитета дальше не двигаться». В этом духе и была составлена резолюция, принятая *единогласно*. «Выбираются делегаты (из большевиков и сочувствующих) на II с'езд Советов, и с первым поездом они отправляются в Петроград».

К утру 26 октября батальон, уже по распоряжению Крыленко, прибыл в Царское Село. Возвратившиеся из Петрограда делегаты на II с'езд Советов делают доклад о работах последнего. «Батальон весь на стороне решений II с'езда Советов».

27 вечером в Царском уже слышалась орудийная стрельба: в этот день, как мы знаем, отрядом Керенского—Краснова была занята Гатчина. «В это время в батальоне положение было неопределенное. Большинство командного состава было против переворота, а посему никаких не принимали мер к выяснению дальнейшего положения». Но вот пришел в Царское «первый эшелон с рабочими, матросами, солдатами и работницами из Петрограда для отражения наступающих казаков. С прибытием эшелона у самокатчиков загорелось желание стать вместе с рабочими в окопы и отбить Петроград».

Однако желание это было, очевидно, далеко от активности, и в конце концов один из эшелонов, захватив «силой оружия... находящийся на станции для маневрирования паровоз», отправился не против Керенского, а в Петроград. Второй же эшелон остался в Царском и «был захвачен казаками Керенского». Этих казаков, как мы знаем, было всего лишь несколько сотен, и они имели против себя большевистски настроенный 16-тысячный гарнизон Царского. При

таких условиях для успеха казаков Керенского против самокатчиков требовалось почти что собственное желание последних быть «захваченными».

Этому «захваченному» эшелону было приказано наступать на большевиков; однако самокатчики от этого отказались, «за исключением трех рядовых солдат и трех или четырех офицеров. За это были закрыты вагоны, отобраны 1.500 банок консервов, хлеб и часть оружия. Сопротивления со стороны самокатчиков оказано не было». Эшелон, ушедший в Петроград, Керенский пытался по телефону вытребовать обратно в Царское под страхом об'явления «вне закона» и «вплоть до расстрела», однако эти приказы значили уже не больше, чем приказы петроградскому гарнизону о выступлении *против* большевиков.

Судьба других частей, двинутых на подмогу Керенскому, если и не совпадала в подробностях с историей самокатчиков, то во всяком случае давала совершенно те же практические результаты: пехота не подходила к Керенскому — Краснову потому, что рабочий-солдат и крестьянин-солдат были об'единены в классовой солидарности с городским рабочим, поднявшим руку против барина и против буржуя.

Если пехота вовсе не желала подходить, зато Керенский получил «подкрепления» другого рода: в Гатчину приехали из Петрограда и с фронта многочисленные представители «революционной демократии», главным образом эс-эры, в числе которых были: Гоц, Фейт, Семенов, Вейгер-Редемейстер, даже «сам» Чернов; сюда же явились: Савинков, народный социалист Станкевич, меньшевик Войтинский и др. Все они старались так или иначе принять участие в подавлении победившей пролетарской революции. Однако у каждого из них был свой рецепт спасения. В этой разноголосице еще раз сказалось разложение мелкобуржуазной демократии под влиянием отрыва масс от вождей и победоносного хода Октябрьской революции. А самая эта разноголосица в свою очередь только усиливала внутреннее разложение в отряде Керенского—Краснова.

Такое разлагающее влияние исходило, например, от Савинкова, появившегося в отряде Краснова 27-го или на рассвете 28 октября, после взятия Гатчины и перед намечавшимся

занятием Царского Села, когда Керенский еще надеялся взять Петроград с наскока. Савинков немедленно по прибытии стал вести интригу против Керенского: последний казался Савинкову недостаточно решительным, и он не верил, чтобы Керенский сумел расправиться с большевиками так, как это хотелось Савинкову.

Как указывает комиссар 8-й армии Вендзягольский в своих неопубликованных воспоминаниях, цитированных Милюковым, Савинков имел несколько неприятных разговоров с Керенским, в которых указывал, что казаки ему не верят, боятся повторения истории 3—5 июля, и что его речи к ним производят неблагоприятное впечатление»[74]. Сам Савинков рассказывает следующее:

«Я заявил Керенскому, что не разделял и не разделяю его политики, что его пребывание у власти уже давно мне кажется губительным для России, что я боролся против него всеми законными средствами и что я готов бороться незаконными, ибо считаю его одним из виновников полного развала России»[75].

По словам бывшего эс-эра Семенова, Савинков в отряде Краснова находился в центре группы офицеров, враждебно настроенных в отношении Керенского и «конспирировавших» против него. А среди офицеров отряда постепенно зрела мысль об аресте Керенского[76]. Возможно, что мысль эта была не чужда и самому Савинкову. По крайней мере, такую мысль прямо ему приписывает ген. Краснов. По словам последнего, Савинков говорил ему: «Зачем вы допускаете сюда Керенского? Дело идет отлично. Оно будет сделано казаками. Казаки спасут Россию от большевиков, но спасителем себя выставит Керенский, и этот недостойный человек станет снова кумиром толпы»[77]. А в конце концов Савинков, как уверяет Краснов, прямо предложил последнему «убрать Керенского, арестовать его и самому стать во главе движения».

Впрочем, большинство других представителей революционной демократии, собравшихся вокруг Керенского в Гатчине, в роде эс-эров Гоца, Фейта, Семенова или меньшевика Войтинского, отнюдь не разделяли точки зрения Савинкова; подобно последнему они считали необходимым подавлецю

пролетарской революции силой оружия, но достичь этого они хотели как-раз через посредство Керенского и поставили себе целью всячески помогать последнему в этом деле. Они трусливо отворачивались от вывода, что поддержка Керенского сводилась теперь к поддержке генерала Краснова, монархиста и корниловца, что, кроме, как от этого царского генерала, им больше неоткуда ждать спасения «завоеваний революции» от покушений большевиков. Такое положение, создавшееся в Гатчине вокруг Керенского, метко очерчено Деникиным в его «Очерках русской смуты».

«И среди этого цвета революционной демократии—монархическая фигура генерала Краснова, который всеми своими чувствами и побуждениями глубоко чужд и враждебен всему политическому комплоту, окружающему его и ожидающему от его военных действий, спасения своего положения, интересов своих партий, демократического принципа, «завоеваний революции» и т. д.» [78].

Другую линию вел член ЦК эс-эров Чернов. Ночью 29 октября его партийный товарищ Вейгер-Редемейстер встретил в коридоре Гатчинского дворца Керенского, вышедшего из своего кабинета, где он разговаривал с Черновым. «А. Ф. (Керенский. *С. А.)* задержал меня,—говорит Вейгер-Редемейстер, — и, сильно волнуясь, спросил, как, по моему мнению, он должен поступить, если ЦК ведет политику неодобрения его действий. Зная в общем о воззвании ЦК ПСР от 26 и 27 октября, * я никак не мог предполагать, чтобы могло существовать еще и другое мнение, повидимому, разделявшееся Черновым и склонявшееся к мировой с большевиками. Однако это было так. А. Ф. Керенский сказал, что В. М. Чернов предлагает однородное социалистическое правительство, и потому, по его мнению, боевые действия едва ли уместны. Я воспользовался случаем... и указал, что в данном случае я, как заведующий гражданской частью, прежде всего отдал бы распоряжение об аресте Чернова» [79].

*** Воззвания эти, резко осуждающие большевиков, напечатаны в книге „Октябрьский переворот", сост. А. Попов под ред. Н. Рожкова. Пгд., 1918 г. Стр. 322, 324.**

Один эс-эр хочет арестовать другого эс-эра, при чем оба они принадлежат к руководящим партийным верхам — так перепутал карты мелкобуржуазной демократии решительный удар пролетарской руки в октябре. Это разложение «революционной демократии» пошло уже настолько далеко, что среди нее появились влиятельные группы, которые не только не оказывали помощи Керенскому, но, наоборот, связывали ему руки, требуя, подобно Чернову, прекращения гражданской войны и заключения мира с большевиками во имя соглашения «между всеми частями демократии». Особую известность приобрела в этом смысле позиция так называемого Викжеля (Всероссийский исполнительный комитет профессионального союза железнодорожников), на деятельности которого в дни после Октябрьского переворота мы еще остановимся ниже. Викжель пред'явил обеим борющимся сторонам ультиматум с требованием прекратить вооруженную борьбу и сделал распоряжение по железным дорогам о приостановке всяких перевозок войск за исключением оперативных (для фронта). Ультиматум этот был передан 29 числа Керенскому явившейся к нему депутацией Викжеля и вызвал его крайнее возмущение.

В то время, как верхи «революционной демократии» проводили день 29 октября в Гатчине и Царском в изложенных переговорах, в «низах», среди казачества, составлявшего отряд Краснова, происходило глухое брожение: пехота с фронта, несмотря на многочисленные телеграммы о ее продвижении, все еще не подходила. Правда, подошел было эшелон с осадным полком из Луги, однако от этого силы отряда не увеличились: «Небольшая команда матросов прошла к виадуку, лежащему между Александровской и р. Пудостью, и здесь обстреляла поезд, шедший с осадным полком из Луги. Солдаты осадного полка остановили поезд, частью сдались, частью разбежались куда глаза глядят, бросив свои пушки на платформах» [80].

Отсутствие пехоты все более разлагающе действовало на казаков отряда.

В том же направлении действовали и большевистские агитаторы, в изобилии появлявшиеся среди казаков отряда

как из Петрограда, так и из среды местного гатчинского и царскосельского гарнизона. Так, по словам Вейгера-Редемейстера, в Гатчине вплоть до об'явления осадного положения, что последовало лишь поздно вечером 30 октября, «беспрепятственно собирались на углах улиц группы солдат, при чем вожаками импровизировались митинги, велась большевистская агитация, подрывавшая наше положение и разлагавшая настроение войск у нас на глазах» [81].

Изменение в настроении казаков, чрезвычайно опасное для наступавших, обнаружилось накануне решительных действий. По словам Краснова, вечером 29 октября к нему «явились комитеты 1-й донской и уссурийской дивизий. Под'есаул Ажигин, конфузясь и стесняясь, заявил, что казаки отказываются итти на Петроград одни, без пехоты. Если пехота не приходит, значит она вся против правительства и идет с большевиками» [82].

Краснову пришлось исчерпать всю силу своего авторитета, чтобы убедить казаков продолжать поход на следующий день, 30 октября, изобразив этот поход, как лишь необходимую разведку для прощупывания сил противника.

С таким настроением казаки предприняли с утра 30 октября дальнейшее наступление на Красное Село и Пулково. Между тем, за пять дней, протекших со дня восстания 25 октября, Военно-Революционному Комитету удалось сосредоточить к месту боя кое-какие более надежные силы. По численности эти силы во много раз превосходили отряд Краснова.

Правда, и здесь наблюдались случаи нестойкости молодых красных войск. Так, дравшийся на стороне большевиков «л.-гв. Измайловский полк в полном составе после первой же шрапнели бежал в беспорядке, один офицер взят в плен». Однако матросы дрались более стойко. При наступлении одной казачьей сотни на деревню Сузи, занятую матросами, был убит командир сотни и ранено 18 казаков, около сорока лошадей погибло. Потери, правда, небольшие, но они создали психологический перелом, так как неудачная атака показала стойкость матросов, а матросы по численности более чем в 10 раз превосходили казаков.

К одной неудаче присоединилась другая: приходили к концу снаряды и патроны. А пополнить запасы не давал враждебный царскосельский гарнизон. «Я послал за снарядами и патронами в Царское Село,—говорит Краснов.—Но там у артиллерийского склада стояла сильная вооруженная команда, которая сказала, что в виду заявленного нейтралитета она никому ни снарядов, ни патронов не даст».

Особенно тревожным становилось настроение царскосельского гарнизона после того, как в Царское стали залетать выпущенные матросами снаряды. Об этом настроении сообщили Краснову обслуживавшие его добровольцы из буржуазной молодежи: «Царскосельская молодежь, — рассказывает Краснов, — студенты, лицеисты, кадеты, кто верхом, кто на велосипеде, кто на извозчике, все время поддерживали связь со мной, сообщая мне обо всем, что творится у меня в тылу. Они бесстрашно проникали в казармы, присутствовали на митингах, некоторые даже вступали в споры и поставляли меня в известность о всех резолюциях царскосельского гарнизона.

Резолюции были одинаковы: потребовать от казаков прекращения боя с угрозой, что иначе весь гарнизон с оружием в руках выйдет казакам в тыл» [83].

Переломить настроение гарнизона и создать в нем благожелательное отношение к походу Керенского-Краснова пытались приезжие представители революционной демократии, но с весьма посредственным успехом. Вот что рассказывает об одной такой попытке бывший эс-эр Семенов:

«Гоц получил сообщение из Царского Села, что один из стоявших там запасных полков собирается выступить против нас, ударив нам в тыл.

Гоц и я сразу же выехали в Царское с целью убедить полк в неправильности его намерений. Гоц, будучи уверен в хорошем приеме в полку персонально его, начал свою речь перед полком уверенно, указывая, что он — товарищ председателя ЦИК, что у него в прошлом десятилетняя каторга, но сразу же начался шум, отовсюду раздались враждебные возгласы: «Довольно. Не хотим». Гоц переменил тон, «сбавил», но ему с трудом удалось закончить неоднократно прерываемую речь. Чувствовалась в полку огромная враждебность

к Временному Правительству, в особенности судя по возгласам, к военной политике Керенского. После Гоца выступали разделявшие наши позиции представители полкового комитета, пользовавшиеся в полку персональным авторитетом. С огромным трудом удалось до некоторой степени переломить настроение полка» [84].

К вечеру бой стал затихать. Краснову не удалось победить, а отсутствие победы означало для него поражение. К ночи, опасаясь окружения, он оставил Царское и отступил в Гатчину.

Чрезвычайно характерно и показательно, что успехам вооруженных сил Октябрьского восстания при столкновении с Керенским-Красновым под Пулковым, между прочим, способствовало правое кадровое офицерство, ненавидевшее Керенского еще больше большевиков. Как рассказывает Л. Д. Троцкий, «на Пулковой горе командовал (большевистскими силами. *С. А.*) полковник Вальден. Он обложил Краснова большими отрядами, и это столкновение решило судьбу наступления Керенского.

Этот Вальден был типичный полковник, и что в нем говорило, когда он шел за нас, я до сих пор не понимаю. Полковник он был немолодой, много раз раненный. Чтобы он нам сочувствовал, этого быть не могло, потому что он ничего не понимал. Но, повидимому, у него настолько была сильна ненависть к Керенскому, что это внушало ему временную симпатию к нам» [85].

Неудачный бой под Пулковым был началом конца предприятия Керенского-Краснова. Как сообщает Вейгер-Редемейстер, «весть о нашем отступлении из Царского быстро дошла до Гатчины, и по городу ходили уже всякие басни и слухи, которые нужно было пресечь точным информированием населения обо всем происходившем... Потолкавшись (по улицам Гатчины. *С. А.*), я убедился, что кольцо, окружавшее нас, повидимому, окончательно смыкается, и об этом говорили на улице совершенно открыто. Из Царского следом за отступающими казаками двигались отряды противника, — правда, не входя в боевое соприкосновение с ними, не преследуя их, но как бы нащупывая положение. Все-таки это движение

производило панику, и разложение наших войск наблюдалось в полной степени. В разговорах, которые мне пришлось слышать, чувствовалось даже назревавшее желание «сдать» Керенского» [86].

В ночь на 31 октября это разложение казаков Красновского отряда под влиянием отступления из Гатчины выразилось в том, что Краснову впервые пришлось наткнуться на открытое неповиновение: казаки, вопреки его приказу, отказались брать патроны и итти на заставы. А днем 31 октября среди казаков в Гатчине уже появляются матросы—«переговорщики», убеждающие казаков выбрать делегатов для переговоров с большевиками о перемирии. Под влиянием агитации «переговорщиков» к Краснову явился полковой комитет 9-го донского полка с требованием арестовать Керенского, как изменника и предателя, вовлекшего казаков в авантюру. По вопросу о необходимости ареста Керенского и выдачи его большевикам начались среди казаков летучие митинги во дворе дворца.

В то же время среди руководителей похода и их советчиков господствовала растерянность и разноголосица.

Полную растерянность обнаруживал прежде всего сам инициатор предприятия и «верховный главнокомандующий» Керенский.

Савинков сообщает: «Я нашел Керенского в состоянии полной растерянности, я бы позволил себе сказать — в состоянии полного страха перед происходящими событиями... Я советовал ему немножко притти в себя, попытаться организовать защиту, говоря, что, может быть, еще не все потеряно, потому что, может быть, есть части на фронте, которые выступят на защиту Временного Правительства. Керенский на это отвечал, что все равно все погибло и, повторяю, был в состоянии полной растерянности» [87]. О том же свидетельствует неоднократно в своих воспоминаниях и Вейгер-Редемейстер. Вот что говорит он, например, о настроении Керенского после разговора с Черновым.

«Очевидно, точка зрения Чернова об однородном социалистическом правительстве, принимая во внимание и позицию Викжеля, поколебала Керенского. Наш разговор

сводился к отстаиванию мною точки зрения о необходимости опереться на ставку и никоим образом не давать перебоев в своем поведении. Придется, быть может, принять решительные меры, но отсутствие власти необходимо прекратить: оно чересчур вредно отзывается на стране. Керенский в ответ затронул корниловскую историю и выражал опасения, что на его голову опять посыпятся обвинения в «корниловщине». В общем Керенский никакого прямого ответа мне не дал» [88].

Утром 31 октября Керенский созвал совещание для обсуждения ультиматума Викжеля о прекращении гражданской войны и о вступлении в переговоры с большевиками. В этом совещании, кроме Керенского и Краснова, участвовали также Савинков, Станкевич и др. На поставленный совещанием Краснову вопрос, может ли он продержаться в Гатчине несколько дней, Краснов ответил: «Оценивая позицию у Пудости и Тайц и боеспособность красной гвардии — да, можем, но, оценивая моральное состояние казаков, отказавшихся брать снаряды и патроны и воевать — конечно, нет. Перемирие нам необходимо, чтобы выиграть время; если за это время к нам подойдет хоть один батальон свежих войск, мы продержимся и с боем» [89].

Совещание в большинстве склонилось к переговорам с большевиками. Керенский, по его словам, «утвердил мнение большинства» [90].

Теперь события стали развиваться быстро. Поздно вечером 31 октября отправилась к большевикам избранная казаками делегация для переговоров о мире. За несколько часов до того в Петроград выехал Станкевич с «мирными предложениями» Керенского, которые он должен был передать «Комитету Спасения Родины и Революции» и которые заключали в себе, между прочим, такие пункты: «во-первых, большевики должны были немедленно сложить оружие и подчиниться обновленному всенародному Временному Правительству; во-вторых, состав и программа этого правительства должны были быть установлены по соглашению существующего Временного Правительства с представителями всех политических партий и «Комитетом Спасения Родины и Революции» [91].

К вечеру 31 октября всем участникам похода стало ясно, что дело проиграно. По словам Керенского, «казаки все с большим ожесточением посматривали на своих начальников, видя в них виновников своей гибели; офицеры, чувствуя себя все более неудобно под враждебными взглядами большевистской солдатни и своих собственных станичников, все чаще задумывались над вопросом, какой ценой они, в случае падения Гатчины, могли бы купить у большевиков свою жизнь... Офицеры не считали более нужным скрывать свою ненависть ко мне, чувствуя, что я уже не смогу защитить их от ярости толпы» [92].

Ночью, по словам Краснова, «инстинктивно все сжалось во дворце. Офицеры сбились в одну комнату, спали на полу, не раздеваясь; казаки, не расставаясь с ружьями, лежали в коридорах. И уже не верили друг другу. Казаки караулили офицеров, потому что, и не веря им, все-таки только в них видели свое спасение, офицеры надеялись на меня и не верили и ненавидели Керенского» [93].

Рано утром 1 ноября, еще до рассвета, в Гатчину вернулась казачья «мирная делегация», с которой приехал и Дыбенко с матросом Трушиным. Дыбенко немедленно же начал агитацию среди казаков. Он потребовал безусловной выдачи Керенского, как необходимого условия для заключения мира. «Митингуем,—рассказывает Дыбенко.—К 8 час. утра митинг закончен. Казаки теперь согласны немедленно арестовать Керенского» [94]. Однако они выставили контр-требование: подписать договор, в котором казаки отказываются от вооруженной борьбы с нами с тем, чтобы их пропустили на Дон и Кубань с оружием в руках и чтобы в правительстве не было ни Ленина, ни Троцкого... Нужно, с одной стороны, выиграть время до подхода отряда моряков, чтобы Гатчину захватить врасплох, с другой—без промедления, до прибытия ударников, арестовать Керенского... Для достижения своей цели,—говорит Дыбенко,—совершая «стратегический ход», я решаюсь подписать договор. Не казаки избирали Ленина и Троцкого, не они и будут их отстранять» [95].

Наконец договор подписан. Выносится единогласное постановление об аресте Керенского (там же). Однако Керенский во-время почувствовал, что внизу «происходит торг о его

толове». Ночью он вместе с немногими оставшимися при нем уничтожил бумаги и письма, «которые нельзя было оставить в чужих руках». Утром, узнав о приезде матросской делегации с Дыбенко и о том, что казаки хотят его выдать, Керенский пригласил к себе для об'яснения Краснова, которого он не без основания подозревал в том, что тот готов уступить требованию матросов и казаков. Краснов не мог скрыть факта переговоров, но постарался уверить Керенского, что выдачи его не допустит. Однако он тут же дал Керенскому совет: ехать в Питер и договориться там с партиями и Смольным. «Нервность, бегающие глаза, странная улыбка» генерала не оставляли в глазах Керенского никаких сомнений.

После ухода Краснова Керенский с окружающими лицами стали обдумывать план бегства. Положение однако казалось безвыходным: здание дворца имело только один выход, который уже охранялся смешанным караулом из казаков и матросов.

В третьем часу дня к Керенскому, с минуты на минуту ожидавшему ареста, явились эс-эр Семенов и один сочувствовавший ему матрос, подготовившие ему побег. Керенскому, переодетому в матросский костюм и в автомобильных очках, удалось пройти незамеченным мимо караула и по двору, наполненному казаками и матросами, и бежать на автомобиле за несколько минут до того, как в занятое им помещение явился караул для его ареста.

На следующее утро, 2 ноября, ген. Краснов был доставлен под большевистским конвоем в Смольный, где с него был снят допрос. Неорганизованность власти помогла Краснову уйти из-под ареста и через некоторое время бежать на Дон, где он во второй половине 1918 г. стал во главе восставшего против советской власти казачества и превратился в одного из опаснейших врагов советской Республики.

Бегство Керенского было сигналом к ликвидации попыток ставки организовать движение отрядов на Петроград. Уже 1 ноября Духонин разослал телеграмму с извещением о том, что войсками Краснова под Гатчиной заключено перемирие с гарнизоном Петрограда и что Керенский «оставил отряд». «Вследствие сего, — гласит далее телеграмма, — я вступил во временное исправление должности верховного главнокоман-

дующего и приказал остановить дальнейшую отправку войск» на Петроград. «В настоящее время между различными политическими партиями происходят переговоры для формирования Временного Правительства» [96].

Впрочем, в последующие дни Савинков и Вендзягольский, выехавшие из Гатчины 30 ноября, делают судорожные попытки снова наладить движение войск на Петроград. Однако эти усилия остаются бесплодными, и 4 ноября Духонин повторил свой приказ о приостановке движения войск на Петроград. Это означало окончательную ликвидацию попыток раздавить вооруженной рукой пролетарскую революцию в ее центре, — в Петрограде. Нам предстоит теперь рассмотреть другие попытки восстановления власти буржуазии.

Глава вторая

Борьба за власть в Петрограде. „Комитет спасения родины и революции“ и юнкерское восстание

В то время, когда Керенский вместе с Красновым шел походом на красный Петроград, в самой столице и после победоносного рабочего восстания продолжалась еще напряженная борьба за власть. Мы видели, что на фронте вспыхнувшей теперь гражданской войны инициатором и организатором вооруженного похода против захваченной восставшими рабочими и солдатами столицы явилась мелкобуржуазная демократия в лице Керенского и его меньшевистско-эс-эровских друзей. Точно так и в самом Петрограде организацию борьбы за восстановление политической власти буржуазии взяла на себя та же мелкобуржуазная демократия. Именно последняя и здесь ринулась в бой с «большевиками» непосредственно вслед за переворотом, тогда как цензовая буржуазия предпочла, как мы указывали, уйти в подполье и заняться длительной и основательной подготовкой вооруженной борьбы с советами. Первым организатором борьбы против победоносного восстания в столице явилась Петроградская городская дума, состоявшая в большинстве из эс-эров и кадетов.

Мы видели, что в канун восстания Предпарламент по докладу Керенского принял резолюцию полудоверия и полунедоверия к Временному Правительству, проведенную незначительным левым его большинством. Третий пункт этой резолюции гласил: «Для борьбы с активным проявлением анархии и погромного движения (так окрестила левая демократия развивавшееся рабоче-солдатское восстание. *С. А.*) необходимо немедленное принятие мер (к) их ликвидации и создание для этой цели в Петрограде комитета общественного спасения из представителей городского самоуправления и органов революционной демократии, действующего в контакте с Временным Правительством».

«Левизна» этой формулы заключалась в том, что борьбу «с анархией» она возлагала на некий «комитет спасения», а не на Временное Правительство, выражая таким образом последнему как бы некоторое недоверие. А мелкобуржуазное недомыслие и контр-революционность этой формулы сказались в том, что организацию «борьбы с анархией» она перекладывала из рук Временного Правительства в руки городской думы и других органов той же самой мелкобуржуазной демократии, которая играла первую скрипку и во Временном Правительстве. Выгоняя свою мелкобуржуазную «природу» в дверь, левая часть Предпарламента вынуждена была впустить ее в окно, — яркий показатель того заколдованного круга, из которого для партий «революционной демократии» не было выхода вне открытого и сознательного присоединения к одному из двух основных борющихся лагерей: либо к пролетариату, либо к буржуазии.

Об'ективно, независимо от большей или меньшей «левизны» мелкобуржуазной демократии, независимо от того, хотела она этого или не хотела, — борьба против восставшего пролетариата всякий раз приводила ее к союзу с буржуазией. К союзу с буржуазией и к попыткам восстановления буржуазной власти сводился также и практический смысл «формулы» левой части Предпарламента.

Вечером того же дня, 24 октября, Петроградской городской думой во исполнение постановления Предпарламента был организован «комитет общественной безопасности». В состав

сто вошли гласные центральной и районных городских дум и представители ЦИК'а Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, ЦИК'а Крестьянских Депутатов, армейских и других организаций.

После победы рабочей революции этот комитет был заменен новым, с еще более громким названием. Именно, в ночь на 26 октября, непосредственно вслед за арестом Временного Правительства в Зимнем дворце, в здании петроградской городской думы состоялось об'единенное заседание этой думы вместе с рядом «демократических организаций». На этом заседании был сформирован так называемый Всероссийский Комитет Спасения Родины и Революции, в который вошли представители петроградской городской думы, разогнанного 25 октября Временного Совета Российской Республики («Предпарламента»), ЦИК'а Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов, ЦИК'а Советов Рабочих и Солдатских Депутатов 1-го созыва, представителей ушедших со II с'езда Советов фракций меньшевиков, эс-эров и фронтовой группы, центральных комитетов партий эс-эров, меньшевиков, «Единства», народных социалистов, представители крестьянского союза, кооперации, союза почтово-телеграфных служащих. От каждой из этих организаций в состав комитета вошло по три представителя. В дальнейшем в комитет вошел еще ряд организаций саботирующего чиновничества (союз банковских служащих, союз служащих министерства финансов, Всероссийский союз учителей) и правой военщины (союзы увечных воинов и георгиевских кавалеров). Председателем Комитета был избран эс-эр Авксентьев.

Таким образом в этой организации фактически об'единилась вся мелкобуржуазная демократия, за исключением лишь левых эс-эров и обеих групп меньшевиков-интернационалистов («об'единенных» и «новожизненцев»).

Необходимо отметить важную подробность в организации Комитета спасения: в его состав, в числе трех представителей от Петроградской городской думы, вошли видные члены кадетской партии Набоков и графиня Панина [97]. Таким образом Комитет Спасения, считавший себя после низвержения Временного Правительства носителем государственной власти,

представлял собою возрождение ненавистной массам коалиции мелкобуржуазной демократии с цензовой буржуазией на основе общей борьбы против побеждающей пролетарской революции.

Непосредственно после своего образования Комитет спасения занял боевую позицию и выказал себя организацией, поставившей своей прямой задачей свержение советской власти. 27 октября он опубликовал в газетах следующее воззвание.

„ГРАЖДАНАМ РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

25 октября большевиками Петрограда вопреки воле революционного народа преступно арестована часть Временного Правительства, разогнан Временный Совет Российской Республики и об'явлена незаконная власть.

Насилие над правительством революционной России, совершенное в дни величайшей опасности от внешнего врага, является неслыханным преступлением против родины.

Мятеж большевиков наносит смертельный удар делу обороны и отодвигает всем желанный мир.

Гражданская война, начатая большевиками, грозит ввергнуть страну в неописуемые ужасы анархии и контрреволюции и сорвать Учредительное Собрание, которое должно упрочить республиканский строй и навсегда закрепить за народом землю.

Сохраняя преемственность единой государственной власти, Всероссийский Комитет Спасения Родины и Революции возьмет на себя инициативу воссоздания Временного Правительства, которое, опираясь на силы демократии, доведет страну до Учредительного Собрания и спасет ее от контр-революции и анархии.

Всероссийский Комитет Спасения Родины и Революции призывает вас, граждане:

Не признавайте власти насильников.
Не исполняйте их распоряжений.
Встаньте на защиту родины и революции.

Поддерживайте Всероссийский Комитет Спасения Родины и Революции».

В выпущенном затем воззвании к солдатам Комитет спасения заявлял:

> «Во главе войск, подходящих к Петрограду, стоят выборные солдатские комитеты. Они не допустят напрасного кровопролития».

Этим заявлением Комитет Спасения, а следовательно, и вошедшие в его состав организации мелкобуржуазной демократии приняли на себя ответственность за вооруженный поход Керенского и царского генерала Краснова на красный Петроград. Такой же смысл имеет и воззвание Комитета «К населению», где он заявил:

> «С войсками, идущими к Петрограду, идет председатель ЦК партии эс-эров, член Исполнительного Комитета и почетный председатель Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов В. М. Чернов».

Тотчас после своего возникновения Комитет спасения занялся подготовкой свержения советской власти. Главной силой, на которую опирался комитет в этой контр-революционной работе, была партия эс-эров. Центральный Комитет последней опубликовал в газетах воззвание, в котором призывал граждан «оказать полнейшее содействие командному составу в деле окончательной ликвидации безумной затеи и об'единения вокруг Комитета спасения родины и революции, долженствующего создать однородную революционно-демократическую власть».

Между тем, в Петрограде в первые дни после восстания 25 октября силы контр-революции начинают поднимать голову. Первоначальные успехи Керенского, которому, как мы видели, удалось 27 октября захватить Гатчину, а 28-го — Царское, ободряют врагов советов. Вот как описывает эти дни Л. Д. Троцкий:

«27-го и 28-го мы продолжали получать от армейских комитетов, городских дум, земств, от организаций Викжеля... непрерывные угрозы по телеграфу. На Невском, главной артерии столичной буржуазии, становилось все более оживленно. Буржуазная молодежь выходила из оцепенения и, подталки-

ваемая прессой, развертывала на Невском все более широкую агитацию против советской власти. При помощи буржуазной толпы юнкера разоружали отдельных красногвардейцев. На более глухих улицах красногвардейцев и матросов пристреливали»[98].

Опираясь на настроение контр-революционных элементов и желая оказать поддержку наступавшему Керенскому, Комитет спасения со всей энергией приступил к организации восстания против советской власти. В этом деле он действовал совместно с военной комиссией ЦК партии эс-эров. Прежде всего обе организации постарались привлечь на свою сторону отдельные части гарнизона столицы путем устройства митингов, на которых, как уверяет в своих воспоминаниях Суханов, ему удалось добиться кое-каких успехов[99].

Однако в воспоминаниях Г. Благонравова активно контрреволюционное настроение отмечено лишь у «ударников» и георгиевских кавалеров, расположившихся после июльских дней во дворце Кшесинской, который до того был занят большевистской военной организацией[100].

Военной комиссией ЦК эс-эров был разработан план восстания. Руководителем восстания или «командующим армией спасения родины и революции» был назначен тот самый полк. Полковников, который в день 25 октября был смещен Кишкиным с поста главнокомандующего войсками петроградского военного округа за бездеятельность. Восстание в Петрограде, по мысли его инициаторов, должно было быть согласовано с движением красновского отряда и оказать ему поддержку захватом Смольного и ударом в тыл выступившим против Керенского советским отрядам. Во главе организации стояли эс-эры Авксентьев и Гоц, первый был председателем Совета Республики, а второй — председателем Комитета спасения.

Благодаря случайности восстание было начато непосредственными руководителями раньше того момента, к которому приурочивали его главные инициаторы, и без согласования с движением Красновского отряда. Непосредственные руководители восстания получили вечером 28 октября сведения о том, что советское правительство узнало о подготовке восстания и потому решило с утра 29 октября приступить к разоружению

военных училищ. Между тем, единственные военные кадры, на которые могло рассчитывать восстание, представляли как-раз эти училища. Поэтому руководители восстания решили приступить к операциям немедленно, не согласовав своих действий с своею собственной верхушкой в лице Авксентьева и Гоца.

В ночь на 29 октября на многих улицах появились юнкерские патрули, арестовывавшие большевиков и представителей советской власти. В ту же ночь восставшими юнкерами был захвачен Михайловский манеж и оттуда было уведено несколько броневых машин, а в 9-м часу утра была захвачена телефонная станция. После этого был выпущен «Бюллетень № 1» Комитета спасения, в котором был помещен следующий приказ:

> «Войсками Комитета Спасения Родины и Революции освобождены почти все юнкерские училища и казачьи части, захвачены броневые и орудийные автомобили, занята телефонная станция и стягиваются силы для занятия оказавшихся благодаря принятым мерам совершенно изолированными Петропавловской крепости и Смольного Института, последних убежищ большевиков. Предлагаем сохранять полнейшее спокойствие, оказывая всемерную поддержку комиссарам и офицерам, исполняющим боевые приказы командующего армией спасения родины и революции Полковникова и его помощника Краковецкого, арестовывая всех комиссаров так называемого военно-революционного комитета. Всем воинским частям, опомнившимся от угара большевистской авантюры, приказываем немедленно стягиваться к Николаевскому инженерному училищу. Всякое промедление будет рассматриваться как измена революции и повлечет за собой принятие самых решительных мер».

Однако успех восстания был эфемерным. Ни одна из частей гарнизона, даже и казаки, к повстанцам не присоединилась. Полной и быстрой ликвидации восстания советскими вооруженными силами способствовало следующее обстоятельство. Ночью советским патрулем был задержан при выходе из дворца Кшесинской (где были размещены упоми-

павшиеся выше контр-революционно настроенные ударники и георгиевские кавалеры) видный член Комитета спасения эс-эр Брудерер вместе с сопровождавшим его ударником. Задержанные были доставлены в Петропавловскую крепость, где при обыске у них были обнаружены планы восстания и дислокация частей, которые должны были принимать в нем участие. Благодаря этому к военным училищам, намеченным в качестве опорных пунктов восстания, удалось своевременно подтянуть советские отряды, и вылазки юнкеров частью были предупреждены, частью остановлены в самом начале. Через несколько часов после начала восстания все военные училища оказались оцепленными красногвардейскими и матросскими отрядами, посланными Военно-Революционным Комитетом. Борьба была непродолжительна, за исключением Владимирского училища, оказавшего более упорное сопротивление и сдавшегося только после обстрела его артиллерийским огнем. Вечером силами Военно-Революционного Комитета была занята и телефонная станция.

«Юнкера сдались, — пишет Л. Троцкий, — хотя многие пытались спастись бегством и, убегая, отстреливались. Создалось ожесточение, всегда сопровождающее гражданскую войну. Матросы учиняли, несомненно, жестокости над отдельными юнкерами. Буржуазная печать оптом обвиняла матросов и советскую власть в бесчеловечности и зверстве. Она молчала об одном: что переворот 25—26 октября произошел почти без выстрелов и без жертв и что только контр-революционный заговор, организованный буржуазией и бросивший ее молодое поколение в огонь гражданской войны против рабочих, привел к неизбежным жестокостям и жертвам.

День 29 октября создал резкий перелом в настроении петроградского населения. События приняли более трагический характер. Вместе с тем наши враги поняли, что дело обстоит гораздо серьезнее, чем они думали, и что Совет отнюдь не собирается отдавать завоеванную им власть по требованию капиталистических газет и юнкеров» [101].

Юнкерское восстание 29 октября было единственным сколько-нибудь крупным политическим выступлением Комитета спасения родины и революции, который вообще пред-

почитал действовать воззваниями и резолюциями, а не оружием. Декретом Военно-Революционного Комитета от 8 ноября Комитет спасения был закрыт. Его детищем явился подпольный «Союз возрождения России», об'единивший в борьбе против советской республики мелкобуржуазную демократию вместе с кадетами. Однако деятельность этой организации относится уже к следующей стадии гражданской войны.

Мы видели, что из числа мелкобуржуазных группировок, вошедших в состав Комитета спасения, наибольшую активность и решительность в деле вооруженной борьбы с советской властью проявила партия эс-эров. Она как бы переняла на себя из рук цензовой буржуазии дело реставрации буржуазной власти. Что касается второго стержня «революционной демократии» — партии меньшевиков, то некоторые ее представители также играли в Комитете спасения весьма активную роль (как, например, один из активнейших заговорщиков меньшевик Синани). В своей же официальной линии по отношению к Комитету спасения эта партия заняла несколько межеумочное положение, выказав себя истинной представительницей мелкобуржуазной демократии и обнаружив в гораздо большей мере трусость перед пролетариатом, чем партия эс-эров.

С момента переворота партия меньшевиков в лице своего ЦК старалась добиться организации новой власти посредством «соглашения» между всеми партиями «демократии», т. е. посредством такого соглашения, которое обнимало бы, с одной стороны, большевиков, с другой — замаскированных кадетов, какими были на самом деле партии «народных социалистов» или группа «Единство». Тем не менее, ЦК меньшевиков вошел в Комитет спасения, добивавшийся не соглашения с большевиками, а сокрушения их силой оружия. Активной роли в Комитете, сравнимой с ролью эс-эров, партия меньшевиков, правда, не играла, но в то же время умывала руки перед участием своих членов в числе активнейших заговорщиков.

Когда Комитет спасения устроил 29 октября юнкерское восстание в Петрограде, ЦК меньшевиков продолжал в нем пребывать. Только через полторы недели после восстания, когда самый Комитет спасения превратился в почти никому ненужную ветошь, ЦК меньшевиков рассудил, что тактика

соглашения и тактика вооруженной борьбы не совсем совпадают между собой. Поэтому он сделал вид, что уходит из Комитета спасения, хотя на самом деле остался в нем. Именно, 8 ноября он принял резолюцию следующего содержания:

«Принимая во внимание, что Комитет спасения родины и революции отказался стать при поисках выхода из создавшегося кризиса на единственно правильный в интересах революции путь соглашения всех без исключения частей демократии для создания однородной демократической власти и считая своей задачей продолжать борьбу в направлении об'единения всей демократии, — ЦК РСДРП (об'единенной) постановляет сохранить в Комитете спасения представительство партии лишь с совещательным голосом, поручая своим представителям в Комитете спасения отстаивать решительно политику, намеченную партией в вопросе об организации власти, и знакомить ЦК со взглядами партий и организаций, представленных в Комитете спасения» [102].

Но и такая резолюция была принята меньшевистским ЦК лишь накануне закрытия Комитета спасения по декрету Военно-Революционного Комитета.

Таким образом, поддержав своим участием и авторитетом Комитет спасения в наиболее решительные моменты его борьбы за власть, партия меньшевиков, несмотря на все свои ухищрения и старания «спасти лицо» перед пролетариатом, оказалась в эти дни в той же мере на стороне контр-революции, как и партия эс-эров.

Глава третья

Попытка образования „общесоциалистической власти“

Борьба мелкобуржуазной демократии против пролетарской революции не ограничилась попытками подавления последней силой оружия. В течение некоторого времени «демо-

кратия» эта проявила огромную энергию в деле мирного давления на пролетариат и партию большевиков с целью склонить их к ликвидации пролетарской диктатуры и замены ее общесоциалистическим правительством, в которое одна часть «демократии» великодушно соглашалась включить и представителей большевиков, тогда как другая часть требовала полного исключения последних.

В течение первой недели после Октябрьской революции движение в пользу образования «общесоциалистической власти» охватило широкие круги «демократии», видевшие в этом выход из созданного революцией «кризиса». Вне этого движения остались лишь правые оборонческие крылья меньшевиков и эс-эров, отвергавшие какие бы то ни было переговоры с большевиками, требовавшие капитуляции последних и восстановления «законной власти» Временного Правительства. Зато инициаторы движения развили энергичную агитацию в его пользу не только в печати, в то время еще почти не испытавшей на себе руки пролетарской диктатуры, но и на фабриках, заводах и в воинских частях и добились поддержки требования «общесоциалистической власти» со стороны части рабочих и солдат, еще не успевших освободиться от влияния мелкобуржуазной демократии. Мелкобуржуазному давлению поддалась и некоторая часть руководящей верхушки партии, — и в первую голову, разумеется, та «парочка товарищей», которая незадолго до того высказывалась против вооруженного восстания, а теперь выразила готовность отказаться от только-что завоеванной пролетарской диктатуры и потребовала от партии и от ЦИК'а образования «общесоциалистического правительства».

Инициатором и наиболее энергичным развивателем этого движения был Викжель (Центральный исполнительный комитет Всероссийского железнодорожного союза). Избранный на Всероссийском с'езде железнодорожников, который начался 15 июля 1917 года, непосредственно после июльского поражения петроградского пролетариата, Викжель заключал в себе почти равной численности левое и правое крылья и беспартийное «болото»; всей своей тактикой в октябрьские дни он являл типичную картину вечных колебаний мелкой

буржуазии между революцией и контр-революцией. Его сила заключалась в том, что в первые же дни после Октябрьского восстания Викжель захватил в свои руки управление транспортом. Уже 26 октября Викжель занял позицию «нейтралитета» между борющимися сторонами и в своей резолюции, между прочим, заявил: 1) «Викжель относится отрицательно к захвату власти одной какой-либо политической партией; 2) власть должна быть революционно-социалистической и ответственной перед полномочным органом всей революционной демократии; 3) впредь до организации такой власти все распоряжения по ведомству путей сообщения, в том числе и по всей сети железных дорог, подлежат исполнению лишь в том случае, если они исходят от Викжеля» [103]. 28 октября в телеграмме, разосланной по местам, Викжель приглашает все органы союза соблюдать нейтралитет и «принимать все доступные меры против движения войск, идущих друг против друга в борьбе социалистических партий между собой», и заявляет, что «железнодорожный союз может предоставить весь свой технический аппарат и силы только той организации, которая обязуется образовать однородное социалистическое правительство, представляющее все социалистические партии от большевиков до народных социалистов включительно» [104]. 29 октября, в тот же день, когда отряд Керенского-Краснова остановился на дневку в Царском, Викжель разослал «всем, всем, всем» телеграмму, в которой «заявил и заявляет всем гражданам, рабочим, солдатам и крестьянам свое непреклонное решение и категорическое требование: немедленно остановить гражданскую войну и сплотиться для образования однородного революционного социалистического правительства». Свое требование он подкрепил угрозой железнодорожной забастовки: «Остановка движения наступит в 12 час. ночи сегодня с 29 на 30 октября, если к тому времени боевые действия в Петрограде и Москве не будут прекращены» [105].

Мы знаем, что изложенная резолюция была привезена викжельцами на фронт гражданской войны под Петроградом, была воспринята Керенским, как ультиматум, и послужила одним из оснований к открытию мирных переговоров между отрядом Керенского-Краснова и большевиками.

Угроза железнодорожной забастовки однако не была приведена в исполнение: в тот же день, 29 октября, Викжель выступил на заседании избранного II с'ездом Советов ЦИК с заявлением, дословно воспроизводящим изложенную телеграмму, и предложил избрать представителей на созываемое им совещание партий и организаций для обсуждения вопроса о составе новой власти. ЦИК принял это предложение и избрал делегацию на совещание в составе Рязанова, Свердлова, Закса, Буткевича и Сагарашвили»[106].

Работы совещания, получившего в дальнейшем название «согласительной комиссии», начались в тот же день. Поэтому Викжель в новой разосланной им телеграмме отсрочил начало железнодорожной забастовки «до особого об'явления стачечного комитета», но выдвинул требование: «Всякое передвижение войск для участия во внутренней борьбе должно быть немедленно приостановлено всеми мерами»[107].

Согласительная комиссия составилась из представителей политических партий (социалистических), Совета Народных Комиссаров, ЦИК'а, Комитета спасения родины и революции, Петроградской думы, ЦИК'а Крестьянских Депутатов и других организаций, в том числе, разумеется, Викжеля.

Первое совещание состоялось 29 октября. *

Чрезвычайно характерны прения, развернувшиеся на этом совещании и ярко освещающие позиции разных партий в отношении Октябрьской революции. Представители большевиков Каменев и Сокольников высказались за соглашение, но выдвинули следующие условия: «Соглашение возможно и необходимо: 1) на почве определенной программы, возвещенной с'ездом Советов; 2) на основе ответственности перед Советом Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов; 3) в пределах всех партий, входящих в коалицию советов, т. е. от большевиков до народных социалистов включительно...

---

* Согласно брошюре Вомпе „Дни Октябрьской революции и железнодорожники", оно состоялось в 7 час. вечера. По словам Ан-ского (псевдоним б. члена Петроградской городской думы Рапопорта), оно было назначено на 8 ч. веч. 28 окт., но началось после партийных совещаний лишь около 4 час. утра (см. С. Ан-ский — „После переворота 25 октября 1917 г." в „Архиве Русской Революции", том VIII, Берлин, 1923).

Что касается изменения состава правительства, то ЦИК является контролирующим и замещающим посты, а потому совершенно ясным является путь изменения правительства. Во всяком случае для ЦИК'а на первом месте стоит программа правительства и его ответственность, а отнюдь не личный его состав» (заявление тов. Каменева на совещании) [108].

Здесь необходимо заметить, что выступления тов. Каменева и Сокольникова в согласительной комиссии обнаруживали явный «крен» в сторону соглашения, по сравнению с официальной линией партии большевиков.

Представители мелкобуржуазной демократии в согласительной комиссии уже не пытались отстаивать коалицию с цензовой буржуазией; теперь все они оказались уже сторонниками «однородной социалистической власти». Однако правая и центровая часть этой демократии единогласно высказывались за исключение из этой однородной социалистической власти... большевиков. Особенно характерные заявления в этом смысле сделали представители Комитета спасения и эсэровской партии. Представитель этой последней, Гендельман, указав на авантюристический характер «большевистского предприятия», заявил, что не всегда можно сговориться: «и в среде демократии бывают моменты, когда приходится решать спор силою оружия, и мы считаем немыслимым создание правительства, в каковое входили бы большевики» [109]. Иными словами, партия эс-эров еще предпочитала вооруженную борьбу с «авантюристами» соглашению с ними. Чтобы оценить по достоинству это заявление, необходимо отметить, что оно было сделано 29 октября, когда юнкерское восстание в Петрограде было, правда, подавлено, но Керенский, казалось, прочно занимал Царское и готовился продолжать наступление на Петроград.

Чрезвычайно характерно, что по существу на ту же точку зрения, как и Комитет спасения и эс-эры, стал и лидер центрового меньшевизма и официальный представитель ЦК меньшевиков Дан, с тою только разницей, что он, повидимому, всерьез считал еще возможным «убедить» большевиков отказаться от плодов своей победы, сложить оружие и сдаться на милость — не победителей даже, а только-что потерпевшей

жестокое поражение «революционной демократии». Только-что происшедшую пролетарскую революцию Дан оценивал следующим образом: «Переворот этот не есть победа народного движения, а победа чисто военного заговора, действительными силами которого была дезорганизованная солдатчина... Это был заговор против демократии, против ее большинства, что и выразилось в его организации за спиной революционной демократии советов, расколотой его успехом на две половины... И вот первое условие соглашения: ликвидация заговора, роспуск Военно-Революционного Комитета, признание с'езда (Советов. *С. А.*) несостоявшимся... На какой же программе можно согласиться? *На программе Комитета спасения, т. е. образования демократической власти без большевиков,* которые в настоящий момент являются *в глазах населения* виновниками, несущими ответственность за события последних дней. *Участие большевиков оттолкнуло бы массы от правительства*» (курсив везде наш. *С. А.*) А исключенные из состава правительства большевики «морально и политически обязаны опубликовать акты, в которых обязуются поддерживать эту новую власть, не свергать ее» [110].

За недостатком места, мы не можем подробно останавливаться на любопытной политической теории оппортунизма (соглашательства), которая развита здесь Даном и согласно которой в наиболее острые, критические моменты политической борьбы спор между партиями и классами за их самые жизненные интересы должен разрешаться посредством «соглашения», а революции могут предотвращаться посредством обязательства, опубликованного революционной партией. Несомненно однако, что в заявлении эс-эра Гендельмана о том, что не всегда возможно соглашение, что и «в среде демократии» иногда «приходится решать спор силой оружия», больше марксизма, чем в приведенных рассуждениях Дана.

По существу заявление Дана нашло себе оценку в следующих словах тов. Бухарина, взятых из написанной им тогда же статьи: «На совещании по поводу выдвинутого железнодорожниками плана соглашатели предложили оригинальный способ восстановления единого революционного фронта. Они предлагали ни более ни менее, как исключить

из будущего правительства самую сильную партию пролетариата, большевиков (под предлогом, что ее ненавидит мещанство, т. е. контр-революционная мелкая буржуазия, отголоском которой соглашатели являются), но зато включить в состав однородного социалистического правительства... народных социалистов и трудовиков, т. е. кучку замаскированных кадетов, не имеющих никакой опоры и никакого влияния на трудящиеся массы. Этого мало. Господа соглашатели имели наглость предложить, чтобы победоносно восставшие рабочие и солдаты отказались от сопротивления войскам изменника Керенского, чтобы Военно-Революционный Комитет был распущен, а гарнизон был передан в руки городского самоуправления, состоящего из эс-эров и кадетов» [111].

С ответом на заявление правых выступил тов. Сокольников. Его ответ показывает, что у некоторых представителей победившей партии еще не было на первых порах достаточно твердой идеологической установки в вопросе о власти. Тов. Сокольников заявил, что «ЦК большевиков в основе вполне разделяет программу Викжеля (т. е. программу организации общесоциалистической власти. *С. А.) Большевики не стремятся к власти»* (курсив наш. *С. А.)* Вновь организованная власть «должна быть ответственной перед ЦИК'ом Советов... на платформе II с'езда». По вопросу о составе власти тов. Сокольников заявил: «Мы пришли к власти не путем заговора, а восстания. Так как подлинной властью может быть только власть, опирающаяся на широкие круги рабочих, солдат и крестьян, то неужели вы думаете, что возможно создать *не правительство, а власть* без участия большевиков?» На угрозы вооруженной борьбы тов. Сокольников ответил так: «Если гр. Вайнштейн говорил о разоружении нас, то он хочет разоружить нас войсками Керенского. Если вы хотите сражаться с нами, то вы должны будете сражаться с миллионами рабочих, солдат и крестьян, волю которых мы старались выявить...

Перед вами две перспективы: или «большевистский заговор» будет раздавлен, и тогда на очереди казачья диктатура, или же мы победим, так как массы идут за нами, и тогда власть твердо будет находиться в наших руках» [112].

Меньшевики-интернационалисты пытались занять промежуточную, «примирительную» позицию между обеими борющимися сторонами; по существу однако их позиция сводилась к требованию разоружения пролетариата и отказа его от плодов своей победы. Так, по заявлению Мартова, «если все партии согласны на разоружение обеих сторон... тогда вопрос о личном и партийном составе власти является второстепенным». А другой интернационалист, Абрамович, заявил: «Необходимо создание власти, которую бы санкционировало старое правительство и которому бы передало власть новое правительство». Любопытно отметить в позиции этой группы характер предлагаемой ею власти. «Надо искать выхода в соглашении сторон на определенной программе, формулированной выше: организовать власть, опирающуюся на все демократические организованные элементы, *не только Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, но и на учреждения, вышедшие из всеобщего избирательного права*» (курсив наш. *С. А.)* [113].

Следовательно, интернационалисты хотели сделать власть ответственной перед представителями городских дум и земств, т. е. перед теми группами мелкобуржуазной демократии, которые находились вне советов и потому не подвергались непрерывному давлению со стороны рабочей и солдатской демократии, но зато находились под постоянным влиянием чисто буржуазных группировок, главным образом кадетской партии. Следовательно, эта «интернационалистская» программа по существу воспроизводила платформу группы Дана, выдвинутую последней еще во время Демократического Совещания: «Мысль, руководившая нами при созыве Демократического Совещания, — заявляет Дан, — состояла в том, чтобы попытаться создать демократическую власть, опирающуюся не только на те элементы революционной демократии, в тесном смысле этого слова, которые сосредоточились в советах, но и на те, которые имели прочную базу в кооперативах и органах местного самоуправления (городских думах и земствах)» [114].

Таким образом точки зрения большевиков и их противников на этом совещании 29 октября расходились достаточно резко. Не будучи в состоянии притти к соглашению, совеща-

ние решило избрать комиссию из 7 человек, которой было поручено к 11 час. следующего дня выработать предложение о составе власти и о мерах к прекращению гражданской войны.

Комиссия однако вынесла определенное постановление только по вопросу об «однородности» новой власти, т. е. о том, что последняя не должна быть коалицией с буржуазией. Зато по другим вопросам обнаружилась неспособность комиссии дать им определенное решение. Даже вопрос о том, следует или не следует включать в состав нового правительства большевиков, остался нерешенным. Точно так же и по вопросу о заключении перемирия на фронте гражданской войны трое большевистских членов комиссии воздержались, а остальные четверо высказались за об'явление перемирия.

Таким образом работа комиссии оказалась бесплодной. Результаты работы комиссии были обсуждены на следующем совещании 30 октября, на котором народные социалисты, меньшевики и эс-эры опять высказались против вхождения большевиков в правительство, а тов. Каменев, напротив, отстаивал «честную коалицию партий, входящих в советы, ответственных перед соответствующими органами и проводящих определенную платформу» [115]. (Отметим здесь еще раз, что это была личная точка зрения тов. Каменева, но не точка зрения ЦК партии). Между прочим на вечернем заседании 30 октября горячие прения вызвали внеочередные заявления Филипповского, Мартова и Дана по поводу изданного Военно-Революционным Комитетом приказа об аресте членов Комитета спасения Авксентьева, Гоца и других организаторов заговора против советской власти и юнкерского восстания. По этому поводу страстную, но не совсем вразумительную речь произнес Мартов, заявивший: «Присутствующие организации должны заявить, что, *признавая вооруженную политическую борьбу, они никогда не признают для себя* допустимым террор и гарантируют неприкосновенность всех участвующих в переговорах. Если политический террор будет применяться дальше, то мы все возьмем на себя обязанность клеймить и разоблачать перед странами Европы всех вдохновителей его» (курсив наш. *С. А.*)

В результате совещание приняло резолюцию, осуждающую «применение политического террора в гражданской войне между отдельными частями революционной демократии».

Что касается вопроса об организации новой власти, то обсуждение его продолжалось 30 и 31 октября. В конце концов стороны пришли к соглашению на следующих основаниях. Для окончательного сконструирования новой власти была избрана особая комиссия. Будущее правительство должно было быть ответственным, впредь до созыва Учредительного Собрания, перед «временным народным советом», который, по мысли эс-эров, должен был состоять из представителей следующих органов: по 100—от ЦИК'ов старого и нового созыва, 100—от петроградской и московской дум, 75—от ЦИК крестьянского совета и 50 — от профсоюзов. В состав нового правительства должны были войти социалисты всех партий. Имена Ленина и Троцкого, на исключении которых из состава правительства упорно настаивали правые социалисты на первых совещаниях, в окончательной резолюции не были упомянуты.

Соглашение это было достигнуто поздней ночью 31 октября после долгого и мучительного пятичасового заседания. Вслед затем на очередь опять был поставлен вопрос о перемирии. По словам Ан-ского, «мы, антибольшевики, энергично потребовали прекращения кровопролития, и Каменев согласился с нашим требованием. Он выразил уверенность, что советы рабочих депутатов согласятся с условиями, выработанными нашим совещанием. Поэтому он считает возможным принять меры для приостановки военных действий на петроградском фронте» [116].

Однако тов. Каменев слишком поторопился с своей «уверенностью». Он еще раз выдал свою личную точку зрения за точку зрения партии. Изложенное соглашение было достигнуто уже после того, как отряд Керенского—Краснова потерпел неудачу под Пулковым и отступил в Гатчину, а казаки отправили делегацию к большевикам для переговоров о перемирии. Поэтому, когда делегаты межпартийного совещания явились в ночь на 1 ноября в Смольный за пропусками на фронт, им было в этом отказано: «Вам уже незачем ехать на фронт, — заявили им в большевистском штабе. — И уже поздно входить

в какие-либо соглашения с контр-революционерами...» — «Почему?»—«Потому что банда Керенского разбита на-голову. Казаки сдались, а сам Керенский окружен... Вы, как видите, несколько опоздали с вашим соглашением» [117].

Таким образом межпартийное совещание оказалось и в эти первые дни Октябрьской революции безрезультатным. Тем менее надежд могли на него возлагать его организаторы после разгрома Керенского. Однакоже совещания продолжались еще в течение нескольких дней.

Первые победы пролетарской революции,—разгром юнкерского восстания в Петрограде, успех против Керенского под Пулковым, — вызывают распад и разложение в стане ее врагов, и это тотчас отражается и на совещании. Любопытно остановиться в качестве иллюстрации на поведении «об'единенных» меньшевиков (официальной РСДРП). Мы видели выше, что на межпартийных совещаниях меньшевики в лице своего лидера Дана решительно высказались, вслед за Комитетом спасения и эс-эрами, против вхождения большевиков в состав правительства. Однако после того как ожидания падения советского правительства «через несколько дней» оказались «преждевременными», меньшевики становились все более сговорчивыми. Уже на второй день совещаний и на другой день после подавления юнкерского восстания, именно вечером 30 октября, меньшевики несколько изменили свою первоначальную позицию и если не «колебнулись», то хоть вильнули хвостом в сторону пролетариата. Устами Дана они признали уже желательным участие большевиков в правительстве. «Однако народные социалисты и Совет Крестьянских Депутатов не войдут в одно правительство с большевиками, а без их участия, — заявил Дан, — мы не считаем возможным образовать правительство и в такое правительство не войдем». В дальнейшем Дан обещал даже поддержку «левому правительству», если бы таковое образовалось, хотя и повторил свой отказ войти в него.

Еще через день меньшевики уже настолько набрались храбрости перед своими собратьями из «революционной демократии», что решились-таки, скрепя сердце, войти в одно правительство с большевиками. В тот же день, 1 ноября, когда

Керенский бежал, а Краснов сдался советским войскам, ЦК меньшевиков принял следующую резолюцию: «Обсудив создавшееся положение и признав, что все другие соображения должны отступить на задний план перед необходимостью во что бы то ни стало не допустить продолжения кровопролития, междоусобия в рабочей среде и разгрома рабочего движения, ЦК РСДРП (об'единенной) постановляет принять участие в попытке организовать однородную власть, включающую в себя социалистические партии от эн-эсов до большевиков». Момент однако был безнадежно упущен: так и не удалось меньшевикам разделить власть с большевиками. Зато для судеб самой меньшевистской партии изложенное постановление ее ЦК было далеко не безразлично. Внутри ЦК оно было принято далеко не единогласно. Правое крыло, в составе 10 членов ЦК и трех кандидатов, немедленно обратилось к ЦК с протестом и, «находя гибельным для рабочего класса, для дела революции и для нашей партии «решение ЦК» о переговорах с большевиками относительно совместного с ними образования правительства», потребовало от ЦК прекращения переговоров. Так как ЦК отклонил это требование, то все подписавшие протест вышли из его состава, подав того же 1 ноября соответствующее заявление в ЦК *.

Между тем как партия меньшевиков разваливалась под влиянием побед пролетарской революции, викжелевское межпартийное совещание еще в течение некоторого времени продолжало «размахивать кулаками» после драки.

Как мы видели, ночью 31 октября оно выработало наконец проект соглашения по вопросу об организации власти. Этот вопрос был поставлен на обсуждение ЦИК'а нового состава. Последний также признал желательным соглашение социалистических партий, но на определенных условиях, изложенных в следующей резолюции, предложенной фракцией большевиков:

* Быть может, не будет излишним упомянуть, что заявление это подписали: М. Гольдман-Либер, Б. Цейтлин (Батурский), Л. Гольдман (Аким), Ф. Юдин, К. Гвоздев, А. Смирнов, Н. Гарви (П. Бронштейн), К. Ермолаев, С. Зарецкая, П. Колокольников. Кандидаты: М. Скобелев, П. Голиков, Б. Богданов.

«Считая соглашение социалистических партий желательным, ЦИК заявляет, что соглашение может быть достигнуто только при следующих условиях:

1. Признание программы советского правительства, как она выражена в декретах о земле, мире и обоих проектах о рабочем контроле.

2. Признание необходимости беспощадной борьбы с контрреволюцией (Керенский, Корнилов и Каледин).

3) Признание II Всероссийского с'езда единственным источником власти.

4. Правительство ответственно перед ВЦИК.

5. Дополнение ЦИК, кроме организаций, не входящих в состав Советов, представителями от непредставленных в нем Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов; пропорциональное представительство покинувших с'езд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, всероссийских профессиональных организаций, как-то: Совета профессиональных союзов, союза фабрично-заводских комитетов, Викжеля, союза почтово-телеграфных рабочих и служащих, при условии и только после перевыборов Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов и тех воинских организаций, которые не переизбирались за последние три месяца» [118].

Эта резолюция совершенно отвергала домогательства оборонцев и по существу означала полный разрыв с ними. Естественно, что она вызвала среди них бурю негодования. ЦК эс-эров в воззвании, опубликованном 2 ноября, заявил: «Большевики на последнем заседании Всероссийского ЦИК'а провели резолюцию, которая в основу соглашения социалистических партий кладет как-раз образование советского правительства... Поэтому ЦК ПСР прерывает переговоры и отзывает своих представителей из совещания, образованного Всероссийским железнодорожным союзом» [119].

Равным образом и «об'единенные» меньшевики, только-что расколовшиеся со своим правым крылом на почве переговоров с большевиками, теперь сами приняли в своем ЦК резолюцию, требовавшую от большевиков прекращения политического террора, восстановления свободы печати и других демократических свобод и об'явления перемирия на всех

фронтах гражданской войны. Впредь до удовлетворения этих требований меньшевики прекратили переговоры и вышли из викжелевского межпартийного совещания [120].

3 ноября ЦИК принял вторую резолюцию о соглашении, в которой пошел на некоторые уступки. Резолюция эта гласила:

«Центральный Исполнительный Комитет считает необходимым, чтобы в правительство вошли представители тех социалистических партий из Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, которые признают завоевание революции 24—25 октября с. г., т. е. власть советов, декрет о земле, о мире, рабочем контроле и вооружении рабочих. Центральный Исполнительный Комитет постановляет поэтому продолжить переговоры о власти со всеми советскими партиями и настаивает на следующих условиях соглашения.

Правительство ответственно перед Центральным Исполнительным Комитетом. Центральный Исполнительный Комитет расширяется до 150 человек. К этим 150 делегатам Советов Рабочих и Солдатских Депутатов добавляется 75 делегатов от губернских крестьянских советов, 80—от войсковых частей и от флота, 40—от профессиональных союзов (25—от всероссийских профессиональных об'единений, пропорционально количеству организаций, 10—от викжеля и 5 —от почтово-телеграфных служащих) и 50 делегатов от социалистической петроградской городской думы. В правительстве не менее половины мест должно быть предоставлено большевикам. Министерство труда, внутренних дел и иностранных дел должны быть предоставлены большевистской партии во всяком случае. Распоряжение войсками московского и петроградского округов принадлежит уполномоченным московского и петроградского Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Правительство ставит своей задачей систематическое вооружение рабочих по всей России.

Постановляется настаивать на кандидатурах товарищей Ленина и Троцкого».

И эта резолюция, следовательно, требовала от претендентов на власть предварительного признания постановления II с'езда Советов, который этими претендентами признавался неправомочным. А 4 ноября ЦИК принял резолюцию, пред-

ложенную Лениным и Троцким и подтверждавшую закрытие буржуазных газет. При таких условиях, очевидно, не могло быть речи о возвращении меньшевиков и эс-эров в совещание, которое тем самым обрекалось на бесплодие. Наконец 5 ноября Викжель разослал «всем, всем, всем» телеграмму, в которой оповещал, что совещание «вынуждено было прекратить свои работы после того, как ЦИК незначительным большинством принял такие решения, которые делают фактически невозможным какое-либо соглашение».

Выше уже было отмечено, что сторонники прекращения гражданской войны путем соглашения между всеми социалистическими партиями и образования однородной социалистической власти развили энергичную агитацию в пользу этой идеи и добились принятия последней некоторыми организациями, в том числе и рабочими. Так, Петроградский совет профессиональных союзов требовал соглашения всех социалистических партий на следующих основаниях:

«1) Организация однородной социалистической власти, ответственной перед ЦИК'ом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, пополненным представителями ушедших партий и представителями Исполнительного Комитета Крестьянских Депутатов. Правительство составляется из представителей всех социалистических партий от большевиков до народных социалистов включительно.

2) Новая власть создается только при условии немедленной передачи земли крестьянам, предложения немедленного мира народам и правительствам всех воюющих стран и введения рабочего контроля над производством в общегосударственном масштабе».

Собрание представителей фабрично-заводских комитетов Невского района также признало необходимым «немедленное прекращение междоусобной войны, создание единой, сильной социалистической власти». Аналогичная резолюция была принята центральным правлением профсоюза кожевников. И даже в Выборгском районном совете Рабочих и Солдатских Депутатов—давнишней цитадели большевизма—представители всех трех фракций, входивших в состав совета,—большевиков, меньшевиков, и эс-эров — и весь совет в целом обратились

к рабочим с общим воззванием о прекращении розни в рабочей среде, о «единении и сплоченности всех социалистических сил пролетариата». «Не в партиях сейчас дело,—читаем мы в этом воззвании, — а в судьбе революции, в судьбе пролетариата... Долой фракционные распри. Да здравствует единый рабочий класс!»

Требования «немедленного прекращения гражданской войны внутри демократии и создания однородной демократической власти» или «создания единого социалистического министерства» принимаются на общих собраниях рабочих патронного завода, петроградского арсенала, механической мастерской Путиловского завода «Атлас» [121].

Таким образом «мелкобуржуазная стихия», приходившая в ужас перед перспективой «изоляции пролетариата», точнее— перед перспективой пролетарской диктатуры, захлестнула и некоторые элементы рабочего класса, не успевшие разобраться в сложной политической обстановке, которую создали быстро сменявшие друг друга грандиозные исторические события.

Сильнейшее давление этой мелкобуржуазной стихии оказало свое действие и на некоторые элементы партии большевиков, а именно на те, которые и раньше, перед Октябрьской революцией, обнаружили отмеченные выше колебания и отступления от общепартийной линии. Выразителем этих новых колебаний в частности явился тов. Каменев, как об этом можно судить по его отмеченным выше выступлениям на викжелевской «согласительной комиссии». Однако партия в целом и в лице ЦК, руководимого Лениным, дала резкий отпор этим колебаниям.

На заседании ЦК 1 ноября, где Каменевым было доложено о достигнутом соглашении на межпартийном совещании и о составе будущего «временного народного совета», тактика большевистской делегации в викжелевской «согласительной комиссии» была подвергнута резкой критике. Ленин заявил, что «политика Каменева должна быть прекращена в тот же момент» и что «разговаривать с Викжелем теперь не приходится. Нужно отправить войска в Москву». Принятая ЦК резолюция гласила:

«Считая на основании опыта предшествующих переговоров, что соглашательские партии ведут эти переговоры не с целью создания об'единенной советской власти, а с целью внесения раскола в среду рабочих и солдат, подрыва советской власти и окончательного закрепления левых эс-эров за политикой соглашательства с буржуазией, ЦК постановляет: разрешить членам партии в виду уже состоявшегося решения ЦИК'а принять сегодня же участие в последней попытке левых эс-эров создать так называемую однородную власть с целью последнего разоблачения несостоятельности этой попытки и окончательного прекращения дальнейших переговоров о коалиционной власти»[122].

Несмотря на твердость общей линии партии, некоторые верхушечные ее элементы, как было отмечено в начале этой главы, оказались захваченными этим мелкобуржуазным давлением и вступили в борьбу с общей линией ЦК. 4 ноября группа членов ЦК партии вышла из его состава и обратилась к нему со следующим заявлением:

ЦК РСДРП (большевиков) 1 ноября принял резолюцию, на деле отвергающую соглашение с партиями, входящими в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, для образования социалистического, советского правительства.

Мы считаем, что только немедленное соглашение на указанных нами условиях дало бы возможность пролетариату и революционной армии закрепить завоевания Октябрьской революции, укрепиться на новых позициях и собрать силы для дальнейшей борьбы за социализм.

Мы считаем, что создание такого правительства необходимо ради предотвращения дальнейшего кровопролития, надвигающегося голода, разгрома революции калединцами, обеспечения созыва Учредительного Собрания в назначенный срок и действительного проведения программы мира, принятой Всероссийским с'ездом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Неимоверными усилиями нам удалось добиться пересмотра решения ЦК и новой резолюции, которая могла бы стать основой создания советского правительства.

Однако это новое решение вызвало со стороны руководящей группы ЦК ряд действий, которые явно показывают, что она твердо решила не допустить образования правительства советских партий и отстаивать чисто большевистское правительство во что бы то ни стало и каких бы жертв рабочим и солдатам это ни стоило.

Мы не можем нести ответственность за эту гибельную политику ЦК, проводимую вопреки воле громадной части пролетариата и солдат, жаждущих скорейшего прекращения кровопролития между отдельными частями демократии.

Мы складываем с себя поэтому звание членов ЦК, чтобы иметь право откровенно сказать свое мнение массе рабочих и солдат и призвать их поддержать наш клич: Да здравствует правительство из советских партий. Немедленное соглашение на этом условии.

Мы уходим из ЦК в момент победы, в момент господства нашей партии, уходим потому, что не можем спокойно смотреть, как политика руководящей группы ЦК ведет к потере рабочей партией плодов этой победы, к разгрому пролетариата.

Оставаясь в рядах пролетарской партии, мы надеемся, что пролетариат преодолеет все препятствия и признает, что наш шаг вынужден сознанием долга ответственности перед социалистическим пролетариатом.

Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, В. Милютин, Г. Зиновьев, В. Ногин».

В тот же день значительная часть членов Совета Народных Комиссаров, составлявшая в нем большинство, сложила свои полномочия и обратилась в ЦИК и Совнарком с заявлением следующего содержания:

«Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий. Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии

в октябрьско-ноябрьские дни. Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и потому слагаем с себя перед ЦИК'ом звание Народных Комиссаров.

Народный Комиссар Торг. и. Промышл. В. Ногин.
Народный Комиссар по Внутренн. Делам А. Рыков.
Народный Комиссар Земледелия В. Милютин.
Народный Комиссар по Продов. И. Теодорович.
Народный Комиссар Труда А. Шляпников.
К настоящему заявлению присоединяются:
Комиссар Путей Сообщения Д. Рязанов.
Комиссар по Делам Печати Н. Дербышев.
Комиссар Государствен. Типографий И. Арбузов.
Комиссар Красной Гвардии Юренев.
Зав. Отд. Конфликтов в Мин. Труда Гр. Федоров.
(Пред. Раб. Секции).
Зав. Отд. Законод. Предп. Комиссар Гр. Ю. Ларин».

Вечером того же дня 4 ноября ЦИК после оглашения приведенного заявления группы народных комиссаров, обсуждал политику правительства. С защитой этой политики выступил Ленин. После прений левые эс-эры внесли резолюцию, в которой предлагали признать об'яснения председателя Совета Народных Комиссаров неудовлетворительными. Резолюция эта была отвергнута большинством всего 25 голосов против 20.

Вслед затем перед голосованием резолюции Урицкого, предлагавшей выразить Совету Народных Комиссаров полное доверие, был поднят вопрос о неучастии в голосовании народных комиссаров. Однако Ленин и Троцкий, сославшись на необходимость подчиняться партийной дисциплине, заявили,

что они будут участвовать в голосовании. После этого резолюция Урицкого кладется в основу большинством всего 25 голосов против 23 и принимается поименным голосованием большинством 29 голосов против 23 при 2 воздержавшихся [123].

Мы видим таким образом, что колебания части партийной верхушки и публичное выступление группы ее ответственнейших представителей против общей линии партии поставили под прямую угрозу только-что завоеванную пролетарскую диктатуру. При таких условиях ЦК партии выступил в центральном органе с энергичным отпором этой группе. 7 ноября в «Правде» было напечатано заявление ЦК, написанное Лениным и положившее конец разброду и «капитулянтским» настроениям в партии.

«...В такой большой партии, как наша, — гласило заявление, — несмотря на пролетарски-революционный курс нашей политики, не могло не оказаться отдельных товарищей, недостаточно стойких и твердых в деле борьбы с врагами народа. Задачи, стоящие сейчас перед нашей партией, поистине неизмеримы, трудности огромны, — и несколько членов нашей партии, занимавшие раньше ответственные посты, дрогнули перед натиском буржуазии и бежали из нашей среды. Вся буржуазия и все ее пособники ликуют по поводу этого, злорадствуют, кричат о развале, пророчат гибель большевистского правительства.

Товарищи! Не верьте этой лжи. Ушедшие товарищи поступили, как дезертиры, не только покинув вверенные им посты, но и сорвав прямое постановление ЦК нашей партии о том, чтобы обождать с уходом, хотя бы до решения петроградской и московской партийных организаций. Мы решительно осуждаем это дезертирство. Мы глубоко убеждены, что все сознательные рабочие, солдаты и крестьяне, принадлежащие к нашей партии или сочувствующие ей, так же решительно осудят поступок дезертиров.

...Мы заявляли, что ни на минуту, ни на волос дезертирский поступок нескольких человек из верхушки нашей партии не поколеблет единства *масс*, идущих за нашей партией, и, следовательно, не поколеблет нашей партии.

Пусть же устыдятся все маловеры, — гласило дальше заявление,—все колеблющиеся, все сомневающиеся, все давшие себя запугать буржуазии или поддавшиеся крикам ее прямых и косвенных пособников. *Ни тени* колебаний *в массах* петроградских, московских и др. рабочих и солдат *нет*. Наша партия стоит дружно и твердо, как один человек, на страже советской власти, на страже интересов всех трудящихся, прежде всего рабочих и беднейших крестьян» [124].

Между тем пролетарская революция, победившая в Петрограде и в Москве, непрерывно побеждала и в провинции. Этими успехами революции и твердой линией партии кризис был чрезвычайно быстро преодолен.

Члены партии, подписавшие приведенные обращения, постепенно возвратились на свои посты. А 15 ноября состоялось об'единение ЦИК'а с лево-эс-эровским Всероссийским Чрезвычайным Крестьянским С'ездом и пополнение ЦИК'а представителями последнего, после чего левые эс-эры вступили в состав Совнаркома, знаменуя этим союз рабочих и крестьян в пролетарской революции.

Прослеженная в настоящем параграфе борьба между сторонниками «единой социалистической власти» или «однородного социалистического министерства» и их противниками была борьбой между мелкобуржуазной демократией, к которой примкнуло правое крыло большевистской верхушки, и последовательными большевиками-ленинцами. Борьба эта, как это ярко показывают и приведенные заявления большевиков, временно отколовшихся от партийной линии, шла по линии борьбы между *диктатурой пролетариата и демократией*. По той же линии пойдет и в дальнейшем борьба между коммунизмом и социал-демократией (меньшевизмом) в период гражданской войны.

С этой точки зрения борьба вокруг вопроса о «единой социалистической власти», разгоревшаяся у колыбели пролетарской революции, имела то значение, что практическое противопоставление диктатуры пролетариата и демократии способствовало идейному очищению большевизма от меньшевистской шелухи, большевистскому перевоспитанию тех элементов партии, которые в то время еще не развяза-

лись окончательно с меньшевистским «парламентским кретинизмом».

В частности эта борьба и способ ее ликвидации помогли большевистской партии быстро нащупать и провести линию пролетарской диктатуры в отношении буржуазных органов самоуправления—земств и городских дум, а через два месяца—и в отношении Учредительного Собрания.

Глава четвертая

Октябрьское восстание в Москве

После Петрограда Москва являлась важнейшим из пунктов, где решалась участь пролетарской революции в России. Победа революции в Петрограде, Москве и на фронте означала и победу во всей России. Вот почему после переворота в Петрограде все надежды контр-революции были возложены на Москву. Эти надежды были разбиты не слишком быстро, так как в Москве Октябрьский переворот прошел далеко не так гладко, быстро и безболезненно, как в Петрограде. Это об'ясняется гораздо более слабой организацией как подготовки к восстанию, так и самого восстания.

Московский комитет и областное бюро присоединились к резолюции ЦК от 10 октября о необходимости готовиться к вооруженному восстанию. Для практического осуществления этой резолюции и здесь необходимо было произвести выборы партийного центра для руководства восстанием. Однако эти выборы осложнились организационными трениями между областным бюро и Московским Комитетом и закончились только 25 октября, когда в Петрограде уже произошли решающие события. Немедленно были даны условные телеграммы по области партийным организациям с предложением о немедленном выступлении.

Лишь в тот же день, 25 октября, состоялось об'единенное заседание московских советов рабочих и солдатских депутатов, на котором большевистской фракцией в лице Смидовича был поставлен вопрос об организации Военно-Революционного

Комитета, как «революционного центра власти в Москве». С энергичными возражениями против организации Военно-Революционного Комитета выступили, разумеется, меньшевики и эс-эры. Последние при этом совершенно отказались от участия в голосовании. Огромным большинством (394 голосов против 106, при 23 воздержавшихся) резолюция большевиков была принята. После перерыва меньшевики заявили, что они войдут в состав Военно-Революционного Комитета для того, чтобы внутри его бороться с тактикой большевиков. Несмотря на такую оговорку, меньшевики были избраны в состав Военно-Революционного Комитета, который сорганизовался из четырех большевиков (Смирнова, Муралова, Усиевича и Ломова), двух меньшевиков (Тейтельбаума и Николаева) и одного об'единенца (Константинова) [125].

Однако в дальнейшем меньшевики и об'единенцы вышли из состава Военно-Революционного Комитета, который не раз пополнялся путем кооптации большевиками, частью же и левыми эс-эрами.

Организующим центром сил буржуазии стала оборонческо-кадетская московская городская дума. 25 октября в связи с петроградскими событиями было созвано экстренное заседание думы. Достойно упоминания, что городской голова, эс-эр Руднев, отстаивал на этом заседании и для будущего правительства идею коалиции. В заключение дума решила создать новый орган—«Комитет общественной безопасности». Организация Комитета была возложена на городскую управу. На следующий день, 26-го октября, этот «Комитет» уже приступил к действиям. 26-го же числа выступил и командующий войсками московского округа, полк. Рябцов, покамест с воззванием, в котором убеждал население «не поднимать никакой гражданской войны».

Военно-Революционный Комитет тотчас после своего возникновения занялся собиранием военной силы. Московский Совет солдатских депутатов, давно уже избранный и вплоть до момента Октябрьской революции сохранивший оборонческое большинство, ни в малой степени не отражал настроения московского гарнизона. Поэтому Военно-Революционным Комитетом 26 октября было созвано совещание представите-

2540—15

лей всех частей гарнизона. Совещание оказалось в подавляющем большинстве большевистским и высказалось 116 голосами против 18 за переход власти к советам.

Таким образом московский Военно-Революционный Комитет имел на своей стороне сочувствие и поддержку почти всего гарнизона. С другой стороны, на стороне Комитета общественной безопасности были юнкерские училища, особенно Александровское на Знаменке, далее—офицеры, присоединившиеся с целью борьбы к юнкерам, наконец частью студенческая молодежь. Рабочий класс и солдаты, с одной стороны, буржуазия, — с другой, — так разместились и в Москве, подобно Ленинграду, классовые силы Октябрьского восстания и его врагов. В речи, произнесенной тотчас после московских событий, тов. Бухарин говорил об этом так:

«В Москве ярче и глубже, чем где бы то ни было, проявилось классовое значение борьбы за власть советов. Именно здесь на стороне контр-революции не оказалось ни одного полка, ни одной роты солдат и ни одного отряда рабочих, именно здесь, с одной стороны, оказались белая гвардия и все юнкера, кость от кости и плоть от плоти контр-революционной буржуазии, а с другой — вся солдатская масса и все представленные красной гвардией рабочие». (Речь на заседании ВЦИК'а 2-го созыва 6 ноября 1917 г.) [126].

Более детальный, хотя, конечно, весьма приблизительный подсчет сил обеих сторон дает тов. Н. Муралов [127]. По его словам, из московских частей «запасная артбригада (15—18 тыс. человек), 55-й и 56-й запасные пехотные полки (10—12 тыс. штыков) были целиком наши. 192-й, 252-й, 183-й, 85-й и 194-й (последний—в Клязьме близ Москвы), если не были наши в буквальном смысле слова, то во всяком случае были нейтральны или имели по нескольку большевистских рот... Технические и специальные войска были или целиком наши (самокатный батальон) или большею частью своего солдатского состава (2-я и 28-я запасные автороты, телеграфно-телефонно-прожекторный полк и т. п.)... В общем мы имели в Москве абсолютно верных нам бойцов не менее *50 тысяч* (курсив подл. *С. А.)* человек и столько же близких к нам, колеблющихся и во всяком случае *не наших противников*».

«За эти 6 суток (восстания. *С. А.*), — говорит тот же автор, — в борьбу втянут *весь гарнизон*. Не было полков как московских, так и ближайших к Москве (Серпухов, Клязьма, Павловская слобода и пр.), которые не дали бы нам роты или батальона».

Что касается сил Комитета безопасности, то они «были сравнительно малы. Если считать 2 военных училища и 6 школ прапорщиков, их было приблизительно 10 тысяч бойцов. Несомненно, что на стороне противника преимущество *качественное* (генералы, вообще офицеры и юнкера)».

В общем, по заключению Муралова, Военно-Революционный Комитет имел «подавляющее численное превосходство (раз в десять)» над противником [128].

Тем не менее Военно-Революционный Комитет не предпринял сразу решительных действий против врагов, в первую голову — прямого наступления на городскую думу, где помещался главный штаб контр-революции — Комитет общественной безопасности. Дни 26 и 27 октября Военно-Революционный Комитет посвятил занятию некоторых стратегических пунктов в городе и переговорам с Комитетом общественной безопасности и его представителями — городским головой Рудневым и командующим войсками Рябцовым, которых он надеялся убедить мирным путем сдать власть Военно-Революционному Комитету.

Лишь 27 октября был опубликован приказ Военно-Революционного Комитета, которым он брал власть над гарнизоном в свои руки: «...1) Весь московский гарнизон немедленно должен быть приведен в боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию Военно-Революционного Комитета. 2) Никакие приказы и распоряжения, не исходящие от Военно-Революционного Комитета или не скрепленные его подписью, исполнению не подлежат».

Как мы видели, в Петрограде соответствующий приказ был издан Военно-Революционным Комитетом уже за несколько дней до начала восстания, именно 22 октября.

Так как в Кремле нес караулы большевистский 56-й полк, то Кремль оказался в руках Военно-Революционного Коми-

тета. По приказу последнего, в Кремль были введены в подкрепление еще части 193-го полка. Далее, солдатскими и красногвардейскими отрядами Военно-Революционного Комитета были заняты почтамт, телефонная станция, вокзалы, государственный банк, типографии.

С другой стороны, и Комитет общественной безопасности вначале не предпринимал решительных действий против Военно-Революционного Комитета, отчасти «принципиально» не желая разжигать гражданской войны, отчасти же потому, что командующий войсками Рябцов находился в Кремле, где, будучи окружен «мятежниками», вел с ними в течение всего дня 27 октября переговоры о добровольном очищении ими Кремля и передаче его юнкерам, обложившим Кремль со всех сторон.

Наконец вечером 27 октября Рябцов, успевший выбраться из Кремля, предпринял решительное наступление. В 7 часов вечера он пред'явил по телефону ультиматум Военно-Революционному Комитету, согласно которому последний должен быть немедленно распущен, а Кремль, почтамт и другие занятые его отрядами учреждения очищены, под угрозой открытия в противном случае боевых действий.

Военно-Революционный Комитет не ответил прямым отказом, но попытался вступить с Комитетом общественной безопасности в переговоры, которые последний однако отклонил до выполнения ультиматума. Ультиматум был в конце концов отклонен Военно-Революционным Комитетом, и тогда юнкера предприняли общее наступление.

В течение следующих суток белые добились весьма существенных успехов. Утром 28 октября они вынудили Кремль к сдаче, после чего последовали зверские расстрелы его защитников-солдат [129]. В дальнейшем юнкера заняли вокзалы, почтамт, центральный телеграф, телефонную станцию и весь центр города за исключением части Тверской улицы, которая вместе с домом Совета все еще находилась в руках Военно-Революционного Комитета. Однако этот последний оказался почти совершенно отрезанным от районов. После полудня 28 октября члену Военно-Революционного Комитета В. М. Смирнову удалось подвезти к зданию Совета три ору-

дия, раздобытых с Ходынки у стоявшей на стороне большевиков артиллерийской бригады. Но Военно-Революционный Комитет некоторое время не решался пускать их в ход, не желая подвергать разрушению городские здания.

В популярной литературе принято во всех неудачах московского октябрьского восстания по сравнению с петроградским — в чрезмерной затяжке борьбы, в обилии жертв и проч. — винить Московский Военно-Революционный Комитет и его неправильную политику. В этих обвинениях верно лишь то, что Военно-Революционный Комитет в период восстания обнаружил недостаточную решительность и пытался основной вопрос классовой борьбы разрешить посредством переговоров с белогвардейцами. Однакоже нельзя взваливать на Военно-Революционный Комитет вину за многократные военные неудачи восстания, вследствие которых так затянулась борьба. По словам Н. Муралова, в неудачах борьбы «сказалась наша техническая неподготовленность, наше уменье владеть массами политически и неуменье и неподготовленность управлять войсками в уличном бою. Имея подавляющее численное превосходство (раз в 10), мы затянули бои на целую неделю. Спора нет, что некоторую долю вины в этой затяжке должен взять на себя Военно-Революционный Комитет вследствие упомянутого выше колебания, склонности к компромиссам, переговорам и пр. *Но ведь Комитет почти совершенно не вмешивался в оперативную часть, в работу так называемого штаба.* Штабные операционные планы всегда без проволочек и задержки получали санкцию Комитета. Лишь один раз, в вопросе о применении артиллерии, получилась затяжка в виду разногласия на сей предмет среди членов Комитета (оперштаб в этом вопросе был единодушен), который вместо того, чтобы быстро решить вопрос в положительном смысле, прел и дебатировал часами» (курсив наш. *С. А.*) [130].

В противовес некоторым колебаниям Военно-Революционного Комитета огромную наступательную энергию и революционный энтузиазм проявили с первых же дней восстания районы. Районы и даже отдельные отряды зачастую брали на себя инициативу боевых действий против белогвардейцев без ведома и даже иногда вопреки прямым распоряжениям Военно-

Революционного Комитета. Не ограничиваясь борьбой на местах, районы оказывали непрерывное давление на центральный Военно-Революционный Комитет, побуждая его к более энергичным и решительным действиям. Именно благодаря инициативе районов силы белогвардейцев были связаны во всех рабочих кварталах еще до начала решительных действий, и область вооруженной борьбы оказалась в общем ограниченной лишь центральными частями города, а это в свою очередь позволило районам сравнительно спокойно формировать отряды в помощь центру. Только активность районов и непрерывная с их стороны помощь центру живой силой, оружием и продовольствием дала возможность Военно-Революционному Комитету победоносно закончить борьбу с белогвардейцами.

«К счастью, — говорил тов. Бухарин, — на беспредельной боевой высоте оказались наши солдаты и рабочие, которые своими самочинными действиями, своей беспредельной храбростью, актами беззаветного самопожертвования парализовали нерешительность партийных центров и принесли нам свободу» [131].

Инициатива боевой организации районов для участия в восстании принадлежит Военно-Революционному Комитету. Последний немедленно по своем образовании разослал в районные советы телефонограммы с предложением избрать районные военно-революционные комитеты. Районные ревкомы оказались повсеместно избранными уже 26 октября и немедленно же приступили к проведению массовых митингов на фабриках, заводах и в частях гарнизона, к мобилизации военной силы, к добыванию оружия и продовольствия для снабжения бойцов, к арестам вооруженных офицеров и юнкеров. Рабочие районы не только вели борьбу с белогвардейцами на местах, но и посылали отряд за отрядом в помощь центру. В районах же начались и первые вооруженные столкновения с белогвардейцами еще в то время, как центральный Военно-Революционный Комитет был еще занят переговорами с Комитетом безопасности.

Главным центром борьбы оказался Хамовнический район. Здесь были сосредоточены главные силы белогвардейцев вместе с их военным штабом, помещавшимся на Пречистенке. А между тем местный ревком располагал вначале лишь дюжиной

старых винтовок. Оружие в первые дни приходилось добывать исключительно путем разоружения арестованных офицеров. Лишь 29—30 октября району удалось получить оружие от красногвардейцев - железнодорожников, захвативших вагон с винтовками на Казанской дороге. Первую военную силу район получил лишь 28 октября в виде трех рот 193-го полка, составивших в последующие дни главную боевую силу в районе. На третий и четвертый день борьбы стали подходить и рабочие отряды. Борьба здесь была весьма упорная и велась с переменным успехом вплоть до заключения общего перемирия 2 ноября.

Трудную борьбу пришлось также вынести и городскому району. И здесь, как и в Хамовниках, буржуазное население района оказалось на стороне Комитета безопасности и по мере сил оказывало ему поддержку, что сильно затрудняло борьбу. Зато в местный ревком, поместившийся на Сухаревой площади, непрерывно подходили со всех концов рабочие-красногвардейцы. На стороне ревкома оказались также и расположенные в районе воинские части. И здесь борьба затянулась вплоть до общего перемирия.

Упорная борьба происходила также и в примыкающих к центру частях Пресненского района, главным образом в районе Кудринской площади, Б. Никитской и Поварской улиц. Здесь в период наиболее напряженных боев 31 октября — 1 ноября местный ревком пустил в действие два орудия и пулеметы, и решительный успех революционных войск обозначился лишь к вечеру 1 ноября.

Значительно легче протекала борьба на рабочих окраинах, где на стороне ревкома были не только громадный перевес в силах, но и сочувствие и активная поддержка со стороны огромного большинства рабочего населения. Так, в Замоскворечьи отдельные белогвардейские гнезда, например, помещавшуюся в Александровских казармах школу прапорщиков и стоявшую в Котлах казачью часть, удалось ликвидировать и обезвредить в самом начале борьбы, и в дальнейшем район находился вне сферы военных действий. В этом районе удалось наладить в первые же дни ежедневный выпуск органа Московского комитета партии «Социал-Демократ».

Басманный и Благуше-Лефортовский районы, пользуясь активной поддержкой и поголовным сочувствием рабочего населения и расположенных в районах воинских частей, развили энергичную работу по формированию отрядов в помощь центру. Один Лефортовский район вооружил и отправил в центр 2.500 человек. В центре этих районов находилось Алексеевское военное училище и кадетские корпуса, представлявшие настоящее гнездо белогвардейщины, отлично снабженное оружием и имевшее около 400 бойцов (офицеров, юнкеров и кадетов). На совместном совещании Лефортовского, Басманного и Рогожского районов 29 октября было решено уничтожить это гнездо.

Наступление было начато утром 30 октября соединенными силами трех районов. Лишь после продолжительной борьбы и артиллерийского обстрела удалось принудить юнкеров к сдаче, после чего освободившиеся силы районов были отправлены на помощь центру. Любопытно отметить, что атака была начата 30 октября, т. е. как-раз в день первого перемирия, заключенного центральным Военно-Революционным Комитетом с Комитетом безопасности.

В Сокольническом, Сущевско-Мариинском, Петровском и Бутырском районах боев почти не было, и их участие в восстании ограничилось поддержанием революционного порядка и помощью центру. Огромную услугу восстанию оказал Железнодорожный район, об'единявший все железнодорожные организации, и также избравший свой ревком. Все вокзалы были заняты красногвардейскими отрядами из железнодорожников, которые, с одной стороны, вели вооруженную борьбу с белогвардейскими частями, пытавшимися захватить вокзалы, с другой — не подпускали к Москве враждебных войск, двигавшихся на помощь Комитету безопасности, и разоружали прибывавшие эшелоны, политическая физиономия которых была неясна. Так красногвардейцами Александровского вокзала был разобран путь под Гжатском и задержано 17 эшелонов казаков и драгун, направлявшихся в Москву. Сверх того, железнодорожный район оказывал и непосредственную помощь центру отправкой сформированных им вооруженных отрядов.

Надо сказать однако, что успехи районов, как и войск центрального Военно-Революционного Комитета, развернулись главным образом лишь спустя несколько дней после начала восстания. В первые же дни борьбы, 27—28 октября, войскам Комитета Безопасности удалось, как сказано, добиться крупных успехов, особенно в центре, против войск центрального Военно-Революционного Комитета. В ночь на 29 актября положение Военно-Революционного Комитета стало критическим.

Впрочем, успехи белогвардейцев подтачивались отсутствием единства настроения и внутренней разноголосицей в их среде. И здесь крайне правое крыло врагов большевизма с неменьшей, если не с большей, враждебностью относились и к низвергаемому «полубольшевистскому» Временному Правительству. По словам члена Временного Правительства Прокоповича, оказавшегося в эти дни в Москве, «в Москве правые открыто тогда говорили: «Лишь бы большевики свергли власть Временного Правительства, а там уж справиться с ними будет легко» [132]. Некоторые элементы из этих правых кругов, готовые бороться с большевиками, не хотели однако участвовать в борьбе, пока ее лозунгом оставалось восстановление власти Временного Правительства. Правда, кроме правых группировок, непримиримо враждебных в отношении Временного Правительства, существовали и такие правые элементы, которые, подобно генералу Краснову, были готовы защищать его против большевиков, как «наименьшее зло». Такова была, например, примкнувшая к юнкерам группа правого офицерства, настроенная очень решительно. Но военную молодежь из городской мелкобуржуазной среды, — студентов, мобилизованных интеллигентов, новоиспеченных прапорщиков, наконец демократически настроенных юнкеров — как-раз пугало и отталкивало это участие в борьбе рука-об-руку с правым, явно-монархическим офицерством. А на следующей стадии борьбы, когда, как мы увидим ниже, и в Москве выплыла на свет идея примирения враждующих сторон на почве образования «однородного социалистического правительства», — эта идея могла только отталкивать буржуазных «защитников Москвы», не желавших ничего слышать о социализме. Как указывает Милюков «для большинства юнкеров и офицеров, наиболее

активных участников борьбы, эта идея делала бесцельной самую борьбу».

Эти внутренние противоречия «уже с самого начала... сказались в том, что вместо единства руководства и немедленного приступа к решительным действиям, защитникам государственности пришлось тратить дорогое время на ведение переговоров и на придумывание компромиссов между различными течениями, об'единившимися для совместной борьбы» [133].

Таким образом описанные противоречия не могли не отразиться и на самой боеспособности и военных успехах белых. Во всяком случае, день и ночь 28 октября были временем их наибольших успехов.

С утра 29 октября начинаются успехи советских войск. Была наконец приведена в действие красная артиллерия. По призыву московского комитета партии, Военно-Революционного Комитета и Центрального Совета профсоюзов была произведена массовая мобилизация рабочих на борьбу с белогвардейцами. С утра красными отрядами была очищена от юнкеров вся Тверская.

Эти успехи не были решительны, однако они серьезно встревожили белогвардейцев. В частности они оживили деятельность тех элементов, которые стремились сыграть роль «честного маклера» и примирить враждующие стороны. Такую попытку сделали прежде всего меньшевики, задумавшие ради этого создать орган, который был бы авторитетен для обеих борющихся сторон. В такой орган по их мысли должен был превратиться Комитет безопасности, в который должны были для этого быть введены представители социалистических партий (до того Комитет безопасности состоял из представителей не «партий», а «учреждений», что не мешало ему иметь в своем составе членов социалистических партий, как самих меньшевиков, так и эс-эров). Однако план меньшевиков не удался потому, что кадеты и эс-эры, входившие в состав Комитета безопасности, не согласились на столь «партийное» преобразование этого органа. После этого меньшевики вышли из состава Комитета безопасности. Выше уже было указано на их выход из Военно-Революционного Комитета. Таким образом они остались вне обеих борющихся сил, подтвердив еще раз

в Октябрьские дни в Москве свою способность превращаться в политический труп как-раз в наиболее ответственный и важный исторический момент.

Более серьезную попытку в том же направлении, имевшую существенные результаты, сделал знакомый нам Викжель, столь энергично суетившийся во время Октябрьских дней в Петрограде. 29 октября, в день крупных успехов Военно-Революционного Комитета, Викжель обратился к обеим борющимся сторонам с предложением немедленно прекратить вооруженную борьбу и вступить в переговоры на основе образования однородного социалистического правительства от большевиков до народных социалистов.

С этой целью борющиеся стороны должны немедленно заключить перемирие на 24 часа. Основные условия соглашения были таковы:

1) Роспуск обоих Комитетов, как Военно-Революционного, так и безопасности; роспуск и возвращение в свои части всех военных сил, собравшихся вокруг этих Комитетов и принимавших участие в гражданской войне; в дальнейшем все войска поступают в распоряжение Рябцова.

2) Организация полномочного органа власти в Москве, создаваемого впредь до организации местной власти центральным правительством и состоящего из представителей: московской городской думы, московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, губернских Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, земства, центрального совета профсоюзов, Викжеля и почтово-телеграфного союза.

Как видим, эти условия означали полную ликвидацию пролетарской диктатуры и торжество «демократической» программы. Тем не менее, Военно-Революционный Комитет счел себя вынужденным согласиться на эти условия под угрозой со стороны Викжеля в противном случае беспрепятственно пропускать в Москву войска, подходящие на помощь Комитету безопасности. Что касается этого последнего, по словам одного из видных его членов, «между нами не было ни одного сторонника однородного социалистического министерства». Но «военные убеждали нас не упорствовать и соглашаться на что угодно»[134].

Таким образом с 12 часов ночи на 30 октября сторонами было об'явлено перемирие сроком на 24 часа, и в дальнейшем последовало соглашение (фактически не осуществленное) о его продлении еще на 12 часов.

Заключенное перемирие однако осталось до некоторой степени на бумаге. Кое-где в районах о нем ничего не знали, и борьба продолжалась, на этот раз с перевесом на стороне красных войск. (Мы видели, что как-раз 30 октября соединенные силы Басманного, Лефортовского и Рогожского районов предприняли успешные операции против Алексеевского военного училища).

В день перемирия, 30 октября, в Москву дошли слухи о неудаче, постигшей отряд Керенского—Краснова под Пулковым, и об отступлении его из Царского в Гатчину. В тот же день Военно-Революционный Комитет получил существенную помощь из провинции: «На помощь красной гвардии 12 ноября (30 октября ст. ст. *С. А.)* прибывают рабочие-бойцы Мытищенского завода, Павловской слободы и Серпуховского района. Из Минска прибыли две роты революционных солдат. Красная гвардия Тулы на казенных орудийных заводах снаряжает автомобили и грузовики, ставит на них пулеметы и отправляет на помощь Москве» [135].

При таких условиях Военно-Революционный Комитет в 12 ч. ночи на 31 октября сделал Викжелю следующее заявление:

«Признавая, что пункты, которые были формулированы на общем совещании с Викжелем и другими организациями, оказались для Военно-Революционного Комитета неприемлемыми, он прекращает перемирие, признавая однако возможным в ближайшем будущем по взаимному уговору начать переговоры о мире на платформе советских резолюций» [136].

Вслед затем возобновились военные действия, которые теперь велись обеими сторонами с большим упорством и ожесточением. Однакоже перевес был всюду на стороне Военно-Революционного Комитета, которому удалось в течение короткого времени добиться крупных успехов. Этому способствовало прежде всего соотношение сил борющихся сторон, на которое мы уже указывали выше.

Дальнейшим немаловажным фактором успехов восстания было разложение в стане его врагов; последнее шло все дальше

По мере того, как затянувшаяся борьба все ярче разоблачала подлинную классовую природу и классовые цели врагов движения в глазах тех мелкобуржуазных элементов, которые выступили с оружием в руках на защиту буржуазии. Как указывает Милюков, «кучка защитников Москвы и России чем дальше, тем больше чувствовала себя изолированной и от отсталой России, и от других общественных элементов. Слова «юнкер», «офицер», «студент» сделались бранными словами, и геройский порыв людей, носивших эти звания, бледнел перед пассивным отношением или даже явной враждебностью к ним населения, на защиту которого они выступили и жертвовали своей жизнью... Бесполезная уступка, сделанная идее «однородного» социалистического министерства, поставила перед многими из юнкеров и офицеров вопрос, за кого же, за какую политическую ориентацию они собственно борются и какая в сущности разница между «передачей всей власти» советам и «ответственностью» исключительно социалистического партийного правительства перед «органами революционной демократии» [137].

Приведенные замечания буржуазного историка весьма красноречиво характеризуют создавшееся положение: городская мелкобуржуазная масса, городское «население», на «защиту» которого выступили юнкера, оказалось за большевиков и против своих «защитников», несмотря на то, что в среде последних было много истинных и давнишних социалистов». В результате «с удивлением и с беспокойством эта армия (т. е. белогвардейская. *С. А.)* замечала, что она изолирована не только топографически, но и социально; что, защищая порядок и законную власть, она в то же время, путем исключения и против своей воли, оказывается представительницей определенных классов (Милюков не хочет сказать прямо: классов помещиков и капиталистов. *С. А.)* Имя «юнкер» начало с ненавистью произноситься демократическим населением Москвы и противополагаться «народу» [138].

Таким образом по возобновлении вооруженной борьбы красные отряды в первый же день выбивают белых из почтамта, телефонной станции, некоторых вокзалов и к вечеру 31 октября вынуждают юнкеров отступить к Кремлю. 1 ноября

красные после обстрела занимают городскую думу, откуда гласные и Комитет безопасности переходят в Исторический музей и в Кремль. Однако Исторический музей вскоре также переходит в руки красных, которые 1—2 ноября обстреливают орудийным огнем Кремль и Александровское военное училище, где засели юнкера.

Вечером 1 ноября представители белогвардейских воинских частей собрались в Александровском училище вместе с представителями Комитета безопасности, которому они поставили ряд вопросов о сложившемся положении и видах на будущее. Не получив удовлетворительного ответа, они предложили Комитету безопасности вступить в мирные переговоры с Военно-Революционным Комитетом. Последние начались 2 ноября и к 5 часам этого дня закончились установлением мирного соглашения. Согласно этому последнему, Комитет общественной безопасности прекращал свое существование, а белогвардейские части распускались и разоружались, при чем всем участникам вооруженной борьбы против Военно-Революционного Комитета последний гарантировал свободу и неприкосновенность личности, а пленные обеих сторон подлежали немедленному освобождению. Таким образом мирное соглашение было по существу капитуляцией белогвардейцев. 3 ноября, в исполнение этого соглашения, происходило разоружение белых отрядов у здания Александровского военного училища.

Так закончилось Октябрьское восстание в Москве полной победой восставшего пролетариата, хотя лишь после недельной борьбы.

Глава пятая

Октябрьская революция и ставка

После самого Временного Правительства и созданных им аппаратов буржуазной власти в обеих столицах наибольшую угрозу Октябрьской революции представляла собой головка действующей армии — «ставка верховного главнокомандую-

щего», находившаяся в то время в Могилеве; вся вооруженная сила контр-революции, какую только могла выделить из себя старая армия, находилась в распоряжении ставки. В ставке и вокруг ставки об'единился весь генералитет, весь командный состав армии, сохраненный Временным Правительством почти в полной неприкосновенности в том виде, как оно получило его из рук старого режима. Уже при Временном Правительстве корниловское восстание показало, как легко может стать ставка организующим центром монархической контр-революции. А благодаря уцелевшим остаткам старой дисциплины ставка могла еще располагать теми воинскими частями, которые не подверглись «большевистскому разложению», в роде «ударников», кое-каких казачьих и «туземных» частей и т. п. Поэтому судьба Октябрьской революции ни в какой мере не могла считаться обеспеченной до тех пор, пока ей не удастся захватить и уничтожить старую ставку.

Исход борьбы и здесь был решен соотношением классовых сил. На стороне рушившейся власти Временного Правительства оказалась, разумеется, официальная ставка, при чем в отношении ее крайних правых элементов необходимо сделать те же оговорки, какие были сделаны при описании Октябрьского восстания в Петрограде и Москве. На той же стороне оказалась мелкобуржуазная демократия и все ее партийные организации, в том числе и верхушечные советские организации армии. А на стороне большевиков оказались в подавляющем большинстве солдатские массы.

К моменту Октябрьского переворота во главе ставки стоял бывший церский генерал Духонин, занимавший должность начальника штаба верховного главнокомандующего. После поражения отряда Краснова под Петроградом и бегства Керенского Духонин взял на себя исполнение обязанностей верховного главнокомандующего и вступил в тайные сношения с Корниловым, находившимся в так называемом заключении в Быхове и побуждавшим Духонина к энергичному выступлению против большевиков.

В борьбе с советской властью, созданной Октябрьской революцией, Духонин находил твердую опору в общеармейском комитете.

Последний, будучи избран в начале революции, имел оборонческий состав и считал себя представителем всей армии, хотя на самом деле уже давно перестал выражать настроение солдатских масс. Оборонческое большинство имел и Могилевский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. И даже отдельной большевистской партийной организации в Могилеве не существовало: большевики входили в состав об'единенной социал-демократической организации, в которой большинство принадлежало меньшевикам-интернационалистам. Лишь после июльских дней в этой об'единенной организации сложилась оформленная большевистская фракция (см. об этом подробнее у Лелевича — «Октябрь в ставке», стр. 13—15).

Естественно при таких обстоятельствах, что Октябрьский переворот был встречен в Могилеве «единодушным» осуждением со стороны всех общественных организаций, игравших политическую роль. 26 октября состоялось общее собрание представителей города, земства, партий, кооперации, всех национальных и политических организаций, которое вынесло осуждение выступлению большевиков; к этому осуждению присоединился даже представитель профессиональных союзов, сделав следующее заявление: «Профессиональные организации решили присоединиться к резолюции Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и, осуждая замысел большевиков, требуем вместе с тем передачи всей земли трудовому народу и принятия активных шагов в пользу скорого заключения мира» [139].

То же совещание приняло постановление об организации Комитета общественной безопасности, который уже самым своим названием показывал, что его задачей является об'единение всех сил белогвардейщины, всех врагов Октябрьской революции.

В состав этого Комитета вошли представители городского самоуправления и земства, партий, Совета Крестьянских Депутатов, профессиональных союзов, национальных организаций, кооперации и пр.

Несколько дней спустя и пленум Могилевского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов принял резолюцию, осуждающую выступление большевиков и требующую образования однородного демократического министерства [140].

Враждебную позицию в отношении большевиков занял, разумеется, и оборонческий общеармейский комитет, опубликовавший в своем «Бюллетене» от 31 октября следующее обращение к Викжелю:

«Мы, представители общеармейского комитета при ставке, без колебаний выступили против попытки большевиков силой навязать стране свою волю.

На силу мы ответили силой. Войска, руководимые сознанием своей правоты, идут на Петроград. Все меры, предпринимаемые ставкой, проводятся под нашим контролем. Мы не хотим крови. В тот момент, когда большевики сложат оружие, когда они подчинятся решению полномочного органа демократии — Всероссийского Комитета Спасения Родины и Революции, — мы отзовем войска. Ни одна капля крови не прольется даром. Если же справа будет попытка использовать это восстание в целях контр-революции, мы всей свой мощью станем против нее. Мы просим вашего доверия, не препятствуйте движению войск, идущих по нашему указанию. Мы приглашаем в наш руководящий орган вашего представителя для совместной работы в этот тяжелый момент»[141].

Как видим, голос общеармейского комитета звучал достаточно «гордо» и воинственно и без обиняков угрожал вооруженной расправой большевикам, пока последние не «сложат оружия». Однако уже в следующем № 5 «Бюллетеня», очевидно, в связи с провалом похода Керенского-Краснова, общеармейский комитет опубликовал гораздо более умеренную резолюцию: теперь он уже не грозит большевикам оружием, а становится на позицию сторонников «однородной социалистической власти». Вот эта резолюция:

«Во имя немедленной ликвидации кризиса, успешной борьбы с анархией, об'единения всех демократических сил против нарастающей справа опасности, сохранения спокойствия и единства на фронте, общеармейский комитет поддерживает образование однородного правительства, в составе от народных социалистов до большевиков включительно, на платформе безотлагательного созыва Учредительного Собрания, передачи земельным комитетам земельного фонда и немедленного предложения всеобщего мира»[142].

2540—16

Эта резолюция была опубликована 1 ноября, тогда, когда уже почти окончательно выяснилась полная неудача межпартийных переговоров об организации «однородной социалистической власти», которые происходили в Петрограде по инициативе Викжеля. Несколько дней спустя в ставке появляются лидеры партий, отброшенных Октябрьским переворотом от власти, но жаждавших снова к ней приобщиться. 4 ноября в ставку прибыли члены ЦК эс-эров Чернов, Фейт, Шохерман, вскоре затем мы находим там членов ЦК той же партии Гоца и Авксентьева, меньшевика, бывшего члена Временного Правительства М. Скобелева и «верховного комиссара армии» эн-эса Станкевича, членов Викжеля и других представителей «революционной демократии». Переговоры о сформировании власти, неудавшиеся в Петрограде, возобновляются теперь в Могилеве. Казалось бы, здесь они могли бы пройти быстро и гладко, так как главное препятствие к соглашению — несговорчивость большевиков — здесь отсутствовало. Таким образом переговариваться и соглашаться мелкобуржуазной демократии приходилось здесь с самой собой. Однако переговоры и на этот раз оказались совершенно бесплодными, наткнувшись на непреодолимые внутренние противоречия между самими «переговорщиками»: не может быть более убедительного доказательства бессилия и политического ничтожества мелкобуржуазной демократии на закате буржуазной Февральской революции.

Инициативу переговоров о сформировании власти взял на себя на этот раз общеармейский комитет. Исходя из того, что почти что двухнедельные переговоры в Петрограде ни к чему не приводят, а между тем армия «не может больше ждать ни одного дня» без власти, общеармейский комитет предложил «перейти от слов к делу» и передать дело формирования власти армии в лице фронтовых и армейских комитетов; последним однако при этом рекомендовалось передоверить эту задачу самому общеармейскому комитету, а также высказаться по поводу выдвигаемого последним кандидата в председатели будущего правительства. В этом смысле общеармейский комитет составил проект обращения к армейским комитетам, каковой и предложил совещанию утвердить.

На совещании в ставке 7 ноября предложение общеармейского комитета возбудило страстные прения и подверглось ожесточенным нападкам со стороны представителей партий и Викжеля. Первые указывали на то, что вопрос об организации власти должен быть разрешен как-раз партиями, а не «военно-профессиональной организацией, каковой является общеармейский комитет», так как «подобное выступление» со стороны этого комитета «явится продолжением преторианства большевиков». А представители Викжеля отстаивали права петроградского викжелевского совещания на организацию власти.

В конце концов однако общеармейскому комитету удалось уговорить своих противников: партийные представители после фракционных совещаний заявили, что «партии не находят у себя достаточно моральных сил, чтобы воспрепятствовать обращению общеармейского комитета и, по внесении редакционных поправок в текст обращения, поддержать его всей силой своего авторитета».

На основании такого решения общеармейский комитет в ту же ночь (на 8 ноября) разослал по телеграфу всем армейским организациям свое обращение. В этом обращении, которое, очевидно, и должно было знаменовать собой переход «от слов к делу», общеармейский комитет наметил довольно сложный способ такого перехода. «Мы предлагаем, — писал комитет, — действующей армии в лице ее фронтовых и армейских комитетов взять на себя инициативу создания власти. Действующей армии, спасающей родину от внешней опасности, подобает взять на себя и спасение ее от внутреннего разложения». Поэтому «мы предлагаем *поручить нам*, общеармейскому комитету, от имени всей армии *обратиться ко всем социалистическим партиям и демократическим организациям с предложением немедленно же приступить к организации правительства* (в составе) от большевиков до народных социалистов». Итак, «перейти от слов к делу» означало просто уполномочить общеармейский комитет сделать партиям и организациям то самое предложение, какое им сделал за две недели до того Викжель и на обсуждение которого мелкобуржуазная демократия расходовала с тех пор непрерывные потоки слов.

Поставить на место Викжеля общеармейский комитет и перевести «говорильню» из Петрограда в Могилев — вот это-то, очевидно, и означало, в понимании армейского «демократа», «перейти от слов к делу».

В дальнейшей части обращения общеармейский комитет намечает следующую программу для будущего правительства: «1) Немедленное прекращение системы политического террора и восстановление всех гражданских свобод; 2) обязательство собрать Учредительное Собрание в кратчайший срок, в условиях, обеспечивающих свободу выборов; 3) передача земли в ведение земельных комитетов; 4) немедленный приступ к мирным переговорам».

В заключение «в целях ускорения создания власти общеармейский комитет предлагает всем армейским организациям наметить кандидата на пост министра-председателя. С своей стороны *общеармейский комитет выдвигает на этот пост вождя партии социалистов-революционеров Виктора Михайловича Чернова.* Товарищи, сплотите вокруг этого имени вашу мощь, и кризис будет разрешен» (курсив наш. *С. А.)* [143].

Вечером 8 ноября вновь намеченный кандидат в министры-председатели выступил на открытом собрании могилевской организации партии эс-эров с напыщенной «государственной» речью. «Тяжела, бесконечно тяжела ответственность власти, — сказал он. — Я не знаю таких могучих плеч, которые в состоянии выдержать эту непосильную ношу. Но если это нужно, если партия мне прикажет, если это принесет пользу, я не смею отказываться».

Однако несмеющему отказываться Чернову так и не удалось взвалить на свои плечи «непосильную ношу» власти. Не прошло и двух дней после выступления Чернова, как еле-еле сговорившиеся представители «революционной демократии» снова разошлись во мнениях, и общеармейскому комитету пришлось запеть новые песни. Взамен «немедленной организации власти» с'ехавшиеся в Могилев партийные представители пришли к мысли о необходимости созвать «совещание по организации власти из представителей краевых властей, армейских и демократических организаций, столичных городских самоуправлений и ЦК партий».

Отметим здесь, что не кто иной, как представители социалистических партий, решили привлечь к участию в организации власти представителей «краевых властей», т. е. представителей буржуазной и шовинистской украинской рады и казачьих белогвардейских правительств Каледина и Дутова.

После того, как созыв такого совещания «был предрешен на предварительном совещании», вопрос этот был поставлен 10 ноября и на обсуждение общеармейского комитета с участием представителей партий и демократических организаций. После столкновения противоречивых мнений «путем голосования было решено, что общеармейский комитет признает созыв совещания необходимым, *но не принимает* участия в его созыве и организации». 11 ноября общеармейский комитет следующим образом мотивировал это новое свое решение в декларации, разосланной всем войсковым комитетам.

Когда общеармейский комитет «решил взять на себя инициативу создания власти» и обратился «к вотуму всех армий, чтобы получить нравственную поддержку в своих начинаниях», «подавляющее большинство армий высказало свое мнение и разделило позицию, занятую общеармейским комитетом. Но *немедленная организация власти встретила сопротивление со стороны политических партий*, которыми было признано, что для этого необходим созыв совещания из представителей партий, демократических организаций и краевых органов.

В этом отношении, — продолжает декларация, — руки общеармейского комитета связываются теми колебаниями, которые проявились в 1-й, 3-й, 5-й и 10-й армиях, высказавшихся за однородно-социалистическую власть, но не давших общеармейскому комитету прямых директив в смысле принятия на себя инициативы.

Это заставило общеармейский комитет отказаться от мысли немедленного создания власти и принять следующую платформу дальнейших действий.

1) Власти совета народных комиссаров, как не имеющей за собой авторитета всей демократии, не признавать.

2) Власть должна быть создана путем соглашения всей революционной демократии.

3) Власть должна быть однородно-социалистическая от народных социалистов до большевиков включительно.

4) В борьбе с большевистской властью вести идейную борьбу, как с захватчиками, ввергшими страну в анархию, нанесшими удар всем революционным завоеваниям.

5) Ставка, как орган оперативно-технический, остается нейтральной. Попытка вооруженного ее захвата совершенно недопустима.

6) Отстаивая это положение, как условие существования армии, общеармейский комитет будет отстаивать нейтралитет ставки вооруженной силой и безусловно не допустит ввода большевистских войск в ставку.

7) Приветствуя совещание партий, демократических организаций и краевых органов в целях организации власти, общеармейский комитет, в случае его созыва в Могилеве, поддержит его всеми доступными ему средствами» [144].

Таким образом попытка общеармейского комитета организовать власть разбилась прежде всего о внутреннюю импотенцию мелкобуржуазной демократии. Что касается до намеченного совещания «из представителей партий, демократических организаций и краевых органов» по тому же вопросу об организации власти, то совещание это так и не осуществилось в виду того, что события не хотели ждать и развивались своим чередом.

После того, как поход Керенского-Краснова па Петроград был ликвидирован 1 ноября бегством Керенского и заключением перемирия с казаками, советское правительство немедленно же предприняло шаги для подчинения своей власти ставки, без чего, как уже было отмечено, исход Октябрьского восстания отнюдь нельзя было считать решенным. Успеху этих шагов советского правительства способствовала нерешительная тактика самой ставки в лице ее главы ген. Духонина, который, как указано выше, принял на себя после бегства Керенского исполнение обязанностей верховного главнокомандующего. В первом же своем приказе от 1 ноября Духонин сделал распоряжение по армии остановить дальнейшую отправку войск на Петроград. На ту же точку зрения — о необходимости прекратить вооруженную борьбу с большевиками —

стали и некоторые представители «революционной демократии», еще вчера поддерживавшие Керенского в его выступлении. Так, комиссар Северного фронта меньшевик Войтинский в телеграмме от 1 ноября сообщил: «Враждебные действия между сосредоточенными под Петроградом войсками и петроградским гарнизоном в силу достигнутого между ними соглашения, прекращены. Все проявления гражданской войны должны быть немедленно ликвидированы. Известите всех о прекращении враждебных действий между столкнувшимися сторонами».

Несмотря на то, что враждебные советской власти передвижения войск должны были таким образом прекратиться, все же 4 ноября народный комиссариат по военным и морским делам в лице Подвойского, Крыленко и Антонова был вынужден обратиться к Духонину по радио с телеграммой, в которой, ссылаясь на новое появление ударников под Гатчиной, предписывал Духонину приостановить всякое продвижение войск внутрь страны, не связанное непосредственно со стратегическими соображениями.

На эту телеграмму Духонин дал ответ по радио, направив его однако не в народный комиссариат военных дел, а «всем, всем, всем». В этом ответе он указывал, что уже 1 ноября им отдан был приказ остановить дальнейшую отправку войск на Петроград. То же Духонин подтвердил и в разговоре с Крыленко 5 ноября, уклонившись однако от ответа на вопрос о признании им органов советской власти.

Итак, положение со ставкой оставалось неопределенным, хотя можно было рассчитывать, что активных действий против советского правительства она в ближайшее время не станет предпринимать. Такое положение, грозившее всевозможными неожиданностями, разумеется, не могло быть устойчивым. К тому же, после того как II Всероссийский с'езд Советов в заседании 26—27 октября принял декрет о мире, советское правительство должно было немедленно предпринять шаги для скорейшего достижения мира. Борьба за мир была в то же время и борьбой за закрепление победы Октябрьской революции. Но в этой борьбе за мир невозможно было обойтись без ставки, руководившей боевыми операциями на фронте.

Таким образом взаимоотношения между советским правительством и ставкой должны были определиться в ближайшие же дни. Определенность в положение как-раз и внесла борьба советского правительства за мир.

8 ноября народный комиссар иностранных дел Троцкий разослал послам союзных держав ноту, в которой извещал их об образовании советского правительства Российской республики и делал предложение об установлении немедленного перемирия на всех фронтах и о немедленном открытии мирных переговоров.

В 5 часов утра того же 8 ноября Совет Народных Комиссаров в лице Ленина, Троцкого и Крыленко обратился к верховному главнокомандующему Духонину с предложением «во исполнение решения Всероссийского С'езда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов тотчас же по получении настоящего извещения обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров. «Возлагая на вас, — говорилось дальше в этом обращении, — ведение этих предварительных переговоров, Совет Народных Комиссаров приказывает вам: 1) непрерывно докладывать Совету по прямому проводу о ходе ваших переговоров с представителями неприятельских армий; 2) подписать акт перемирия только с предварительного согласия Совета Народных Комиссаров».

Докладывая в тот же день, 8 ноября, ВЦИК об этих актах, Троцкий, между прочим, заявил: «Мы надеемся, что ответ Духонина пойдет по линии политики советского правительства. Но каков бы ни был этот ответ, он не может отклонить политику Совета с пути мира» [145].

Однакоже в отношении линии поведения Духонина высказанная здесь Троцким надежда не оправдалась. В течение всего дня 8 ноября ставка ничего не ответила на обращение Совнаркома. В 2 часа ночи на 9 число Ленин, Сталин и Крыленко от имени Совета Народных Комиссаров вытребовали Духонина к прямому проводу и потребовали от него категорического ответа по существу проведенного распоряжения. После многократных попыток уклониться от прямого ответа Духонин

в конце концов заявил, что выполнить распоряжение Совнаркома для него невозможно, приведя следующие мотивы:

«Я могу только понять, что непосредственные переговоры с державами для вас невозможны. Тем менее возможны они для меня от вашего имени. Только центральная правительственная власть, поддержанная армией и страной, может иметь достаточный вес и значение для противников, чтобы придать этим переговорам нужную авторитетность для достижения результатов».

В ответ на такое заявление представители Совнаркома об'явили Духонину «именем правительства Российской республики», что он увольняется от занимаемой им должности «за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям». Вместе с тем, до сдачи дел новому главнокомандующему, которым назначался Крыленко, Духонину предписывалось продолжать ведение дела [146].

Немедленно же вслед затем Ленин и Крыленко от имени «правительства Российской республики» обратились по радио ко всем «полковым, дивизионным, армейским и другим комитетам, всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота». В этом обращении излагался ход переговоров с Духониным, после чего следовал призыв к солдатским массам активно вмешаться в борьбу за мир: «Солдаты, дело мира в ваших руках! Вы не дадите контр-революционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда...

Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает вам право на это. О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии в праве только Совет Народных Комиссаров» [147].

Изложенное обращение впоследствии много раз подвергалось озлобленным нападкам и насмешкам со стороны буржуазной и оборонческой печати, в которой дело изображалось

так, будто бы Совнарком и Ленин предлагали солдатам заключать мир с неприятелем «по-ротно и по-взводно». Во ВЦИК'е и даже в среде большевиков также нашлись элементы, недовольные содержанием обращения. Так, на заседании ВЦИК'а 10 ноября Каменев предложил избрать комиссию для выработки воззвания о мире от имени ВЦИК'а, в котором было бы указано, что «заключение мира должно быть произведено от имени государственной власти в общероссийском масштабе» и что необходимы гарантии, чтобы перемирие не было использовано для переброски германцами войск с русского фронта на французский и итальянский. Комиссия была ВЦИК'ом избрана, но оговорки Каменева не были утверждены.

Во всяком случае переговоры с Духониным и обращение к солдатам знаменовали собой окончательный разрыв со ставкой, после которого решить спор могло только оружие.

В этой борьбе со ставкой успех советской власти был в огромной степени предрешен ее политикой — политикой мира, послужившей источником открытого конфликта. Изложение мирных переговоров, закончившихся заключением Брестского мира, относится к следующей части нашей работы. Здесь мы коснемся лишь первых шагов советского правительства в борьбе за мир, поскольку они теснейшим образом связаны с борьбой за ставку.

В этой борьбе за мир советское правительство не ограничилось приведенным обращением к солдатам армии. Через два дня после изложенных переговоров с Духониным советский главковерх Крыленко с незначительным отрядом в 50 человек охраны выехал на фронт по направлению к ставке с целью завязать мирные переговоры с немцами. Прибыв в Двинск 12 ноября, он на следующий день послал парламентеров к немецкому командованию с предложением начать переговоры о перемирии. Об этом он отправил в тот же день телеграммы в Могилев—в ставку, совет рабочих и солдатких депутатов и губернский совет крестьянских депутатов. В этой телеграмме он об'явил общеармейский комитет распущенным, предлагал армейским комитетам «взять всю власть в армиях в свои руки» и «принудить к подчинению себе командный состав». Могилевскому совету рабочих и солдат-

ских депутатов и губернскому совету крестьянских депутатов: он предлагал «принять все меры к отстранению от должности Духонина без насилия».

Из того, что мы уже знаем о могилевских советах, легко заключить, какой ответ могли они дать на телеграмму Крыленко. Действительно, оба Совета ответили следующее:

> «Могилевский Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и губернский Исполнительный Комитет Совета крестьянских депутатов, заслушав телеграмму прапорщика Крыленко, предлагающего Советам устранить генерала Духонина, находят: 1) прапорщик Крыленко, как назначенный непризнанной в стране и армии властью, Верховным Главнокомандующим не является; 2) распоряжения, исходящие от прапорщика Крыленко, никакому обсуждению не подлежат; 3) по вопросу об отношении к действиям прапорщика Крыленко Могилевские Советы Солдатских и Рабочих и губернский крестьянских депутатов в полной мере разделяют точку зрения общеармейского комитета и 4) приказ прапорщика Крыленко о роспуске выборной организации общеармейского комитета, как противоречащий основным принципам демократии, Могилевские советы считают позорным для отдавшего таковой и безничтожным [148].

А общеармейский комитет по поводу приказа Крыленко о его роспуске постановил: «Приказа не признавать и считать, что распущен комитет может быть только волею армии, путем отозвания членов комитета делегировавшими их армейскими и фронтовыми организациями» [149].

Как быть однако с предпринятым советским главковерхом движением по направлению к ставке? Это движение должно было внушать «революционной демократии» разных сортов, скопившейся в Могилеве, тем большую тревогу, что, кроме верхушечных армейских организаций, давно избранных и совершенно не отвечавших настроению масс, им не на кого было опереться. Таким образом общеармейский коми-

тет не нашел лучшего выхода, как послать сообща с верховным комиссаром Временного Правительства при ставке Станкевичем телеграмму Крыленко с просьбой не приезжать в ставку.

«Общеармейский комитет, — гласила телеграмма, — опираясь на постановления армейских и фронтовых комитетов, считает необходимым, впредь до создания общепризнанной власти, каковой Совет Народных Комиссаров ни в коем случае не является, охранять всеми мерами ставку, как центральный технический аппарат армии, от всяких покушений. Не считая Совета Комиссаров признанной всей демократией и армией властью, общеармейский комитет не может, конечно, признать и вас Главковерхом. Поэтому ваш приезд в ставку является совершенно излишним, если вы намерены приехать не в качестве частного лица. В последнем случае мы не возражаем против приезда, как гражданина, пользующегося правом свободного передвижения, но самым энергичным образом протестуем против какой бы то ни было попытки с вашей стороны проникнуть в ставку в сопровождении вооруженного конвоя. Такая попытка грозит вызвать в районе ставки гражданскую войну и нарушить нормальную работу ставки, что принесет неизмеримый вред армии и стране» [150].

В ночь на 14 ноября Крыленко имел беседу по прямому проводу со Станкевичем, которому передал распоряжение: «в виду начавшихся переговоров с неприятелем о перемирии, прекратить на фронте до вечера 14 ноября перестрелку с противником, а также братанье».

Станкевич в ответ обрушился на Крыленко и советское правительство с обвинениями в демагогии, в том, что их распоряжения «толкают Россию к гибели». «Из 15 армий, — сказал он,—Совет Народных Комиссаров, а значит и вы, признаетесь, и то с оговорками, только тремя армиями... Вы должны были считаться с тем фактом, что вашей власти армия не признает и что поэтому ставка не в праве принимать от вас какие-либо распоряжения». С своей стороны Станкевич спросил Крыленко, его ли распоряжением арестованы комиссары Временного Правительства Жданов, Войтинский и Шубин, «честно и мужественно исполнявшие свой долг перед страной».

Крыленко в ответ лишь подтвердил распоряжение и заявил: «Дело мира находится в руках правительства Народных Комиссаров. Всякий, кто становится на дороге в борьбе за мир, покуда у меня в руках есть власть, будет мною арестован»[151].

14 ноября в 2 ч. дня в Двинск возвратились посланные Крыленко парламентеры с согласием германского верховного командования на переговоры и на заключение перемирия.

Такой успех, определившийся с первого же дня начавшихся переговоров о перемирии, естественно, должен был сильно поднять престиж советского правительства в глазах солдатской массы и ослабить надежды ставки на возможность вооруженного сопротивления Совету Народных Комиссаров. Между тем надежды эти и без того были весьма невелики. По словам Г. Лелевича, к моменту Октябрьской революции крупнейшую воинскую часть Могилевского гарнизона представлял собою георгиевский батальон, в свое время посланный Николаем II под командой генерала Иванова на усмирение восставшего Петрограда; однако в Могилеве батальон этот был настолько распропагандирован, «что генеральски-соглашательская контр-революция не могла на него рассчитывать».

Ставка старалась, разумеется, стянуть в Могилеве для своей защиты и другие «надежные» части. Но об успехе этих шагов ставки можно судить по следующей, приведенной в брошюре Лелевича, выписке из рукописных воспоминаний большевика-георгиевца Хохлова:

«Деятели ставки с других расположений подтянули к ставке более для них надежные части: две сотни Оренбургских казаков, 4-й Сибирский казачий кавалерийский полк и ударников... Прибывшие новые части, на которых твердо рассчитывала ставка, соприкоснулись с революционно настроенными частями, от которых узнали, что их вызвали на защиту контр-революционной ставки; они поняли, что их хотят повести на нечестное и преступное дело. В результате после нашей агитации 4-й Сибирский казачий полк сразу же стал на сторону большевиков, а остальные отказались от поддержки ставки»[152].

Единственной частью могилевского гарнизона, до конца сохранившей враждебность в отношении большевиков, был

ударный полк. Но не говоря уже о том, какую силу могла представлять эта единственная часть в борьбе с общим настроением армии, этот полк не мог представлять надежной защиты общеармейского комитета уже потому, что не разделял его программы; так, он был решительно против включения большевиков в состав социалистического правительства и был вообще настроен отрицательно по отношению к попыткам общеармейского комитета вступить в соглашение с большевиками.

Таким образом к решающему моменту борьбы ставка вместе с окружавшими ее организациями мелкобуржуазной демократии — общеармейским комитетом, могилевскими советами рабочих и крестьянских депутатов и пр. — оказались почти так же висящими в воздухе, как тремя неделями раньше — Временное Правительство и Комитет спасения родины и революции в Петрограде или Рябцов и Комитет общественной безопасности в Москве. Естественно поэтому, что боевые ноты в резолюциях и постановлениях общеармейского комитета постепенно сменяются все более и более тревожными по мере приближения момента решительной борьбы.

Между тем советский главковерх Крыленко со своим матросско-красногвардейским отрядом предпринял из Двинска дальнейшее движение по направлению к ставке. Известие об этом движении привело ставку в величайшее смятение. В ночь с 17 на 18 ноября состоялось заседание общепартийного комитета, который, по сообщению газеты «Могилевская Жизнь», вынес следующее решение: 1) Власти так называемых Народных Комиссаров не признавать и ее приказам не подчиняться. Но в целях спасения страны и предупреждения новой гражданской войны избегать столкновений, дабы дойти до Учредительного Собрания, единственно правомочного располагать судьбами России; 2) Ставка, как технический аппарат всей армии, должна быть нейтральна и ни в коем случае не может перейти во власть прапорщика Крыленко. Ленин и его единомышленники ведут не к успокоению страны, а, наоборот, по их личному заявлению, они стараются углубить гражданскую войну внутри России, дабы вызвать всеобщий мировой переворот. Общеармейский комитет, желая сохранить армию во что бы то ни стало, как единственную защиту страны, будет бороться

за сердце ее—ставку—всеми доступными и возможными средствами, в крайнем случае, даже активным выступлением вооруженной силы.

Первый намеченный путь — это соглашение с большевиками и в этом направлении уже сделаны конкретные шаги. Общеармейский комитет по прямому проводу сделал предложение Викжелю, что он выдвигает на пост верховного главнокомандующего лицо, пользующееся доверием обеих сторон, дабы предотвратить гибельное в настоящее время столкновение. Викжель, который в настоящее время вошел в ЦИК, в пятнадцать минут обсудив предложение общеармейского комитета, всецело присоединился к нему и внесет его на обсуждение ЦИК'а, обещая всемерно поддержать его.

Второй путь — так называемый путь стратегического отхода в другое место, не принимая боя. Отвезти ставку в надежное место, в котором не могут достать правящие большевики, дабы оградить ее от захвата, и — самое последнее — защитить ставку вооруженной силой.

В виду того, что получены сведения о движении эшелонов, состоящих из матросов и красногвардейцев, из Петрограда в ставку, общеармейский комитет выслал своих представителей для переговоров с Крыленко и сделал предложение, в целях предотвращения излишнего кровопролития, о приостановке дальнейшего движения этих эшелонов» [153].

Как видим, когда дело действительно подошло к развязке, тон общеармейского комитета стал быстро терять уверенность. Правда, и в только-что приведенном постановлении комитет еще продолжал угрожать советской власти «*даже* активным выступлением вооруженной силы», но лишь «в крайнем случае», и за этой угрозой, увы, чувствуется полное отсутствие боевого темперамента. Чтобы спасти лицо, комитет делает вид, будто он еще надеется уговорить большевиков. А если нет? Комитет предпочитает не думать об этом.

На следующий день, 18 ноября, состоялось и собрание чинов ставки, во главе с Духониным, для обсуждения того же вопроса: как быть с движением советского отряда на ставку? И это собрание всячески искало «мирного» исхода, при чем сам Духонин был отнюдь не воинственнее других. Духонин заявил,

что он готов уступить свой пост «правомочному преемнику», так как для него на первом плане — благо России, но только необходимо спасти аппарат ставки от разрушения; он прибавил, что имеется надежда и спасти честь России, ибо итальянская миссия заявила, хотя и неофициально, что итальянское правительство, дружески относящееся к освобожденной России, освобождает ее от союзных обязательств, если она не будет снабжать хлебом Германию и задержит у себя военно-пленных; остальные же миссии запросили свои правительства об инструкциях.

Это сообщение, кстати сказать, в тот же вечер категорически опровергнутое главами английской, французской и итальянской миссий при ставке, сыграло однако решающую роль: собрание, очевидно, искало лишь, за что бы уцепиться, чтобы оправдать уже сложившееся у большинства решение. Несмотря на отдельные голоса, призывавшие к защите ставки военной силой, собрание приняло решение отказаться от всякого вооруженного сопротивления и приложить все усилия к спасению технического аппарата ставки.

Для этого генералитет сделал попытку перевести ставку в Киев. Туда же решил уехать и Духонин. Однако власть уже уплывала из рук военщины и «демократии» даже и в Могилеве. Когда дела ставки были погружены на автомобили, то солдаты Георгиевского батальона, — одной из частей, предназначенных для защиты ставки, — выбросили дела и вещи из автомобилей на площадь и не допустили их увоза. А Духонин в последнюю минуту передумал; предупредив находившегося под арестом Корнилова и сидевших вместе с ним генералов-корниловцев о том, что для них наступила пора бежать, сам он решил, что он бежать не может, и остался в Могилеве.

В то время, когда ставка и общеармейский комитет быстро склонялись таким образом к капитуляции, под влиянием тех же сведений о приближении отряда Крыленко происходила быстрая мобилизация советски настроенных элементов Могилева. В тот же день, 18 ноября, состоялось экстренное заседание исполкома Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, в большинстве, как мы знаем, оборонческого. Этот оборонческий исполком по требованию своего большевистского крыла,

поддержанного социал-демократами интернационалистами, принял постановление о признании советской власти, о переходе власти в Могилеве в руки Совета и об избрании Военно-Революционного Комитета, состав которого в ночь на 19 ноября был утвержден гарнизонным собранием.

Уже на следующий день, 19 ноября, Военно-Революционным Комитетом был издан ряд приказов, в которых он между прочим об'являл себя «высшей властью в городе Могилеве и окрестностях» и брал в свои руки «контроль над деятельностью ставки», с каковой целью он назначил в ставку своих комиссаров, об'явил отстраненными и состоящими под домашним арестом Духонина, Станкевича, помощника начальника штаба ставки Вырубова, наконец весь состав общеармейского комитета, который он при этом об'явил распущенным.

Переход власти в Могилеве в руки Военно-Революционного Комитета произошел без всякой борьбы. А в 10 час. утра на следующий день, 20 ноября, в Могилев вступил и советский главковерх Крыленко со своим отрядом и штабом. Занятие ставки произошло совершенно безболезненно. Опубликованное через несколько дней официальное сообщение о занятии ставки гласило: «Начальники отделов ставки и весь ее состав представлены новому главковерху. Они единодушно обещали работать на пользу армии. Конфликт надо считать исчерпанным, всякие дальнейшие междоусобия в армии устраненными». К сожалению, однако вечером в день занятия ставки произошло печальное событие, использованное во-всю буржуазной печатью для травли советской власти и для опорочения революционных солдат и матросов. На вокзале, где в одном из вагонов находился арестованный Духонин, собралась толпа солдат, матросов и обывателей, возбужденная и раз'яренная известием о побеге Корнилова и корниловских генералов из Быхова. Толпа потребовала выдачи ей Духонина; несмотря на все убеждения Крыленко, энергично защищавшего право советской власти предать генерала суду, толпа набросилась на Духонина, когда он вышел на площадку вагона, и подвергла его дикому самосуду.

Занятие ставки знаменовало собою полную победу пролетарского Октябрьского восстания. Правда, параллельно

с занятием ставки и после него происходило распространение советской власти на провинцию. Оно частью проходило более или менее безболезненно, но частью потребовало продолжительной и упорной борьбы, затянувшейся на полгода. Эта борьба, концом которой можно примерно считать победу над Калединым и его преемниками в мае 1918 года, представляет собой уже первую стадию гражданской войны. Поэтому описание ее составит предмет следующей части настоящей работы.

Заключение

Мы проследили постепенное развитие и нарастание пролетарской Октябрьской революции в недрах буржуазной Февральской. Мы постараемся теперь воспроизвести вкратце самые общие выводы из предыдущего изложения.

Февральская революция была, как мы видели, революцией пролетариата, крестьянства и буржуазии, поддержанной англо-французским капиталом, и вспыхнувшей после того, как «поражения расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, излобили против него все классы населения».

Но между силами, нанесшими сокрушительный удар самодержавию, отнюдь не было единства. Между ними не существовало даже и простого политического союза. В этой «общенациональной» революции «слились вместе, и замечательно дружно слились, *совершенно различные* потоки, *совершенно разнородные* классовые интересы, *совершенно противоположные* политические и социальные стремления». Все эти различные и прямо противоположные силы только «вместе били» царское самодержавие. Но шли они «врозь» и разошлись врозь тотчас после того, как общая цель—свержение самодержавия—была достигнута, так как их цели в революции были столь же противоположны, как противоположны были и их классовые интересы.

Активнейшей и единственной подлинно революционной силой в этой революции был пролетариат вместе с солдатскими массами крестьянства. Но этот пролетариат был еще недоста-

точно сознателен и недостаточно организован политически, несмотря на опыт и традиции 1905 года. В еще гораздо меньшей степени сознательным и организованным было крестьянство, в том числе и его солдатские массы, которые начали приобщаться к «национально» политической жизни только со времени мировой войны.

Наиболее организованной политически и наиболее сознававшей свои классовые цели силой была буржуазия. Именно она с согласия мелкобуржуазных представителей рабочего класса и взяла власть в свои руки. Именно буржуазия, контрреволюционная в силу своих классовых интересов, в решающий момент «возглавила» революцию с целью обезглавить ее.

Однакоже подлинная сила, способная осуществить политическую революцию и дать то или иное направление ее ходу, находилась как-раз в руках многомиллионных рабочих и солдатских масс, еще недостаточно сознательных и недостаточно организованных для того, чтобы взять власть непосредственно в свои собственные руки.

Такое соотношение классовых сил в Февральской революции было причиной того, что революция эта «не только смела всю царскую монархию, не только передала всю власть буржуазии, но и дошла вплотную до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства».

Она «дошла вплотную» до этой диктатуры, но смогла ее осуществить лишь в форме второго и второстепенного (хотя моментами и игравшего решающую роль), «добавочного» правительства — Советов — существовавшего на ряду с первым и основным правительством — буржуазным Временным Правительством. Так возникло двоевластие, составлявшее наиболее характерную черту первого периода Февральской революции.

Это двоевластие было самым ярким и наглядным выражением внутренних противоречий Февральской революции, которые с изумительной быстротой вели ее к превращению в пролетарскую революцию.

Дело в том, что это двоевластие было чрезвычайно неустойчивой системой политического равновесия между социальными силами, по самому существу своему, т. е. по классовому характеру, противоположными и враждебными одна

другой. Неустойчивость этой системы обуславливалась тем, что основанием ее была лишь «бессознательная доверчивость» революционных масс — и в первую голову пролетариата, как решающей силы среди них — к «правительству капиталистов».

Таким образом развитие Февральской революции неизбежно должно было вести к замене «двоевластия» единовластием, системы двух диктатур—системой одной диктатуры. Должна была победить либо чистая диктатура буржуазии, хотя бы в форме демократической республики, либо диктатура пролетариата, как «будущее» революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, осуществленной советами.

Возможность перерастания буржуазной Февральской революции в пролетарскую заключалась уже в решающей роли, которую сыграл пролетариат в деле низвержения самодержавия. Для того, чтобы уничтожить эту возможность, чтобы заменить двоевластие полновластной буржуазной диктатурой, буржуазия на следующей же день после падения самодержавия об'единилась всеми силами «разбитой, но недобитой» старой монархии, впитав их в себя. Не только Родзянки, но и Шульгины политически слились теперь с кадетами и примирились с фальсифицированным республиканизмом последних, чтобы общими силами работать над восстановлением монархии.

Однако осуществить тотчас полновластие своей диктатуры против победоносного пролетариата буржуазия не была в состоянии. Ее задачей стало: временно примирившись с двоевластием, выказав свою готовность на Учредительное Собрание, на амнистию, вообще на самый крайний демократизм, не посягающий на буржуазные формы собственности и власти, укрепить «бессознательное доверие» к ней революционных масс, чтобы получить посредством обмана и с согласия пролетариата то, чего нельзя было у него вырвать силой.

Эту историческую задачу обмана революционных масс в пользу буржуазии, их примирения с последней и добровольного подчинения буржуазной диктатуре взяли на себя партии мелкобуржуазной демократии, социалистической интеллигенции, прежде всего партии меньшевиков и эс-эров, к моменту революции оказавшиеся признанными «народными вождями»,

безраздельно господствовавшими над умами революционных масс деревни и значительной части городского пролетариата и повсеместно захватившими в свои руки органы «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» — советы.

Мелкобуржуазная демократия заключила с буржуазией не только политический союз, но и формальную коалицию. Свою судьбу в революции она неразрывно связала с буржуазным характером революции, с властью буржуазии. Всеми силами она защищала перед массами дело классового мира, склоняла их к классовому сотрудничеству с буржуазией и в качестве авангарда этой последней вела борьбу не на жизнь, а на смерть с классовой партией пролетариата, партией большевиков.

Именно деятельностью этих партий, использовавших весь свой авторитет и все свое обаяние в глазах масс, как былых революционных борцов, было достигнуто то, что многомиллионные массы городской и сельской мелкой буржуазии, чиновничества, интеллигенции, обывателей, втянутых революцией в политическую жизнь, а также и немалочисленные слои городского пролетариата оказались вовлеченными в политическую орбиту буржуазии. Сцементированные партийными элементами мелкобуржуазной демкоратии, эти слои составили кадры так называемых «живых сил страны», настоящую рать буржуазии; они захватили с помощью буржуазного капитала всю или почти всю прессу, они делали «общественное мнение», они представляли страну перед иностранным капиталистическим миром, они сформировали множество политических и полуполитических, коммунальных, профессиональных и иных организаций, состоявших, через посредство мелкобуржуазных демократов, под политической командой буржуазии.

Непрерывным потоком газетных статей и специально подобранной информации, шумом и треском широковещательных резолюций, звонкой революционной фразой мелкобуржуазная демократия и ее застрельщики — меньшевики и эс-эры — одурманивали сознание революционных масс, усыпляли их бдительность, удерживали их в состоянии «бессознательной доверчивости» по отношению к буржуазии, вели их на политическом поводу этой последней.

Так сложилась армия буржуазной революции, составленная из самых разнородных элементов, начиная от помещиков и монархистов и кончая эс-эрами и меньшевиками, но об'единенная единым командованием капитала.

Все силы этой армии были с самого начала революции мобилизованы для борьбы на уничтожение с революционной армией сознательного пролетариата. Эта последняя, по сравнению с несметными кадрами буржуазной армии, казалась слабой и малочисленной. На политической арене она была представлена партией большевиков, значительно расстроенной и ослабленной непрерывными преследованиями в годы реакции, обладавшей скудными средствами и немногими органами прессы.

Еще более важной причиной, ослаблявшей политическое влияние партии в первые моменты революции, были некоторые колебания внутри партии по столь основным вопросам, как отношение к войне и к Временному Правительству. В этих колебаниях, сближавших известные элементы партии с оборончеством, сказалась неправильная оценка характера буржуазной Февральской революции, непонимание возможности ее перерастания в революцию социалистическую; вместе с тем сказалась в этих колебаниях и недооценка пролетариата, как силы, способной осуществить эту социалистическую революцию в отсталой стране; а на ряду с этим — переоценка сил буржуазии, выразившаяся в некотором примирении с буржуазным Временным Правительством, в отсутствии полного разрыва, полной враждебности к нему с самого начала. Еще менее были способны эти элементы правильно оценить роль крестьянства в данной революции, как врага об'единившейся с помещиком буржуазии и возможного союзника пролетариата в его борьбе за социалистическую революцию.

Таким образом в этих колебанях имелись на-лицо все элементы меньшевистского или, как мы сказали бы теперь, социал-демократического уклона, который в дальнейшем ходе революции и вплоть до наших дней все снова и снова возрождается в партии в те моменты, когда особенно возрастают трудности стоящих перед партией задач.

Однако, как это происходило всякий раз и впоследствии, в партии и в этот важнейший момент, после недолгой борьбы,

победила и утвердилась, как общепартийная линия, ленинская линия. Партия как целое, по-ленински оценила характер и движущие силы революции, по-ленински определила ее внутренние тенденции, ее ход, ее возможности, как преддверья социалистической революции.

Преодолев под руководством гениального вождя меньшевистский уклон в своих рядах, большевистская партия, партия революционных марксистов, и в своей тактике резко отмежевалась от меньшевизма и от оборончества вообще, она об'явила оборончеству и поддерживаемому им Временному Правительству беспощадную борьбу, она взяла общую линию на свержение буржуазной власти.

Однакоже, учитывая то обстоятельство, что власть буржуазии, «правительство капиталистов», держалась «бессознательной доверчивостью» к нему широких революционных масс, партия большевиков вначале поставила перед собой задачу— не делать попыток к немедленному свержению этого правительства, а подрывать «бессознательную доверчивость» к нему революционных масс, пробуждая в них политическое сознание, организуя их политически под своим знаменем.

И в первую голову партия постаралась укрепить свое политическое и организационное влияние на пролетариат, оторвать его от мелкобуржуазных партий, направить его на путь решительной борьбы за власть с буржуазией. При этом, не ограничиваясь ролью политического вождя рабочего класса, партия стремилась руководить и организовывать и его экономическую борьбу, широкой волной разлившуюся по стране, как только были сброшены цепи самодержавия. Фабрично-заводские комитеты и рабочие профессиональные союзы были первыми прочно завоеванными большевиками опорными пунктами их организационного влияния на пролетариат. Но и в области политической борьбы достаточно было лишь, в сущности, принесенного Февралем «чистого воздуха» свободной печати и свободной политической агитации для того, чтобы рабочий класс вскоре увидел в партии большевиков своего подлинного вождя. И если советы так долго оставались оплотом оборванцев, то в значительной мере благодаря тому, что эти последние всеми способами старались задерживать перевыборы.

Однако политическое влияние партии большевиков далеко не ограничивалось пределами рабочего класса. Политика Временного Правительства приводила к тому, что и все более и более широкие мелкобуржуазные массы прислушивались к голосу большевиков и становились под их руководство в своих политических выступлениях.

Большевистская пресса, большевистские агитаторы и пропагандисты показывали массам завтрашний день революции, учили массы правильному пониманию своих собственных классовых интересов, учили пониманию тактики их врагов, раскрывали истинную природу партий мелкобуржуазной демократии, как политических прислужников буржуазии. Не смущаясь временными неудачами, партия взяла на себя «терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс раз'яснение ошибок их (советов) тактики».

На каждом повороте революции пролетариат, а вслед за ним и широкие народные массы, «собственными глазами», а нередко и на собственной спине убеждались в правильности анализа и тактики партии большевиков, в том, что эта партия верно указывает массам их врагов, что она учит правильным приемам борьбы с этими врагами. И потому так быстро росло на каждом этапе революции политическое сознание и политическая организованность не только пролетариата, но вслед за ним широких и широчайших народных масс, росла их политическая активность, сознательное вмешательство в ход исторических событий.

Потому-то, несмотря на «почти» безупречный демократизм «самой свободной в мире республики» (безупречный — постольку, поскольку дело не шло о борьбе с большевиками), властвовавшей буржуазии с каждой неделей все труднее удавалась тактика обмана масс. Потому-то и мелко-буржуазным демократам, несмотря на выпячиваемую ими свою авторитетность, как «старых революционеров», борцов за народную свободу, политических жертв царизма, бабушек революции и пр. и пр., все труднее и труднее удавалось вести массы на поводу у буржуазии, удерживать их в состоянии бессознательной доверчивости к правительству капиталистов.

Потому-то все больше и больше таяла их армия, потому-то, в противоположность единой и простой тактике большевиков, в среде мелкобуржуазной демократии возникало все больше разнообразных и замысловатых рецептов спасения, раскалывавших ее на целый ряд враждовавших между собою, хотя и об'единенных общей ненавистью к большевикам, группировок.

Потому-то, с другой стороны, со сказочной быстротой росли с Февраля до Октября силы и влияние партии большевиков. Из группы, которую буржуазия считала в начале революции возможным уничтожить с помощью насмешек и клеветы, партия эта на протяжении восьми месяцев превратилась в могучую политическую силу величайшего исторического значения, в признанного вождя пролетариата, а вместе с ним и вслед за ним и солдат городских гарнизонов и фронта, крестьянства, городской бедноты — в вождя величайшего исторического движения.

По мере роста своей сознательности и организованности пролетариат, вначале в значительном большинстве шедший за мелкобуржуазной демократией, т. е. поддерживавший буржуазию, становился на путь самостоятельной классовой политики, строился под знаменами большевистской партии и превращался в крупнейшую и основную социальную силу, все более определявшую ход развития революции. И потому в стихийном, зигзагообразном ходе событий с каждым днем все яснее обнаруживалась их основная линия: путь к превращению буржуазной революции в социалистическую.

Так, став во главе пролетариата, партия большевиков способствовала внесению известной сознательности и планомерности в стихийный ход исторических событий, а прежде всего—сознательной и планомерной подготовке социалистической революции. А так как при этом партия правильно определила движущие силы и тенденции революции, правильно угадала ее ход, правильно наметила основные пункты для обороны и нападения, то благодаря этому партия сыграла роль фактора, в огромной мере способствовавшего ускорению об'ективного хода истории, а прежде всего—созреванию социалистической революции. И если в течение Февральской революции события развивались с такой невиданной быстротой, если

в течение месяцев страна проходила путь, который в «мирное» время потребовал бы долгих десятилетий, то этим она была в значительной степени обязана работе партии большевиков.

Вторым фактором величайшего значения, державшим в постоянном напряжении социальные силы и тем самым вынуждавшим ускоренное развитие событий, вызывавшим крайнее обострение внутренних противоречий буржуазной революции и быстрое созревание в ее недрах революции пролетарской, была мировая война. С мировой войной русскую буржуазию неразрывно связывали и ее собственные империалистические интересы и ее тесный союз с иностранным капиталом, под командование которого она вынуждена была стать с самого начала войны.

В продолжении и успешном окончании войны русская буржуазия видела для себя вопрос жизни и смерти. Для пролетариата же и широких масс крестьянства война с каждым днем становилась все более и более нестерпимым бременем. Война против войны становилась популярнейшим лозунгом широчайших демократических масс. Как-раз благодаря отстаиванию войны так быстро и так безвозвратно теряли партии мелкобуржуазного социализма свою былую популярность. Как-раз решительная борьба против войны так быстро пополняла ряды сторонников большевистской партии.

Но при сложившемся положении война против войны означала для пролетариата войну против буржуазии, против ее власти, а вместе с тем и войну за пролетарскую власть, войну за пролетарскую социалистическую революцию.

В этой борьбе пролетариат нашел себе могучего союзника, без которого он вообще не был в состоянии одержать решительную победу в данной революции — союзника в лице многомиллионного крестьянства, которому, как и рабочему классу, война не несла ничего, кроме бедствий и разорения.

Но прежде всего сильнейшего союзника в войне против войны пролетариат нашел себе в лице многих миллионов крестьян, мобилизованных в царскую армию и проливавших кровь на фронте за совершенно чуждые им интересы, за захватнические аппетиты отечественного и иностранного капитала, за укрепление власти буржуазии над рабочим классом, за

укрепление власти помещика над землей и крестьянством. Солдат вооружил готовившуюся совершиться пролетарскую революцию. Но в огромной степени он способствовал ее победе и своей непосредственной агитацией в деревне за большевиков, за Ленина, за то, чтобы кончить войну, отнять землю у помещика, свергнуть власть буржуазного правительства. Добровольцы-агитаторы из солдат или матросов-отпускников, солдатские письма с фронта раскрывали крестьянину в деревне глаза на то, что делается в городах и столицах, чему учат партии, как обманывает народ буржуазия и для чего ей нужна война. Невозможно переоценивать роль этой тысячеголосой солдатской агитации в политическом воспитании крестьянства, в развязывании и организации крестьянского движения.

Но крестьянство оказалось союзником пролетариата в революции не только потому, что и оно стало врагом войны. В еще большей степени осуществился союз этих классов потому, что в рабочем-большевике крестьянин увидел единственного последовательного и решительного врага помещика, единственную силу, которая могла бы обеспечить переход к крестьянству всех помещичьих земель.

В этом отношении особенно способствовало политическому просвещению крестьянства и осуществлениею его союза с рабочим классом массовое крестьянское движение; оно широкой волной разливалось по стране, оно расшатывало власть буржуазного правительства на местах, приводило крестьянство в непосредственное столкновение с мелкобуржуазными социалистами, как защитниками помещичьей собственности, и заставляло его видеть своего единственного подлинного союзника в лице городского пролетариата, руководимого партией большевиков.

Так постепенно складывался, выростал и укреплялся союз между пролетариатом и крестьянством, имевший в данной революции решающее значение для пролетариата в его борьбе за власть с буржуазией — союз, без которого победа над буржуазией, даже если бы она могла быть достигнута, никогда не могла бы стать прочной и окончательной.

Таким образом общее направление развития Февральской революции характеризовалось грандиозным перемещением социальных сил, сводившимся к непрерывному ослаблению

армии защитников буржуазной революции и к усилению лагеря социалистической революции, или, конкретнее говоря, к переходу масс из-под команды капитала (или из-под руководства мелкобуржуазных партий) под руководство передовых кадров революционного пролетариата (или, что то же, большевистской партии).

Этот процесс «большевизации» масс и непрерывно с ним связанный процесс превращения большевистской партии из маловлиятельной группы в массовую партию революционного пролетариата представляет собою самую характерную и бросающуюся в глаза черту развития Февральской революции и это — потому, что большевизация эта на каждой данной ступени развития революции может служить показателем вызревания в ее недрах грядущей ей на смену Октябрьской революции.

Описанный процесс развития революции не проходил равномерно в течение всего восьмимесячного февральского периода. Напротив, он прошел через три глубоких социально-политических кризиса, из которых каждый особенно остро возбуждал сознание масс и показывал им на практике, что их единственное спасение заключается в свержении власти буржуазии. Первым из этих кризисов были «апрельские дни», сделавшие в дальнейшем невозможной власть буржуазии в чистом виде и закрасившие буржуазно-империалистическую сущность власти в «социалистические» цвета коалиции.

Вторым кризисом было движение июльских дней, хотя и приведшее к временному поражению пролетариата и господству военщины, но породившее в то же время глубочайшее разочарование масс в коалиции между буржуазией и социализмом и в значительной мере выбившее почву из-под ног мелкобуржуазных партий.

Третьим кризисом было корниловское выступление и порожденное им массовое движение, окончательно дискредитировавшее коалицию, унизившую военщину, расколовшее врагов пролетариата, в огромной мере усилившее большевистские ряды и послужившее непосредственным прологом Октября.

В результате этого восьмимесячного процесса развития к моменту Октября в лагере капитала, помимо самой буржуазии и помещиков (исключая известной группы политически неве-

жественных «диких помещиков», для которых «революционная буржуазия» была столь же ненавистна, как и революционный пролетариат) остались только «духовные» (вернее социально-политические) сыны этой буржуазии—офицерство действующей армии, да еще верхушечные части мелкобуржуазных партий и более или менее многочисленные, но лишенные сколько-нибудь крупного «стратегического» значения кадры интеллигенции. В качестве вооруженной силы капитал мог с уверенностью располагать лишь немногочисленными специально подобранными военными частями из отсталых или деклассированных элементов.

В то же время лагерь противников буржуазной власти (равно как и коалиция), организованным и политическим центром которого была партия большевиков, обнимал собою почти весь пролетариат, безусловное большинство солдатских масс, широчайшие массы крестьянства, как и городской бедноты, наконец многочисленные низовые элементы самих мелкобуржуазных партий (меньшевиков, эс-эров,—поскольку эти «низы» еще не перешли прямо к большевикам), отчасти уже организационно оформившиеся в «полубольшевистскую» партию левых эс-эров. А в качестве вооруженной силы партия большевиков располагала, помимо классовых отрядов рабочей «красной гвардии», громадными массами большевистски настроенных матросов и солдат и часто целыми воинскими частями.

Внеся известную сознательность и планомерность в процесс «большевизации» Февральской революции, марксистская партия большевиков оказалась еще в гораздо большей степени в состоянии внести планомерность и сознательность в ход Октябрьской революции (понимая последнюю в узком смысле социально-политического переворота). Гениальный ленинский анализ положения помог партии выработать правильную тактику и стратегию пролетарской революции, найти удобный момент для восстания и легко привести его к победе.

Однакоже перед самым восстанием, как и в начале февральского периода, в партии опять обнаружились колебания некоторых элементов. Как и тогда, некоторые члены партии преувеличивали стоявшие перед нею трудности, переоценивали силы буржуазии и недооценивали силы пролетариата,

боялись его «изоляции», не учитывали значения между пролетариатом и крестьянством и не верили в возможность победы социалистической революции в отсталой стране.

В этих колебаниях мы имеем перед собой таким образом возврат того же меньшевистского уклона, который охватил некоторую часть партии и в начальный период буржуазной революции. Но, как и тогда, в партии после недолгой борьбы победила ленинская линия, и под ленинским знаменем партия выиграла решительный бой 25 октября.

Та же ленинская установка помогла партии справиться с разразившимся после победоносного восстания внутренним политическим кризисом в стране, как и новым кризисом внутри партии, которые оба были вызваны тем, что мелкобуржуазные массы и течения, поддерживавшие партию в деле свержения буржуазной власти, испугались перспективы чистой диктатуры пролетариата и попытались путем сильнейшего давления на партию заменить эту диктатуру коалицией пролетариата с мелкой буржуазией, даже при большем или меньшем преобладании последней.

Добившийся победы в союзе с крестьянством пролетариат осуществил свою диктатуру, но осуществил таким образом, что не уничтожил и не подорвал необходимого условия прочности своей победы в мелкобуржуазной стране — союза с крестьянством. Партия тотчас после победы укрепила этот союз, немедленно же проведя конфискацию помещичьей земли в пользу крестьянства и сделав решительные шаги к скорейшему заключению мира. Партия дала внешнее выражение этому союзу с крестьянством, допустив в состав «рабоче-крестьянского правительства» левых эс-эров, именно как представителей крестьянства.

Положив своей победой начало социалистическому строительству, пролетариат и его ленинская партия с самого возникновения советской республики и на весь дальнейший период сделали краеугольным камнем своей политики союз с беднейшим и средним крестьянством, как необходимый залог возможности построения социализма в крестьянской стране.

ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ

[1] С. А. Алексеев (сост.).—„Февральская революция". Изд. 2-е. ГИЗ 1926 г., стр. 89.

[2] „Петроградская городская и Всерос. конфер. РСДРП (б) в апреле 1917 г." ГИЗ, 1925 г. Доклад Ленина на Петр-ской конфер., стр. 9.

[3] „Уроки Октября", см. Л. Троцкий. Сочинения, т. III, ч. I, ГИЗ, 1924 г., стр. XXVII.

[4] И. Сталин.—„Вопросы ленинизма". ГИЗ, 1926 г., стр. 188.

[5] Вера Владимирова.—„Революция 1917 года". Т. IV. Август—сентябрь. ГИЗ, 1924 г., стр. 50, 68.

[6] П. Милюков.—„Россия на переломе". Т. I. Париж, 1927 г., стр. 102—103.

[7], [8] В. Владимирова—цит. кн., стр. 105, 111.

[9] „Протоколы VI с'езда РСДРП (б) 26 июля—3 августа 1917 г." Кн-во „Коммунист". М. 1919 г., стр. 220.

[10] Цифровые данные в этой главе заимствованы главным образом из книги Вл. Сарабьянова—„Экономика и экономполитика СССР". ГИЗ 1926 г. (см. гл. IV. „От февраля 1917 г. до Октября").

[11] А. Панкратова.—„Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику". Изд-во „Красная Новь". М., 1923 г., стр. 218.

[12] Ем. Ярославский.—„Большевики в февральско-мартовские дни 1917 г." „Пролетарская Революция", 1927 г., № 2—3, стр. 46.

[13] „Рабочее движение в 1917 г." Подгот. к печати. В. Л. Меллер и А. М. Панкратова. ГИЗ, 1926 г., стр. 40.

[14] Ярославский—назв. ст., стр. 46—47.

[15] „Рабочее движение в 1917 г.", стр. 48.

[16] Арт. Кактынь.—„Одна из первых побед на путях к Октябрю". „Правда" от 12 июня 1927 г.

[17] Панкратова—назв. книга, стр. 189.

[18] „Рабочее движение в 1917 г." Предисловие Я. Яковлева, стр. 5.

[19] Данные заимствованы из цит. книги Меллера и Панкратовой—„Рабочее движение в 1917 г.", гл. V.

[20] Вера Владимирова.—„Революция 1917 г." Т. III, стр. 161. Меллер и Панкратова.—„Рабочее движение в 1917 г.", стр. 150—151.

[21], [22] Меллер и Панкратова — назв. кн., стр. 274 — 275 и стр. 259—260.

[23] Каключин.—„Войсковой атаман Каледин". См. „Донская Летопись", 1923 г. № 2, стр. 126.

[24], [25] Н. Авдеев.—„Революция 1916 г." Т. II. ГИЗ, 1923 г., стр. 78 и 132—135.

[26] Н. Авдеев.—„Революция 1917 г." Т. I. Изд. 2-е. М. ГИЗ, 1924 г., стр. 97.

[27], [28], [29], [30], [31] И. Верменичев.—„Аграрное движение в 1917 г." „На Аграрном Фронте", 1926 г., № 2, стр. 48, 55, 56, 57, 49.

[32] „Аграрные Проблемы", 1927 г., № 2, стр. 18.

[33] „Русское Слово" от 29 сент. 1917 г.

[34] П. Н. Милюков.—„История второй русской революции". Т. I. Вып. III. „Российско-Болгарское кн-во". София, 1923 г., стр. 65.

[35] Цитир. по бр. Е. Ярославского.—„Партия большевиков в 1917 г." ГИЗ, 1927 г., стр. 32.

[36] Критическое изложение хода Совещания см. в ст. Я. Яковлева.— „Всероссийское Совещание Советов 1917 г." „Пролет. Рев.", 1927 г., № 4.

[37], [38] Н. Авдеев.—„Революция 1917 г." Т. I. Изд. 2-е, стр. 198, 143.

[39] Об апрельских тезисах и докладах Ленина см. ст. О. Варенцовой.—„Две тактики" и Ф. Драбкиной.—„Приезд тов. Ленина и мартовское совещание, „Пролетарская Революция", 1927, № 4. См. также „Правду" от 16 апреля 1927 г.

[40] „Каменев и Зиновьев в 1917 г."—Факты и документы. Изд. 2-е. „Моск. Рабочий". 1927 г., стр. 8.

[41] Об этой конференции см. книгу „Петроградская общегородская и Всероссийская конференция РСДРП (б) в апреле 1917 г." ГИЗ. М., 1925 г., а также ст. А. Станчинского.—„Всеросс. апрельская партийная конференция 1917 г." в „Пролетарской Революции", 1927 г., № 4.

[42], [43], [44] Из резолюции VI с'езда, см. „Протоколы VI с'езда РСДРП (б)". Кн-во „Коммунист", М., 1919, стр. 220, 226, 223.

[45] „Пролетарская Революция", 1927 г., № 10 (69), стр. 246.

[46] Г. Ломов.—„В дни бури и натиска". См. сб. „Москва в Октябре". Изд. Отд. печати Моск. Сов. Р. и К. Д. Москва, 1919 г., стр. 38—39.

[47] Норов.—„Накануне", в цит. сборн. „Москва в Октябре", стр. 13—15.

[48] Подробнее см. в ст. Ем. Ярославского.—„В защиту партийности и партийной дисциплины". „Правда" от 15 октября 1927 г.

[49] Н. Подвойский.—„Военная организация РСДРП (б) и Военно-Револ. Комитет 1917 г." „Красная Летопись", кн. 8, 1923 г., стр. 18.

[50] А. Попов (сост.)—„Октябрьский переворот". Сборник. Под ред. Н. А. Рожкова. ГИЗ, 1918 г., стр. 159—160.

[51] Н. Подвойский.—цит. стр., стр. 20.

[52] „Воспоминания Садовского". „Пролетар. Рев.", № 10, 1922 г., стр. 76.

[53] А. Ф. Керенский.—„Гатчина". См. сборник „Октябрьская революция". Сост. С. А. Алексеев. ГИЗ, 1926 г., стр. 169.

[54], [55] Документы цитированы по книге: К. Рябинский.—„Революция 1917 г.“ Т. V. „Октябрь“. ГИЗ, 1926 г. Там же, стр. 167. В тексте этой книги неверно назван 5-й самокатный батальон вместо 3-го.

[56] Ник. Суханов.—„Записки о революции“. Кн. VII. Изд. Гржебина, Берлин, 1923 г., стр. 156—157.

[57], [58] См. цит. ст. „Гатчина“; сборн. „Октябрьская революция“, стр. 184.

[59], [60] П. Н. Краснов.—„На внутреннем фронте“. Керенский.—„Гатчина“. Тот же сборн. С. А. Алексеева „Октябрьская революция“, стр. 55—56 и 184.

[61] Г. Семенов (Васильев).—„Военная и боевая работа партии социал-револ. за 1917—1918 гг.“ ГИЗ, 1922 г., стр. 6.

[62], [63] Краснов. Та же ст. в том же сб., стр. 66—67, 62.

[64] „Ставка 25—26 октября 1917 г.“, в сборн. „Октябрьская революция“, стр. 399, 414.

[65] „Разложение армии в 1917 г.“ Центроархив, ГИЗ, 1925 г., стр. 168.

[66], [67], [68], [69] Краснов—цит. ст., стр. 71, 68, 62, 66—67.

[70] „Пролетарская Революция“, № 9 (21), 1923 г., стр. 84.

[71] Краснов—там же, стр. 69.

[72] Цит. ст., „Пролетарская Революция“, № 9 (21), 1923 г., стр. 84.

[73] См. А. М. Смирнов.—„Краткие заметки из жизни самокатчиков 3-го батальона в Октябрьские дни 1917 г.“ „Красная Летопись“, № 2—3, 1922 г., стр. 155—157.

[74] Милюков.—„История второй русской революции“, т. I, вып. 3, стр. 263 и 265.

[75] Цит. в той же кн. Милюкова, стр. 265.

[76] Г. Семенов.—„Воспоминания бывшего эс-эра“. „Прожектор“, 1923 г., № 8, стр. 29.

[77] П. Н. Краснов.—„Описание действий 3-го конного корпуса под Петроградом против советских войск. Великие Луки, 1917 г.“ Цитир. в назв. кн. Милюкова, стр. 247.

[78] А. И. Деникин.—„Очерки русской смуты“. Цитир. по сборн. С. А. Алексеева „Октябрьская революция“, стр. 276.

[79] В. А. Вейгер-Редемейстер.—„С Керенским в Гатчине“. „Пролет. Революция“, № 9 (21), 1923 г., стр. 88.

[80] Краснов—цит. ст. в сб. „Октябрьская Революция“, стр. 71.

[81] Вейгер-Редемейстер—цит. ст., стр 89.

[82], [83] Краснов—то же, стр. 70, 73, 74, 75.

[84] Г. Семенов (Васильев).—„Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—1918 гг.“ ГИЗ, стр. 6.

[85] „Воспоминания об Октябрьском перевороте“. „Пролетарская Революция“, 1922 г., № 10, стр. 61—62.

[86] Вейгер-Редемейстер—цит. ст., стр. 89—90.

[87] „Борис Савинков перед коллегией Верховного Суда СССР“. Полный отчет по стенограмме суда. Изд. Литиздата НКИД. Москва, 1924 г., стр. 31.

[88], [89] Вейгер-Редемейстер—цит. ст., стр. 88, 78.

[90, 91, 92, 93] Керенский, Краснов—цит. кн., стр. 199, 198—199, 200, 80.

[94, 95] П. Е. Дыбенко.—„Мятежники". Изд. „Красная Новь". 1923 г., стр. 89, 90.

[96] Цит. у Милюкова, назв. кн., стр. 280.

[97] „Дело Народа", 1917 г., № 190. Цитир. в „Обвинительном заключении по делу партии социалистов-революционеров". ГИЗ, 1922, стр. 8.

[98] Л. Д. Троцкий. Сочинения. Т. III, ч. 2. ГИЗ, 1924 г., стр. 306.

[99] Суханов—цит. кн., стр. 280.

[100] Г. Благонравов.—„Октябрьские дни в Петропавловской крепости". „Пролетарская Революция", № 4, 1922 г., стр. 34, 44.

[101] Л. Троцкий. Цит. кн., стр. 307.

[102] А. Попов.—„Октябрьский переворот", стр. 343.

[103, 104, 105] П. Вомпе.—„Дни Октябрвской революции и железнодорожники". Изд. ЦК жел.-дор. Москва, 1924 г., стр. 16, 18, 21—22.

[106] „Протоколы заседаний ВЦИК II созыва". Изд-во ВЦИК. М., 1919 г., стр. 10.

[107, 108, 109, 110] Вомпе—цит. кн., стр. 22, 27, 28, 29.

[111] Н. И. Бухарин.—„На подступах к Октябрю". ГИЗ, 1926 г., стр. 161.

[112, 113] Вомпе—цит. кн., стр. 29, 31—32.

[114] Ф. Дан.—„К истории последних дней Временного Правительства". См. сборн. „Октябрьская революция", стр. 116.

[115] Вомпе—цит. кн., стр. 37.

[116, 117] Ан-ский.—„После переворота 25 октября 1917 г." См. „Архив Русской Революции", т. VIII, стр. 50, 51—52.

[118] „Протоколы заседаний ВЦИК II созыва", стр. 15—16.

[119] Вера Владимирова.—„Год службы „социалистов" капиталистам. ГИЗ, 1927 г., стр. 48.

[120, 121] А. Попов.—„Октябрьский переворот", стр. 406, 393—399.

[122] „Пролетарская Революция", № 10, 1922 г., стр. 470.

[123] „Протоколы заседаний ВЦИК II созыва", стр. 31—32.

[124] Цит. по брошюре „Каменев и Зиновьев в 1917 г." Факты и документы. 2-е изд. „Московский Рабочий", 1927 г., стр. 59—60.

[125] См. ст. В. Яковлевой.—Подготовка Октябрьского восстания в Московской области". Бориса Волина.—„Московский Совет перед Октябрем". Шлихтера.—„Памятные дни в Москве". „Пролетарская Революция", № 10, 1922 г.

[126] „Протоколы заседаний ВЦИК II созыва", стр. 38.

[127, 128] Н. Муралов.—„Из впечатлений о боевых днях в Москве". „Пролетар. Рев.", № 10, 1922 г., стр. 310—312.

[129] См. ст. Н. Карзыкина.—„Расстрел юнкерами арсенальцев в Кремле 28 октября 1917 г." „Пролет. Рев." № 5, 1922 г.

[130] Муралов—цит. ст., стр. 310—312.

[131] „Протоколы заседаний ВЦИК II созыва", стр. 38.

[132], [133], [134] Милюков—цит. кн., стр. 296, 297, 298—299.

[135], [136] В. Владимирова—цит. кн., стр. 60, 59.

[137] Милюков—та же кн., стр. 302.

[138] Там же, стр. 303.

[139] Г. Лелевич.—„Октябрь в ставке". Кооперат. изд-во „Гомельский Рабочий". Гомель, 1922 г., стр. 21.

[140] Там же. стр. 29.

[141] Там же, „Приложения", стр. 4—5.

[142] Там же. „Приложения", стр. 11.

[143] Цитаты взяты из документов, приведенных в кн. Лелевича, гл. IV.

[144] Лелевич—назв. кн., „Прилож.", стр. 58.

[145], [146], [147] „Протоколы заседаний ВЦИК II созыва", стр. 43, 56, 55.

[148], [149], [150], [151], [152], [153] Лелевич.—назв. кн., „Прилож.", стр. 72, 73, 56, 73—74, 72, 76—77.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Февральская революция — предтеча Октября

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Предпосылки Октябрьской революции

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Организация и ход Октябрьской революции

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Победа пролетарской революции

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ

МОСКВА, Новая пл., 6. ЛЕНИНГРАД, Проспект 25 Октября, 66. ХАРЬКОВ, Горяиновский переулок, Дворец Труда, комн. 5. КИЕВ, улица Воровского, 25, пассаж, 33. РОСТОВ на ДОНУ, улица Фридриха Энгельса, 102. ТАШКЕНТ, улица Карла Маркса, 28. СВЕРДЛОВСК, улица Малышева, 62. ВОРОНЕЖ, площадь Революции, 20. САМАРА, Ленинградская улица, 37. НИЖНИЙ НОВГОРОД, улица Свердлова, 8. САРАТОВ, улица Республики, 13.

2 р. 25 коп.

Р

